

1 (54) Тюмень-2020

ВРАТА СИБИРИ

В 1(54) ВРАТА СИБИРИ

Тюмень-2020

16+

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:
АНО

«Тюменская область сегодня»

Редактор, автор проекта
ИВАНОВ Л.К.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 1 (54)

БЕЛКИН С.В.
ГАРДУБЕЙ М.М.
ЕГОРОВ С.И.
ЕФРЕМОВА Л.Г.
КОЗЛОВ С.С.
СТРОГАЛЬЩИКОВ В.Л.
ФЕДОСЕЕНКОВ М.А.
ШЕСТАКОВ С.А.
ШИРМАНОВ И.А.
ЯРКОВ А.П.

Тюмень
2020

Содержание

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Леонид ИВАНОВ Прогулка под трибунал	3-8
Аркадий ЗАХАРОВ Гутен морген	9-13
Вероника БОГДАНОВА На грани смерти	14-17
Ирина ЧУПИНА Дети войны	18-23
Сергей ДЮКАЛОВ Ленинград	24-28
Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ Женская доля и подледный лов	29-30
Владимир ГЕРАСИМОВ Берега далекие и близкие	31-38
Халида КИРАМОВА Тема войны в творчестве Якуба Занкиева	39-44
Алла КУЗНЕЦОВА Микеланджело.....	45-50
Сергей ЛУЦКИЙ Осколок империи	51-59
Даниил СИЗОВ Историческое	60-63
Анна АРКАНИНА Полдень	64-67
Павел БЕЛОГЛАЗОВ В старых храмах	68-71
Владимир ШУГЛЯ Шестое чувство	72-74
Роберт ЯГАФАРОВ Добрые люди	75-82
Наталья БОРОДКИНА Акварель	83-87
Виктория БОНДАРЕВА Солнце Сибири	88-90
Николай ИВАНОВ По стечению звезд	91-94
Артур ТОМСКИЙ А.Р.	95-99

ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий ОМЕЛЬЧУК К Шукшину за правдой!	100-113
Александр МИЩЕНКО Герои мемориального города	114-119
Геннадий САЗОНОВ Гении русского царства	120-130

КРАЕВЕДЕНИЕ

Надежда АНТУФЬЕВА Военморы Убекосибири	131-139
--	---------

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЕВА	
Юрий Рыбьяков. Ностальгия. Гений места	140-141

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Андрей РАСТОРГУЕВ История особого рода	142-147
Станислав ЛОМАКИН Философия сходится с верой и поэзией	148-153
Эдуард АНАШКИН В сторону доброты	154-156
Ольга ОЖГИБЕСОВА Палка, палка, огуречик	157-158

НАШИ ГОСТИ. БОЛГАРИЯ

Бойка АСИОВА Яловая вдова	160-166
Елка НЯГОЛОВА Волчья метель	167-171
Ели ВИДЕВА Пастораль	172-173
Иван СТРАНДЖЕВ О маленьких вещах	174-177
Красимир БАЧКОВ Первокласная спортивная рыбалка	178-182
Минна КАРАГЕЗОВА Улица проливных дождей	183-187
Надя ПОПОВА Междоуцарствие Господне	188-190
Росица КУНЕВА Библейское	191-192
Коротко об авторах	193-199

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Леонид ИВАНОВ

Прогулка под трибунал

Глава из романа «Люди добрые»

– Здравия желаю, товарищ капитан первого ранга!
– Держи краба! – хозяин вытянул вперед руку с растопыренными пальцами, будто готовясь взять мяч.

Вадим хорошо знал это морское приветствие, сделал точно так же, и две руки ухватились друг за друга, не сильно впившись ногтями в запястья.

– Молодец! Где служил?

– Видяево.

– Офицер?

– Нет, три года срочной службы на флоте. Главстаршина.

– Морской волк?

– Увы, практически всю службу в штабе просидел. Стыдно признаться.

– А чего стыдиться? На берегу тоже кому-то надо. Я вон вскоре после войны на берег был списан. В отставку ушел из КЭЧ. Знаешь, что это такое?

– Кто же не знает? Квартирно-эксплуатационная часть. Вроде нашего домоуправления.

– Ну да, ну да. Вроде домоуправа и служил.

– Извините, мне говорили, что вы – капитан первого ранга.

– Считаю, что я домоуправ с погонами. А что мы стоим? Проходи к столу, присаживайся. Уж коли приехал, так, наверное, дела есть? Поговору явно нездешний.

– Из Ленинграда.

– Вот-вот, знакомый говор. Я ведь в молодости мореходку в Ленинграде заканчивал, а потом и академию. А вы, молодой человек, чем занимаетесь?

– Учусь в университете, на журфаке. Здесь на практике.

– Ага! Значит, приехал заметку обо мне написать?

– Хотелось бы очерк.

– А что, более интересных кандидатур не нашлось?

– Мне сказали, судьба у вас очень интересная, – сознался Вадим.

– Судьба, брат, у каждого интересная. Зависит, как на нее посмотреть.

– Говорят, судьба вас сильно потрепала...

– А кого она не трепала? Ты мне покажи такого человека, который войну пережил, хоть на фронте, хоть в тылу, да чтобы его судьба не трепала. Всем с лихвой досталось. Вот и я не был исключением. Только вспоминать о том тошно! Думаешь, легко старые раны беречь, в душе ковыряться? А вашему брату что? Заскочил на полчаса, биографию расспросил и бегом заметку строчить. Да отсебятины столько напридумываете, что людям в глаза стыдно смотреть.

– Я не спешу, – извиняющимся тоном сказал Вадим. – Меня только в конце дня машина на обратном пути подберет.

– Тогда другое дело. Раздевайся, будем чаевничать. Правда, говорят, чай – не вино, много не выпьешь.

– А у меня есть, – засуетился Вадим и начал доставать из сумки купленную специально для этой поездки бутылку «Столичной».

– Да спрячь ты свое барахло, – махнул рукой хозяин. – Я казенную редко употребляю. У меня свое. В сто раз лучше магазинного. Там же отравы, сивуха одна, а у меня собственная система очистки. Сейчас попробуешь, за уши не оттащить.

– Я вообще-то к спиртному не очень, – поспешил предупредить Вадим.

– А кто очень? Я что ли очень? Но если повод хороший, то почему по стопочке-другой не принять? Например, за знакомство. Нечасто тут у меня ленинградские гости бывают.

– Да я не в гости. Я по работе.

– Ты, молодой человек, у меня в доме, значит гость. А по какой надобности, не суть важно. Извини, разносолов ленинградских у меня нет, но чем закусить, найдем.

– Да вы не беспокойтесь...

– И не беспокойство то вовсе. Закон гостеприимства.

Хозяин вышел в сени, вернулся с какими-то мисками в руках, начал доставать из них квашеную капусту, соленые огурцы, копченое мясо. Разложил все это по тарелкам, поставил рядом с ними стопки, из шкафа достал бутылку с какой-то желтого цвета жидкостью.

– Вот, настойка собственного приготовления. С чесноком. А хочешь, принесу на морошке, только от нее наутро голова болит. А все равно люблю морошку. Это еще с войны, именно морошка меня от смерти спасла. Почему-то в войну ее столько было! Никогда позднее так много не видывал. Ненцы говорят, что это самая главная ягода на Севере. Ну, давай за знакомство. Как тебя по имени-отчеству?

– Вадим. Вадим Раевский.

– Ишь, фамилия-то какая – знатного рода. Оттуда идет? – хозяин большим пальцев показал за спину.

– Оттуда, – заулыбался Вадим.

– Ну а я крестьянского рода. Из этих мест родом. Безруков Алексей Васильевич.

– Очень приятно!

– Ты эти интеллигентские замашки пока оставь, давай по-простому. Ну, за знакомство!

Вадим пригубил, пробуя напиток на вкус.

– Не понравилось с чесноком? Могу дать на клюкве, бруснике, ягодах можжевельника. Могу с перцем.

– Нет-нет, я просто пробую.

– А что ее пробовать? Самогонка как самогонка, только на разных ягодах настояна.

Вадим допил содержимое стопки, закусил кусочком копченого мяса.

– Алексей Васильевич, вы говорили, что морошка вас от смерти спасла. Как это?

– Ранило меня. Я тогда в штрафной роте служил. Как говорили, должен был или погибнуть, или вину кровью искупить. Теперь, наверное, мало кто и знает, что немцев с финнами на Кольском полуострове в некоторых местах ведь так и не пустили границу пересечь. Отстояли наши рубежи. Но бои на протяжении всей войны до сорок четвертого были жесточайшие. Наши мало того что оборону держали, частенько в тыл десант забрасывали, чтобы

врага в постоянном напряжении держать, чтобы он вынужден был с линии фронта силы оттягивать на оборону своих баз.

Ты же знаешь, как на Кольском полуострове, так и дальше туда – сплошь заливчики разной величины. Ну у нас это называется губа, у них фьорды. В этих фьордах военные корабли да подводные лодки на боевом дежурстве прятались, а как идет конвой с грузом по лендлизу, они неожиданно и напали. Вот наша морская пехота на торпедных катерах да морских охотниках рейды в тыл и совершала. Если корабль или лодку уничтожить не удастся, так хоть в фьорде этом запереть, не дать возможности выйти.

– Я где-то читал об этом. В романе «Реквием каравану PQ-17» Пикуля.

– Верно. Но он про караван писал, а про морскую пехоту мало что сказано. А жаль, героические были ребята. Одна операция на мысе Пикшуев чего стоит! Легендой стала. Там враг такой сильный оборонительный узел из трех укрепленных пунктов, подготовленных для длительной круговой обороны, создал, что ни с какой стороны не подступишься. Все из камня и бетона. А уничтожить этот узел надо было во что бы то ни стало. Долго операцию готовили, несколько сотен морпехов задействовали, на девяти судах с Рыбачьего десант забросили, с двух сторон в половине пятого утра подошли и атаковали, а к восьми утра все два десятка сооружений уже были взорваны. Наши потери – шестьдесят человек убитыми и ранеными.

– Вы тоже там были?

– Я был капитаном одного из трех морских охотников. Знаешь, что это за корабль?

– Кажется, видел в музее.

– Кажется, видел... Эх вы, молодежь! Историю надо знать! А как же? Те, кто на больших кораблях, к нам с некоторым превосходством относились, я бы даже сказал, с этаким пренебрежением. «Эй, – кричали, – на мошке, далеко от берега не уходи, в море унесет!» Корабль маленький, юркий, скоростной. Мы ставили глубинные бомбы против подводных лодок, на нас охотились самолеты, но и мы тоже были вооружены зенитками, поэтому бывало, что мы эти самолеты сбивали. На счету некоторых кораблей было по несколько сбитых самолетов. Для высадки десанта тоже нас да торпедные катера использовали. Скорость большая, под прикрытием берега могли близко подойти. Нас нередко вместе и использовали. Торпедные катера могли спрятавшиеся в шхерах корабли потопить, а мы на выходе глубинные бомбы поставить, чтобы подводные лодки там запереть. Вот за одну такую операцию я и получил орден Красной Звезды, который потом профукал.

– Как это?

– А вот так! Дурак был! Ухарь! Вот и профукал.

– Потеряли?

– Можно и так сказать. Лишили.

– А разве наград лишают?

– Лишают, молодой человек, лишают. Правительственным указом, так же, как и награждают.

– Извините, а за что вас лишили?

– Не люблю я это вспоминать! Говорю же, дурак был. Давай еще по чуть-чуть.

Алексей Васильевич наполнил рюмки, чокнулись, выпили. После долгого молчания хозяин заговорил:

– За что, спрашиваешь. А вот за это самое, – и он кивнул на бутылку. – Откомандировали меня в Полярный новый корабль получать, а старый в капитальный ремонт поставить. И встретил я там своего старого друга. Он тоже прибыл новый торпедный катер получать. Выпили за встречу, а ве-

чером концерт. Наши оба экипажа на него попали. И так мне одна певица из хора глянулась, просто смотрю на нее, и сердце щемит... Вот именно тогда я и поверил, что бывает она – любовь с первого взгляда.

После концерта экипажи свои отвели на корабли, снова с другом встретились. Хорошо так посидели, поговорили, еще добавили. Я все его подбиваю, мол, давай узнаем, где артистов разместили, да в гости сходим. Тушенки возьмем, спиртику, их ведь наверняка хуже нас, моряков, кормят. Но война, комендантский час, куда там ночью погрешься? Патрули везде.

Назавтра узнали, что артисты обратно в Мурманск уехали, а нам команды возвращаться все нет и нет. После обеда опять выпили, а он в шутку и говорит, мол, давай, в Мурманск к артисткам этим смотаемся на торпедном катере. Что там, каких-то тридцать километров! Всего и делов-то. Сначала посмеялись, а мысль в голове засела. Когда еще спиртику добавили, к этой теме и вернулись. Он своим команду подает, и вперед!

– Нашли своих артисток? – перебил Вадим.

– Да какой там! Нас перехватили, едва отчалить успели. Обоих под трибунал. Разжаловали, наград лишили, поскольку в положении об ордене Красной Звезды сказано, что награжденный должен служить примером не только храбрости, самоотверженности, мужества, но и образцово нести военную службу. А мы какой образец показали? В военное время без приказа, можно сказать, с передовой в тыл боевой корабль угнать пытались. Хорошо, что не к расстрелу приговорили, обоих в штрафбат, вину кровью искупать.

– Сурово!

– Сурово, конечно, но иначе нельзя было. Дай слабину, такое начнется. И отправили нас обоих матросами. Сережку в первом же бою и убило. Я ту смерть так себе до конца жизни не прощу, потому что я ведь, если по сути, его на эту авантюру подбил. Но казни себя не казни, а человека с того света не вернешь. Я тоже ранен был. Тяжело.

Выброска у нас тогда неудачной была, катера немцы потопили, нас в тундру отогнали, там из самолетов добивали. Кое-кому удалось вырваться, а на остальных похоронки домой отправили. На меня тоже. А я вот выжил. В обе ноги ранило, крови много потерял, идти не мог, а ползком далеко ли уползешь? Вот морозка и спасла. Да хорошо, что ненец один теми местами стадо свое перегонял подалее от стрельбы, на меня его собаки наткнулись. Подобрал, оленька молодого забил, меня кровью свежей напоил, выходил, потом к нашим вывез.

После госпиталя в морскую пехоту перевели. Там в первом же десанте на подходе к берегу нам очень сильный отпор дали, под такой обстрел попали, что словами не высказать. Многие еще на борту погибли, командира «мошки» тоже убило, я на себя командование взял, высадились, и хоть мало нас осталось, навели врагу шороху. За ту операцию мне лейтенанта дали. Так снова офицером стал, опять на корабль перевели. Потом еще одна похоронка была. Также в сильный переплет при десантировании попали. Выход для лодок заминировали, а при отходе нас затопили. Берегом к своим две недели выбирались. По сопкам хаживал?

– Бывало. Однажды хотели с двумя друзьями Баренцево море посмотреть. Двенадцать часов шли, полярный день, солнце круглые сутки светит. Идем-идем, вот, думаем, за этой сопкой точно море видно будет, а там другая сопка, потом еще одна. Так до моря и не дошли, поняли, что надо обратно возвращаться, а то хватятся нас, накажут за самоволку. Почти сутки бродили, вымотались, еле до казармы доплелись. Ноги потом целую неделю болели.

– Вот-вот! Мы по этим сопкам точно так же выходили. Только была не середина лета, а глубокая осень. Снегом впадины забило, как только

ноги не переломали, до сих пор диву даюсь. И как нас в черных бушлатах с самолетов не заметили, когда в короткие сумеречные дни они неподалеку пролетали?

– А как вы через линию фронта?

– А тут нам просто повезло. Услышали бой, продвинулись в ту сторону и ударили врагу с тыла. Нас хоть и мало было, но нападение с тыла панику посеяло. Так с нашими соединились, и вместе с ними обратно вернулись.

– За этот бой вы очередной орденом получили?

– За операцию. Этот бой был так. Попутный. Вообще, должен сказать, мне всю войну везло. И ранения еще были, и ситуации разные, а всегда живой оставался. Будто заговоренный.

– В приметы верите?

– Да как тебе сказать... Вот в Бога не верю, а в приметы разные верю. Жизнь поверить заставила, потому что столько раз какая-то неведомая сила, интуиция что ли, выручала, что нельзя не верить. Верующие, наверное, сказали бы, что ангелы-хранители берегли. Ведь две похоронки родные получили, а я оба раза жив остался.

– Скажите, а с девушкой той, с артисткой, так больше и не виделись?

– А как же! Я ее после войны отыскал. Вот представь, каково было искать, когда ни имени, ни фамилии не знаешь! А нашел. Оказалось, замужем она уже тогда была. Муж – офицер. Так ведь отбил я ее!

И Алексей Васильевич расхохотался. Просмеявшись, он наполнил стопки:

– Давай помянем. Замечательная была женщина! А уж любил я ее до самой смерти. Поверишь ли, больше ни на одну женщину даже не поглядел. Знал, что другой такой во всем мире больше нет.

– А дети ваши где?

– Не получилось у нас с детьми. И в первом браке у нее детей не было, и со мной не получилось. Собственно, с первым мужем она и жила всего ничего. Перед самой войной поженились, а как война началась, Мурманск, ты знаешь, очень сильно бомбили. Немцы с финнами ой как рвались, чтобы порт и железную дорогу захватить. А коли так не получалось, то они бомбежки страшные устраивали.

Однажды во время налета осколком и мою, ну тогда еще не мою, Анфису и ранило в живот. Операцию сделали, все зажило, а что-то, видно, повредило, раз с детьми не получалось. Думали, конечно, что может не по климату ей там, она до того как в ансамбль попасть, в Любани, в Белоруссии жила. Но и на родину в отпуск ездила, и на курорты, не помогало. А когда я в отставку вышел, мы здесь дом купили. Я тут неподалеку родился, и родные мои все тут похоронены, а я уже без воды не могу. Но в моей родной деревне речка маленькая, а тут вон какое озеро. Утром встанешь, в окно глянешь, будто море перед тобой раскинулось. Я как этот дом окнами на озеро увидел, так сам себе и сказал, все накопления отдам, но не отступлюсь – выкуплю.

– Дорого получилось?

– Совсем пустяки. Старушка тут одна жила, к сыну в город увезли с внуками нянчиться, за бесценок продали. Все одно, говорят, так сгниет, никому не нужным. Анфисе моей то ли не по климату тут пришлось, то ли что другое, но она быстро таять стала. За два года и растаяла. И никакие лекарства не помогли, ни бабки разные с их травами и заговорами. С моими родителями рядом и похоронил. Теперь вот один небо копчу.

– Вам, я думаю, просто так копить не дают. Праздник Победы близится, в школы, наверное, приглашают перед детьми выступить.

– Да приглашают, конечно! А что я им про войну-то скажу?

– Да у вас вон какая биография богатая! Орденов несколько, ранения, похоронки. Про тот первый орден опять же.

– Что просрал его? Да кому это кроме меня интересно?

– Хотя бы в качестве примера, чем иногда элементарная глупость оборачивается.

– Да разве кто на чужих ошибках учится? Каждому свои шишки набить надо, вот тогда он поймет. А чужие они и есть чужие.

– Да, но у вас и о подвигах примеров много. О чужих, о своих.

– Вот скажи ты мне, молодой человек, как про войну рассказать, чтобы там подвиг был виден? Там кровь, смерть, там жуть. А подвиги? Может, со стороны это подвигом кажется, а там зачастую у человека просто выбора нет. Или погибнуть трусом, или сломя голову вперед под пули в надежде, что твоя мимо пролетит, и ты на этот раз жив останешься.

То же и на корабле. Там не о подвигах думаешь, а что сделать, чтобы снаряд или бомба мимо пролетела. Это вон в кино да в книгах все красиво получается. Герой долго думает, куда шагнуть, что для смелости крикнуть, как в рукопашной действовать. А в жизни у тебя на раздумья доли секунды нет, исключительно на автоматизме что-то делаешь, бьешь сам, уворачиваешься от удара врага, стреляешь, если патроны еще не кончились.

Читаю я иногда в газетах воспоминания участников войны, стыдно за них становится. Такого напридумывают то ли сами, то ли ваш брат, корреспонденты, что диву даешься, какие немцы дураки были, и какие мы умные да отважные. Есть, конечно, краснобаи, складно рассказывать умеют. Но мне кажется, не пережитое собой они рассказывают, а вычитанное из книг да газет, где все намного складнее да красивее подано, чем это на войне было на самом деле.

Вот этого бахвальства я и боюсь. Раз придумал, второй, а потом понесет так, что и сам в выдумки поверишь, а еще через какое-то время и правду от выдумки отличать перестанешь. Ладно, давай эту тему оставим, лучше еще по чуть-чуть. У меня от этих разговоров даже давление поднялось. Давай для расширения сосудов.

Аркадий ЗАХАРОВ

Гутен морген

Рассказ-быль

Когда даже два стеганых одеяла не спасают от холода остывшей комнаты, приходит время просыпаться. Анна нехотя откинула одеяла и села на краю железной кровати. Сквозь тонкую стену проникали звуки из соседней комнаты. Зашевелилась соседка Вера, затопала по скрипучему полу, щелкнула выключателем и загремела жестяным рукомойником. Анна сунула ноги в укороченные для домашнего ношения валенки и тоже пошла умываться. Своим умывальником Анна гордилась – такого не было ни у кого из соседок, а может, и во всем городе. Белого мрамора раковина покоилась на мраморной тумбе. К задней стенке тумбы крепилась мраморная же панель с надписью на немецком «Гутен морген» и ангелочком, удерживающим бронзовый сосуд с ажурной крышкой и соском, с которого никогда не свисали капли.

До войны к Анне не раз заглядывали то антиквары, то музейные работники с предложением продать редкость. Но Анна не соглашалась: в убогом убранстве ее жилья только и было красоты, что умывальник, оставленный сбежавшим от революции хозяином этого дома и целого литейно-механического завода, немцем Густавом Абтом. Дом заводчика переделали в коммуналку и заселили его бывшие работники, остатки имущества поделили. Кому достался стол, кому комод, а Анне с мужем вместе с комнатой – неподъемный умывальник. Завод же сменил название и продолжил отливать на потребу населения те же дореволюционные утюги, сковородки, печное литье и ступки с пестиками. А по особым заказам – ажурные чугунные ограды, лестничные марши и даже мясорубки.

Анна с мужем Петром и ее соседка Вера с Федором продолжили работать на заводе, как и раньше: жены формовщицами, а мужики плавилисьщиками. Почти одновременно Анна и Вера родили сыновей, сообща растили и вместе проводили их в школу, в которой Сашка и Пашка сели за одну парту. И вообще они росли «не разлей вода». Не успели матери оглянуться, как вымахали парни до того возраста, когда настало время служить. Оба выбрали кавалерийско-пулеметное училище младшего состава. Не успели ребята его закончить, как грянула война, и отправили молодняк в самую заваруху спасать Родину. Храбрились перед отправкой: «Мы им покажем! Шашки под высь!» И после – ни слуху ни духу ни от одного, ни от другого.

Мужья Петр и Федор как-то сошлись на крыльце, потолковали, покурили и порешили, что за спинами сынов негоже отсиживаться и надо идти к ним на выручку. Как бабы ни причитали, не послушались, гордые, красноармейцы вчерашние, ушли в военкомат. А оттуда под Москву. Больше уже не вернулись оба. Пришли с фронта бумаги, что Петр погиб смертью храбрых и неизвестно где похоронен. А Федор пропал без вести и, может, не похоронен вовсе, а лежит где-нибудь в болотине, и клюют его вороны. И такая беда была не только у Веры с Анной, а почти у всех баб, кого ни возьми. Озлобились на немцев женщины, и представился им случай с гадами посчитаться.

Перевели их завод на выпуск военной продукции. С запада эвакуировали два заводика помельче, но со станочным парком и рабочими кадрами. Соединили их с литейно-механическим и поставили задачу делать для фронта минометы и мины к ним. Невыносимо напряглись старики, пацаны и женщины, но с задачей справились. День и ночь дымили вагранки завода, плавил чугун, а старики и бабы ковшами вручную разливали его по земельным формам. В каждой форме шесть корпусов для мин. В каждом корпусе три килограмма чугуна. В каждом ковше жидкого чугуна 30 килограммов. Да сам ковш весит не меньше. За смену у литейщиков руки отваливались. Плавильщикам и формовщикам не легче. Да и станочникам тоже. Губы кусали, чтобы не стонать. Грелись думкою, что каждая их мина разорвется в немецких позициях сотнями осколков, поразит супостатов, остановит их и погонит с русской земли. Может, кого из наших солдатиков защитит, от увечья или смерти спасет.

Ежедневно шел на завод поток пионерского металлолома, металлоотходов с других заводов, руды уральской и даже местной, болотной, о которой вспомнили вовремя. Угля каменного и даже древесного на программу пока хватало. И вдруг, на беду неожиданно, известняк кончился, осталось суток на трое. Потом же хоть вагранки гаси. Запас известняка на заводе был, при прежних темпах плавки его года на два хватило бы. Никто в мирное время не рассчитывал на стахановские темпы литья. Однако оборонный заказ срывать нельзя, и на заводе забили тревогу: нужно продержаться еще дня четыре, пока вагоны с Урала придут. Там их уже грузят ударными темпами.

В прокуренном кабинете первого секретаря горкома ВКП(б) раннее совещание по ситуации на литейно-механическом. Первый за массивным столом с мраморными чернильницами. Это сам Устюгов – олицетворение власти и решимости. Рядом – председатель горисполкома Зверев, исхудавший, нервный, со впавшими от недосыпания глазами. Еще прокурор (как без него), уполномоченный комитета обороны и на обшарпанных стульях вдоль стен другие, возможно причастные.

Оправдывался, потя и зайкаясь, директор завода Михеев: «Представляете, ошибка вышла с запасами. На площадке известняк горой возвышался. Завезли его бог знает когда. Мы предполагали, что имеем запас года на два. Однако с переходом на ускоренные плавки обнаружилось, что ошиблись: под верхним слоем оказался бугор шамотной глины, которая тоже нужна для футеровки, но известняк при плавке заменить не может. Мы, конечно, срочно связались с Уралом, карьер известняк отгрузил, но железная дорога перегружена, и вагон застрял. Ожидаем дня через три-четыре. Нам бы это время продержаться, не потушить вагранки».

Уполномоченный остановил Михеева: «На этот месяц вам спущен план 5 000 мин для 82-миллиметрового миномета. Сорвете отгрузку фронту – пойдете под суд за саботаж». Прокурор кивнул утвердительно: «По пятьдесят восьмой».

Однако Устюгову не понравилась начавшаяся разборка по поиску виновного. Даже если посадить или расстрелять грамотного специалиста Михеева, мины в плановом количестве не появятся, и спрос за это будет в конечном итоге с него, Устюгова. И еще не известно, чем для него лично закончится. Поэтому он прервал законников, обратившись к Михееву: «Вы нам подробнее расскажите, для чего при выплавке чугуна известняк нужен, чем его заменить и можно ли без него».

Михеев вытер пот со лба рукавом гимнастерки, сглотнул слюну и продолжил:

«В процессе плавки чугуна в вагранках образуются вредные шлаки. Такие шлаки содержат большое количество диоксида кремния с температурой плавления около 1 700 °С. Для удаления этих тугоплавких оксидов вводятся флюсы – добавки известняка, плавикового шпата, доломита. Вступая во взаимодействие с окислами, флюсы понижают температуру плавления и повышают жидкотекучесть шлаков.

И уменьшает содержание серы в чугуне, регламентированное ГОСТ и специальными техническими условиями для материала мин. Понижение температуры плавления также увеличивает срок службы вагранки до вывода в ремонт и уменьшает расход кокса, что в военных условиях тоже немаловажно. Без флюса никак не обойтись».

Зверев загасил окурок в мраморной пепельнице и пояснил, дополняя директора: «Мы попробовали помочь заводу. Через радиосеть и школьников обратились к населению с просьбой сдать заводу свои запасы известки, гашеной и негашеной, известняка и изделий из него. Горкомхоз передал заводу всю свою известку для побелки деревьев, еще и люди откликнулись. Несут кулечками, кто килограмм, а кто и два. А один дедок притащил мраморную статую без головы и уверяет, что мрамор тот же известняк. Но насобирали крохи, килограммов сто».

«Этого на тысячу мин хватит, – подытожил Михеев. – Для мины весом в три килограмма идет сто грамм известняка, доломита или даже мрамора. По химическому составу мрамор и известняк совершенно одинаковы. На месячную программу заводу всего тонна нужна. Только взять негде. А с Урала когда еще дождешься».

Первый взял со своего стола мраморное пресс-папье, покрутил его в пальцах и испытующе посмотрел на Зверева: «Что, председатель, сдадим все чернильницы в Фонд обороны?» «Не придется, товарищ секретарь, – в тон ему возразил Зверев, – мне кажется, найдем мы мрамор, не меньше тонны. Только дело это щепетильное и требует специального решения».

«Давай рассказывай, что ты предлагаешь», – заинтересовался Устюгов.

«Может быть, оставим для разговора директора, парторга завода, товарища прокурора, а остальных отпустим?» – предложил Зверев. Устюгов с предложением согласился. Когда обитые дерматином двери закрылись за уходящими, совещание продолжилось в уменьшенном составе.

Зверев рассказывал: «В конце сорокового года городом было принято решение о постепенном сносе Всехсвятского кладбища, захоронения на котором лет так двадцать как прекращены, а его территория окружена жилыми кварталами. Так вот, в этом заброшенном погосте я обнаружил участок давних захоронений бывших лучших людей города, преимущественно немецких фамилий и под мраморными плитами. Мне думается, что раз решение о сносе кладбища ранее не нами принято, но никем не отменено, можно позаимствовать с заброшенных бесхозных могил мраморные плиты на нужды обороны. А взамен временно установить таблички с именами покойных. Если объявятся законные родственники усопших – после победы компенсируем».

Устюгову идея не очень понравилась. Не хотелось оказаться причастным к осквернению могил, пусть даже немецких и буржуйских. Но боеприпасы для фронта выпускать надо. Там живые гибнут, может, из-за нехватки именно наших мин. После войны разберемся с могилами, если

сами в живых останемся. Так он подумал и сказал: «Раз решение исполкома о сносе было, его следует выполнять. Горком к этому подключаться не будет. Хорошо бы рабочим завода самим проявить инициативу по добыче мрамора, в порядке предотвращения простоя и срыва правительственного задания. Как прокуратура на это смотрит?»

Прокуратура посмотрела сквозь пальцы.

Заводской гудок проревел второй раз, и электрические лампочки на улицах Механической, Заводской, Кузнечной, Фабричной, Рабочей и в переулке 1905 года погасли. Это означало, что до начала смены осталось 15 минут и мощности своей электростанции завод переключает на собственные нужды. А еще это означало, что Анне и Вере следует торопиться, чтобы не опоздать на смену. Встретившись на крыльце, соседки поздоровались и, как никогда, молчком влились в поток таких же женщин в черных ватниках, поспешающих к проходной.

Говорить не хотелось. Накануне почтальонка доставила Вере не казенный пакет, а замызганный солдатский треугольник без марки, заставивший рыдать обеих соседок. Из госпиталя матери писал ее сынок, Сашка, который сообщал, что он жив и почти здоров. Только ему немного оторвало ступню левой ноги, когда при выходе с боем из окружения перед самыми нашими позициями он наступил на немецкую мину. Друг Пашка был рядом, Сашку не бросил, перевязал и вынес на себе. Спас своего друга, но сам погиб прямо на бруствере наших окопов, когда от радости неосторожно приподнялся. Так что ждите домой сына на костылях. И поклон тете Анне, пусть простит, что не погиб рядом с Павлом.

Никого не осталось у Анны на этом свете. Только завод и работа на формовке для минных отливок. Да еще Вера, соседка по дому и цеху, такая же горемыка.

В литейном цехе дымно, удушливо, но тепло и можно отогреться, а работая, даже вспотеть. Но вспотеть соседкам не пришлось. Суровая Мария Родионова, парторг завода, отобрала их в команду десятка самых крепких и вывела на заводской двор, где уже топтались в ожидании четыре битюга, запряженные телегами.

– Приехали, – объявила Мария Родионова. – Ко мне, товарищи, и слушайте боевую задачу!

Женщины сгрудились вокруг, а Мария продолжила: «Как вы знаете, немец под Сталинградом, бои уже в городе. В тесноте улиц артиллерия работать не может, только наши минометы и выручают солдатиков, бабоньки. Это наши мины напрямиком туда идут, только их мало, катастрофически не хватает, надо бы удвоить усилия, помочь мужикам. Так нет – завод вот-вот остановится: известняк завезти не успевают. Мы здесь, чтобы вагранку и литейку спасти, не дать им потухнуть, пока вагон придет. Возьмем надгробные плиты с немецких могил и превратим их в флюс, загрузим в шихту, отольем мины и ударим по врагу, загоним в землю, чтобы не смел ее нагло топтать. Вопросы?»

Ответом был легкий ропот. Кто-то попробовал возразить, что не подobaет православным христианам творить такое. На это последовал жесткий ответ: «А где вы видите православные захоронения? Вот, смотрите, подряд пять могил, ни над одной креста нет, одни надгробия и надписи на них не славянские. Неизвестно, какая скверна нерусью на плитах выбита.

Лежит в нашей земле немчура, неплохо устроилась, мрамором прикрылась. Никто из родных могилки не навещает. А где их дети и внуки спрашивается? Куда в восемнадцатом сбежали? Правильно: к себе в Германию, чтобы вооружиться и вернуться за потерянным имуществом, отнять у нас свои дома, пароходы, лавки. И наш завод в том числе. Или забыли чей он был?»

Марию поддержала Вера: «Бабы! Нам ли немецкие плиты жалеть! Нам, у которых и отцы, и мужья, и дети днем и ночью против нехристи, не жалея себя, стоят. Редко у которой из нас близкий человек от руки немца не погиб, не пропал без вести, не умер в плену. И никто не знает, где и как они захоронены, есть ли над ними крестики или памятники. Кто сохранил их могилки? Плевать на наше горе германцам. И нам на их надгробия наплевать. Разбирайте инструменты, бабы. Некогда разговаривать».

Забухали кувалды по хрупкому мрамору. Полетели белые осколки в стороны. Слаженно и молча долбили камень женщины и вдруг: «Стойте, эта с краю могила русская!» И точно, на камне русская надпись: «Михаил Осипович Шульц, 1916 г. Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени». И раскрытая книга. Столпились вокруг в недоумении: вроде бы и не немец под плитой. Долбить или не долбить? Остановились в нерешительности. «Крошите!» – приказала Мария. Только никто не двинулся. Тогда заговорила Анна: «Вы что, совсем оголтели и забыли, кто под этим камнем лежит? Это же из реального училища бывший учитель словесности. Если бы он мог, то из-под этого камня встал, чтобы заслонить от войны своих любимых учеников-мальчишек. Он и при жизни не раз такое делал, выручал пацанов из полиции. Хотя сам нездоров сердцем был. И умер от приступа в кабинете директора, спасая от отчисления глупого реалиста. Гроб его реалисты до кладбища на руках несли. В том числе и мой погибший муж». «И мой тоже», – подтвердила Вера. «И мой, и мой», – послышалось.

«Долбите, что вы рассупонились, – потребовала Мария. – Вдруг флюса мало окажется? Все ответите». Но ее не стали слушать: мы по своим родным не бьем. Однако все подводы загрузили битым мрамором «под завязку», потому возвращаться с кладбища пришлось пешком. Настроение у всех было мрачное. Всю обратную дорогу парторг Мария шипела на Анну: «Если флюса не хватит, за срыв спецзадания ответишь по всей строгости военного времени». Анна старалась не слушать и не отвечать: Мария всем известна жестокосердием. Закрадывался страх. Но не перед Марией. А если и в самом деле флюса на программу не хватит? И план по выпуску мин сорвется. А на фронтах их ждут не дождутся.

Всю ночь Анна не спала, ворочалась под одеялами и уже под утро приняла решение. Едва рассвело, она принесла из сарая топор-колун. Умылась над узорной раковиной. Примерилась: «Гутен морген, гутен таг. Дам по морде – будет так». И что есть силы трахнула колуну по мраморному умывальнику. Он развалился только с четвертого удара. На грохот прибежала Вера: «Аня, что ты наделала? Как теперь умываться будешь?»

«Я уже слезами умылась. А фашист пусть своей кровью умоется. Ищи тачку, на завод флюс повезем».

Вероника БОГДАНОВА

На грани смерти...

Военный цикл

...Незабываемые годы,
Незабываемые дни:
Штурм высоты, атака с ходу
И взрывов дальние огни.

А ты ползешь, с землей сливаясь,
Наизготовку – автомат,
И старшина сказал, прощаясь:
«Держись, сынок... Держись, солдат!»

...Он пережил бойцов немало,
Ему годившихся в сыны...
...Мы все запомним, чтоб не стало
На свете шанса для войны...

* * *

На грани неба и земли
В тиши рассвета
Тревожат песней соловьи
Начало лета.
На грани мира и войны –
Почти за гранью –
Досматривают люди сны
Июньской ранью.
Но чуток сон, и ночь кратка
Солнцеворота...
Уже, пронзая облака,
Мчат самолеты
С нечеловеческой тоской,
Натужно воя...
А где-то ночью над рекой
Сидели двое,
Слова чуть слышные любви
Уносит ветер...

Любовь, Господь, благослови –
На грани смерти...

Помолюсь...

...Помолюсь за тебя я тихонечко,
Хоть неверием сердце измучено...
Мир июньский – беспечный и солнечный –
В ночь сменила война неминуемая.

И пришла эта боль несказанная –
Та, которой теперь все измерено,
И сквозь боль наполняю я заново
Душу верой, отринув неверие...

Я молитву шепчу осторожную,
А сердечко трепещет – поможет ли,
Одолее ли смерть неизбежную
Крест, тайком в вещмешок твой положенный?..

Даже ангелы – светлые вестники –
Пред войной оказались бессильными!
...Под рубаху надетые крестики
Обернулись крестами могильными.

Над бомбежками и атаками,
Над пожарищами рукотворными
Кровью белые ангелы плакали,
Становясь от бессилия черными...

Я не ангел, я женщина. Стало быть,
Мне бессильно рыдать не положено,
Я до лучших времен свои жалобы
Отложу, но свершу невозможное!

Помолюсь за тебя! Слышишь, милый мой?
И плевать мне, что ангелы черные!
Это скорбно кружат над могилами
И не ангелы вовсе, а вороны!

Для тебя, мой любимый, все сделаю,
Злую долюшку переиначу я!..
Но в атаку – за Родину! – смело вы
Умирали, вчерашние мальчики.

Но покрытый бинтами кровавыми,
Выжил ты в лазарете горячечном...
Сгиньте, вороны: были неправы вы,
Милый в списках убитых не значится!

...Похоронку – бумажку обманную,
Ту, что после атаки досталась мне,
Молча пальцами рву деревянными.
И боюсь я поддаться усталости.

Чтоб молитва моя иступленная
Не смолкала ни ночью, ни днем!
Плачьте, ангелы! – сердце влюбленное,
Слезы спрятав, спасет под огнем...

Победа

Звучало это слово, как молитва,
Смерть отводило и вперед вело,
Давало силы в яростную битву –
И в сердце билось всем врагам назло!

И вся страна – от края и до края –
Вставала с этим словом на устах,
Работая, воюя, умирая,
Отчаянно одолевая страх...

И уходя из дома, наши деды
На запад шли, уверовав в тебя.
И пробил час.
И ты пришла, Победа!
И мир вздохнул, ликуя и скорбя.

Пусть год от года этот мир моложе,
Но боль войны не стала просто сном,
И в сердце все чеканнее и строже
Звучит, тревожа память, метроном.

Сквозь пепел лет прорвется из бывшего,
Как светлый отблеск Вечного огня,
Победа – нестарееющее слово,
Что наполняет гордостью меня.

Баллада о матери

По этой гулкой лестнице из камня
Не ходят люди в гости и домой.
По ней к солдату-сыну ходит мама
И просит, чтоб вернулся он живой.

Уже давно салюты отгремели
Над крышами в победном том году,
И почтальонши просто не посмели
После победы в дом нести беду.

Одна из них, совсем еще девчонка,
Сказала: «Может, это ерунда,
Наверное, ошиблась похоронка,
И не к тому пришла, и не туда?..»

...Конверт смертельный спрятан был надежно
От глаз людских, а после – позабыт...
А мама ждет и верит, что, возможно,
Война лихая сына возвратит.

Быть может, он тоскует на чужбине,
В беспамятстве живя за годом год...
А мама вечно молится о сыне
И ждет его, зимой и летом ждет!

...По лестнице взойдя, гранит шинели
Вновь гладит легкой сморщенной рукой...
Ах как давно салюты отгремели,
Но матери не принесли покой.

У каменного строгого солдата –
Знакомые мальчишечьи черты.
Таким он на войну ушел когда-то,
Таким над постаментом он застыл:

Серьезные глаза и чуб упрямый,
Цветы у ног, когда приходит май...
О Боже, дай здоровья нашим мамам
И сыновей у них не отнимай!

* * *

Их никогда не будет с нами рядом:
Погибшие не встанут во плоти.
Нарушен был космический порядок,
Не дав ушедшим в жизни воплотить

То, что мальчишку делает мужчиной
И ценится в любые времена:
Ни дома нет, ни дерева, ни сына –
Мужчинами их сделала война,

Их женщиной единственной стала
И уложила в землю, как в постель...
Кого-то возвела на пьедесталы –
Гранитные – за тридевять земель,

Ну а иных, в безвременье оставив,
Лишила вовсе права на погост...
Лишь журавлей тоскующая стая
Проводит души их до самых звезд.

И смотрят звезды сверху виновато
На мир, лишенный сыновей своих...
А здесь, внизу, состарились девчата,
Что в бой когда-то проводили их.

Ирина ЧУПИНА

Дети войны

За окном еще темно. Маленькая хрупкая женщина суетится у русской печки. В избе после длинной зимней ночи прохладно, и хозяйка торопливо растапливает остывшую за ночь печь. Ей надо успеть отварить картошки на день, до того как уйдет на колхозную ферму.

Наталья осталась с двумя малолетними девочками на руках. Мужа Михаила и двух сыновей Ивана и Александра забрали на фронт еще в начале октября 1941 года. Молодая женщина постоянно вспоминала эти проводы с содроганием. Песни под гармошку, частушки, бабьи причитания – все это напоминало страшный сон, от которого все время хотелось проснуться. Одно успокаивало, что старший Алексей сейчас работал на Дальнем Востоке, где-то на засекреченном оружейном заводе.

1943 год выдался тяжелым, неурожайным. Скотины в хозяйстве не осталось, последнюю куренку съели очень давно. Муки не было и в помине, выручала только картошка, которую успели выкопать, можно сказать, почти из-под снега.

Хозяйке на первый взгляд можно было дать лет тридцать. Светловолосая голубоглазая Наталья раньше выглядела моложе своих лет, однако подойдя поближе и заглянув в потускневшие бездонные глаза, становилось видно: прожито немало, старили натруженные мозолистые руки.

Вот уже который месяц не было вестей от мужа. Наталья тяжело вздохнула, ловко орудя ухватом. На печи зашевелились полусонные ребятишки. Маняша восьми лет, такая же голубоглазая, маленькая и хрупкая, как Наталья, весело выглядывала из-под старой отцовской фуфайки и тихонько мурлыкала какую-то мелодию.

– Проснулась, доча? Ну вот и хорошо, – устало улыбаясь, сказала Наталья. – Буди Аннушку, как рассветет, ступайте за водой к колодцу. Натаскайте в баню, надо постирать. Картоха сварится, ешьте, да глядите за печкой. Аннушка, ты дров помельче наколи, да натаскай за печку, чтобы просохли к завтраму. А мне уже пора на дойку.

Хозяйка надела пимы, завязала старенькую шаль, которая ей досталась еще от матери, запахнула фуфайку и, поежившись, вышла за порог.

– Аня... Аннушка... вставай! Фу какая ты засоня, – озорно дразнила Маняша свою старшую сестрицу.

– Я засоня? Да я уже первой тебя проснулась, – и показав сестренке язык, Аннушка ловко слезла с печки. Зашлепав босыми ногами по некрашеному деревянному полу к вешалке, быстро сунула ноги в пимы, накинула пальтишко и выскочила на улицу до ветру. По избе пополз клубами студёный зимний воздух.

Аннушка, смуглая, черноглазая, почти на две головы выше младшей сестренки, была маленькой копией отца. Наталья вечерами, когда дочери уже крепко спали, часто гладила их по головам и тихонько вздыхала. Особенно тяжело было женщине последнее время, когда то в один, то в другой дом почтальонка Глаша приносила похоронки, а от мужа и сыновей не было ни единой весточки.

Рассвело. Окна в избе были затянуты морозными узорами. Поев картошки и запив ее морковным чаем, девочки засобирались за водой.

Маняша накинула на себя пальтишко старшей сестры, которое ей было великовато, но из коего сестрица за лето окончательно выросла. Аннушка надела старую отцовскую фуфайку, служившую частенько зимой одеялом на печке, а летом на полатах матрасом, подпоясавшись пеньковой веревкой, чтобы было теплее, сестры дружно побежали за водой, брякая ведрами.

Колодец находился недалеко, аккуратно напротив дома председателя. Сруб журавля обледенел, наледь свисала причудливо, напоминая расплывающихся белых змей. Лед уже давно никто не сбивал – всем было недосуг.

Осторожно подойдя к колодцу и поставив ведра на обледеневший пятак, Маняша заспешила к противовесу. Аннушка отпустила ведро на жерди в колодец. Журавль запел... Зачерпнув студеной воды, девочка изо всех сил потянула жердину с полным ведром вверх. Маняша терпеливо ждала, когда противовес опустится до такой степени, чтобы можно было на нем повиснуть, тем самым помочь Аннушке. От нетерпения девочка подпрыгивала на месте и в какой-то момент поскользнулась да и упала.

– Ой, – вырвалось у Маняши.

Аннушка от неожиданности не удержала ведро с водой, и его содержимое выплеснулось обратно в колодец. Девочка побежала к младшей сестренке на помощь, поскользнулась и упала почти рядом с Маняшей.

– Ха-ха-ха, ой не могу! Ха-ха-ха! – смеялись девочки, глядя друг на дружку.

Затем, помогая друг дружке подняться и отряхнуться, вновь принялись набирать воду.

Пока девочки суетились у колодца, из ворот дома вышел мужчина плотного телосложения, невысокого роста, лысоватый. От него пахло снедью.

– О... Васильевы... а я думаю, кто здесь так веселится в то время, когда все работают, – ехидно заметил Николай Федорович. – Что, от отца и братовой есть известия? – уже мягче спросил он.

Анна испуганно помотала головой, а сестренка спряталась за ее спину.

– Мы маме помогаем, – еле слышно сказала Маняша.

– Помогать надо на ферме или в поле, а это одно баловство, – едко заметил председатель и направился в контору.

В окно выглянула Пятилетиха и погрозила девочкам пальцем. Жену председателя кроме как Пятилетихой в деревне не называли, уж больно была остра на язык, да и характер не сахар. Летом она часто гоняла ребятшек от колодца, особо бранилась, когда в жаркий день, испив водицы, они начинали брызгать друг на друга.

Но не только председательская жена была сурова, у них в хозяйстве имелся задиристый петух. У Пятилетовых единственных к третьему году войны остались куры. Взлетит этот бандит на забор и высматривает себе жертву. Никого не пропустит, чтоб не клюнуть. Бывало, и палкой не отмахаться, только бежать... Свернуть бы ему шею, да нельзя – петух-то председательский. Скачет, налетает, все норовит в темечко клюнуть, немало детских слез было пролито из-за этого пернатого бандита.

Сестры торопливо наполнили ведра водой и быстро зашагали домой. Хорошее настроение после общения с председателем как рукой сняло. Пришлось еще несколько раз сходить к колодцу, чтобы наполнить кадуюшку в бане, как наказала мать. Девочки таскали воду быстро, стараясь не шуметь у колодца, чтобы не вышла браниться Пятилетиха. А на улице

морозно, снег весело скрипит под ногами, холод пробирает до костей.

Утренняя дойка подошла к концу. Доярки загружали в сани емкости с молоком, когда приехал председатель, проверить, как идут дела на ферме.

– Здорово, бабоньки! Сколько надои нынче? – с ухмылкой сказал председатель. И увидев Наталью, что несла с Валькой Рябой в сани флягу только что надоенного молока, пошел следом.

– Слушай, Наталья, а ведь хватит твоей Аньке на печи греться, вон какая девка за лето выдурила. Пора и трудодни для семьи зарабатывать.

Наталья напряглась, вглядываясь в бегающие глазки председателя.

– Пусть завтра с бригадой на заготовку дров отправляется.

Женщина ахнула!

– Что ты, Николай Федорович, ей только одиннадцать в этом году исполнилось. Рослая-то рослая, а вон глянь – кожа да кости. Пожалей! Дите ведь еще совсем, да и одежонки теплой совсем нет. Она же ровесница твоего Петра.

Председательский Петюня, круглолицый, розовощекий крепыш, частенько ходил по улице с белой булкой в пухлой руке, в то время когда у многих и черного хлеба не было в доме. Он был невысокого роста и внешне напоминал уменьшенную копию своего отца, вот только взгляд был колючий, как у матери. Его частенько колхозные бабы величали Петюня Николаевич, то ли в шутку, то ли всерьез.

На слова Натальи председатель только отмахнулся.

– Я в контору, – только и сказал он да зашагал к своим саням.

У Натальи глаза затуманило от слез.

Вернувшись с утренней дойки домой, женщина села штопать старую отцовскую фуфайку. Председатель не шутил насчет Анны, завтра ей на заготовку дров. Наталья еле сдерживала слезы, пока накладывала заплатки и перешивала пуговицы. Ей вспомнилось, как местная повитуха принимала экстренные роды в морозный февральский день.

У Натальи с Михаилом было три сына, три помощника, все хвостиком за отцом ходили. Особенно младший Санька от отца не отставал, то в поле, то на рыбалку. А Наталье дюже хотелось себе помощницу в доме иметь, да вот лет семь никак не беременела, уже и не чаяла больше рожать, а тут чудо случилось – понесла после ноябрьских праздников. Всю беременность проходила легко, можно сказать, порхала. А пока Михаил был по делам в городе, пошла кормить порося, а он возьми да и выскочи. Пока ловили с сыновьями да загоняли, да дверь в стайке упираясь держала, неудачно повернулась... и как-то резко вступило.

Почти сразу отошли воды. Старший Алексей побежал к тетке Аксиные на самый конец деревни. А через несколько часов черноглазая кроха спала рядом с Натальей. И вот теперь, понимая, что не выполнить приказ председателя она не может, Наталья еле сдерживала слезы.

На следующий день еще затемно к воротам подъехали сани, где сидел хромой дядька Игнатий, сестры Томиловы – Нинка да Любаня, и Василий Носов, подростки 16-17 лет. Игнатий зашел в дом.

– Здорово, Наталья, – сказал он бесцветным голосом.

– Здравствуй, дядька Игнатий, – тихо сказала хозяйка, подвязывая девочке свою шаль.

– Колючая, – прошептала Аннушка.

– Зато теплая, – ответила мать и положила дочери в карман две картошины.

– Анна готова? Тоды пусть выходит, пора ужо ехать.

Наталья оглядела дочь с ног до головы. Худая, в штопаной отцовской фуфайке, подвязанной бечевкой, в ее длинной шерстяной юбке, которая доходила почти до щиколоток и скрывала худые коленки, в больших пимах одного из старших братьев. От этой картины у матери защемило сердце. Незаметно перекрестив дочь, Наталья проводила ее до дверей.

– Ладно, ступай, Аннушка, – тихо сказала мать.

На улице девочку обдало холодным воздухом. Поежившись, Анна пошла к саням, негромко сказала:

– Здравствуйте всем.

– Иди быстрее садись, а то, не доехав до места, смерзнем все начисто, – покровительствующим голосом сказала Любаня.

– Поспешай, – буркнул дядька Игнатий.

Анна напряглась и суетливо уселась на холодную солому между сестрами Томиловыми. Нинка ей озорно подмигнула, и девочка немного расслабилась.

Ехали минут тридцать, но Анне показалось намного дольше. Колючий ветер задувал под одежду, кусал щеки, и как только сани остановились, молодежь живо соскочила и начала притопывать и прихлопывать, стараясь согреться.

Снег в этом месте был уже утоптан, поскольку заготовка дров шла не один день, да и снегопада не было с неделю. Дядька Игнатий пошел подрубить деревья для сегодняшней рубки, а подростки стали сооружать костер.

– Что стоишь как истукан? – сказал Василий командирским голосом. – Поди набери хворосту для костра.

Анна огляделась, в какую сторону лучше идти.

– Пойдем со мной, – сказала Нинка. – Я вчерась вон там приглядела сухую березу, – заткнув топорик за пояс, взяла пилу и зашагала по узкой тропинке, по-видимому, протоптанной еще вчера. Аннушка послушно пошла следом.

– Пилить-то умеешь? – бросила Нинка.

– Не пробовала, но видела, как братьевья это делали.

– Ладно, тогда слушай. Я буду тянуть пилу на себя, а ты на себя. Давай пробовать.

Анна с энтузиазмом мотнула головой в знак согласия и встала напротив девушки. Сначала движения были резкими, и Нинка поначалу сердилась и бранилась.

– Да не дергай ты ее, как парализованная. Мягче тяни, мягче. Вот тетеха неразумная.

А потом все наладилось, Анна поймала какой-то ритм, и пила мягко пела в девичьих руках. Дерево рухнуло довольно быстро. Его распилили еще на несколько частей. Нинка обрубала сучья, а Анна стала стаскивать лесины к месту, где Васька Носов развел костер.

Пока заготовливали хворост да сухостой для костра, Аннушка согрелась. К этому времени подошел дядька Игнатий.

– Ну что, молодежь, пора и поработать, – сказал он. – Васька с Любаней, начинайте пилить подрубленные деревья, я буду их валить, Нинка, обрубай сучья, а эта пигалица пусть сучья стаскивает к костру. Да смотрите, девки, под деревья не попадите, а то насмерть зашибет.

По колению в снегу Аннушка стаскивала ветки и подбрасывала их в костер. Хлопчатобумажные чулки давно намокли, а подол юбки обледенел и стоял колом. К полудню было свалено и очищено от сучьев семь стволов.

– Греться и исти, – скомандовал дядька Игнатий и сам двинулся к костру.

Жевали молча, греясь и по очереди подкидывая в костер хворост. У всех была картошка в мундирах, а у дядьки Игнатия еще и луковица, откусывая которую он смачно покряхтывал. Невдалеке переговаривались сороки, перелетая с одного дерева на другое. Пообедав, мужчина достал пошарпанный кисет и скрутил самокрутку. Подростки молча смотрели на языки пламени, но вот Любаня запела.

Ой да не вечер, да не вечер,

Мне малым-мало спалось...

Нинка подхватила, и по лесу полетела песня на два голоса, смущая сорок, которые загалдели еще громче.

После обеда и небольшого отдыха работа продолжилась. Поваленные деревья распиливали на лесины, стаскивали и укладывали в сани. Загрузив сани под завязку, дядька Игнатий и Васька Носов поехали разгружаться в деревню, а девушки остались готовить следующую партию лесин для вывоза. Закончив работу, все дружно грелись у костра и пели песни. Когда вернулись мужчины, уже смеркалось. Затушив костер, погрузив оставшиеся лесины, молодежь уселась сверху, и все поехали домой.

Похолодало... Влажная одежда заледенела, руки-ноги заоченели. Аннушка еле сдерживала слезы. Сани остановились у сельсовета. Дядька Игнатий, взглянув на девочку, буркнул:

– Топай домой! Мы и без тебя управимся дальше.

– Прощайте! – только и молвила Аннушка и побрела домой. Ноги плохо слушались от холода, однако чтобы окончательно не замерзнуть, девочка из последних сил старалась ускорить шаг, благо что дом находился недалеко от конторы.

В избе была благодать... Маняша добросовестно поддерживала тепло в доме, несмотря на свой возраст. Она ждала маму с вечерней дойки и старшую сестру. Когда дверь открылась и в хату кое-как вошла сильно замерзшая Аннушка, шагнула к печке и рухнула на лавку, Маняша испуганно смотрела и молчала.

– Замерзла... Руки не слушаются... Помоги развязать поясок... – попросила Анна.

– Сейчас... Сейчас... Я помогу. Ишь как замерзла, – тараторила Маняша и суетилась около сестры.

Когда обледеневшая одежда была на полу, Маняша помогла старшей сестре залезть на печку, налила ей кружку горячего морковного чая, почистила от кожуры уже холодную картошину, затем, собрав одежду с пола, стала развешивать ее у печки сушиться. Аннушка наскоро перекусив, накрылась шалью и крепко уснула. Вскоро пришла с фермы Наталья. Она с беспокойством посмотрела на старшую дочь, но будить ее не стала.

Ночь прошла беспокойно. Анна периодически подкашливала, а за окном сыпал снег да истошно выла вьюга. Единственное, что успокаивало Наталью, это то, что утром девочка не жаловалась на здоровье, а с наслаждением надевала одежду, хранившую тепло русской печи.

Сегодня бригада добиралась до места заготовки дров намного дольше. Дорогу перемело, и бедная старая лошаденка тяжело тянула сани с живым грузом. Ветер вольготно гулял в поле, закручивая в спирали и раскидывая по сторонам снег. Колючие хрусталики царапали лицо и били по глазам. Аннушка ежилась от холода и все никак не могла дожидаться, когда сани

остановятся. Наконец тот самый сверток к лесу и знакомая поляна. Повозка остановилась. Все было завалено снегом, но чтобы согреться, надо было двигаться, и недолго думая, Анна прыгнула в снег, набрав полные пимы.

Одежда заледенела быстро, не помогал и костер, руки почти не слушались. Девочку весь день знобило, мысли путались, глаза лихорадочно горели. Анна не помнила возвращения в деревню, как ее проводила до дома одна из сестер – то ли Любаня, то ли Нинка.

Наталья не находила места, думая о дочери. Весь день она казнила себя, что не оставила Аннушку дома, зная о недомогании. Вернувшись с дойки, застала старшую в бреду. Маняша суетилась около Аннушки, смачивая ручник в холодной воде и прикладывая ко лбу, на столе стояла кружка с настоем.

– Мама! Мама! Аннушка больно захворала. Я давеча сбегала к бабке Аксинье. Она дала мне настой жар выгонять да велела на лоб холодную тряпицу прикладывать почаще.

– Хорошо, Манечка. Ты у меня молодец.

Всю ночь Наталья не смыкала глаз у постели дочери. Обтирала холодной водой, поила настоем, а утром, разбудив Маняшу, пошла на работу.

К концу дойки явился румяный председатель.

– Васильева! Это что за самоуправство? – зло сказал Николай Федорович. – Я велел Анне ездить с бригадой на заготовку дров для сельсовета, а она и двух дней не отработала и уже на тебе – занемогла. Что, не знаешь, какое сейчас время? Каждые рабочие руки на вес золота.

– Ты что, хочешь мою девку в гроб загнать? – вдруг резко сказала Наталья. – У нее сильный жар, а ты на заготовку дров ее посылаешь? А где твой Петюня? Он ведь ее ровесник...

Тут зашумели бабы, которые были свидетелями этого разговора.

– Что ты прицепился к девке?

– Своего сынка отправляй...

– Свой на печи, а наших детей на мороз на работы...

Такого председатель не ожидал. Связываться с бабами – себе дороже. Махнул рукой и направился к вознице, не обмолвившись больше ни словом, уехал в контору.

Несколько дней Наталья ночами не отходила от Аннушки, а днем за ней присматривала Маняша. Женщина от переживаний совсем осунулась. Со временем больной полегчало, кашель стал мягче, и жар не такой сильный. Наталья немного успокоилась, распрямилась. А тут еще и радость: почтальонка принесла сразу два письма – от мужа и сына Ивана, а через день пришли весточки от Александра и Алексея. Все были живы и здоровы.

Председатель больше девочку на работы в лес не отправлял. Аннушка полностью выздоровела, аккуратно к тому времени, как на дальних болотах закурлыкали журавли.

Сергей ДЮКАЛОВ

На всю оставшуюся жизнь
Дана нам память о войне –
О той неслыханной беде,
Где камнем слез был обелиск.

И крылья памяти живой
Уносят в грозовую даль,
Где незабудкой наша боль
И майским ландышем печаль.

И гордость наша сквозь года
Звенит, как яблони листва,
Течет широкою рекой,
Смеется девочкой-Весной.

Победы горькое вино
За павших выпито давно, –
Они ушли, чтобы страна
Всегда была, всегда цвела.

И сколько б ни минуло лет
И бурь промчалось на земле –
Нам не страшна волчица-смерть,
Пока есть память о войне.

Обожженная нежность

Под нещадным огнем,
В двух шагах от кромешного ада,
Когда сердце готово
Зайчонком рвануть из груди,
Словно неба глоток –
Просто нет пока круче награды –
Неприметный цветок
Ненароком коснется щеки.

В этот миг артобстрел
Обернется обычной грозой –
И ты вспомнишь рассвет,
Что снимал у любимой с ресниц.
Вдруг до боли поймешь –
Вся страна у тебя за спиной.
Как победа и смерть,
Есть дорога лишь вверх или вниз.

А когда упадешь навсегда,
Без вины виноватый,
Тот осколок пронзит
И твою безутешную мать.
Лишь колосья в степи
Одинокую каску солдата
Будут нежностью губ
Сквозь разорванный дым
Целовать.

Ленинград

Это горькое слово «блокада».
Это теплое слово «хлеб».
Мне казалось, что так и надо,
И важнее слов просто нет.

Перечеркнута ночь лучами –
Разве есть на войне покой?
Окна словно кричат крестами,
Ожидая сирены вой.

Вспоминаю остов трамвая –
Обгоревший железный труп.
Варит мама, еще живая,
Из столярного клея суп.

Как тогда не хватало хлеба –
На вес золота хлеб любой.
Да горячей ладошки неба
Мрачной яростною зимой.

Но в оковах тоски без света
Больше света ценилась жизнь –
Вновь рождались в кошмаре дети
И симфонии рвались ввысь.

И в истории нашей рядом
На изломах побед и бед
Черной смертью – петля блокады,
Белым храмом – заветный хлеб.

Вгрызаясь в землю,
 чтобы выжить,
Глотая взрывов рваный дым,
Ты вспоминал
 о солнце рыжем,
Застывшем за окном родным.

Окоп – могила или крепость –
Решать тебе, солдат, тебе.
Хоть есть такая неизбежность –
От смерти прятаться в земле.

И сам становишься
 как крепость,
Приняв последний в жизни бой.
Пускай герой ты неизвестный,
Но только все равно герой.

Сталинград

Я разрывался на бегу
На гордом волжском берегу –
Где небо, словно решето.
Где все, чем жил, совсем не то.

Не дай вам Бог попасть туда,
Где кровью пенится вода.
Где воздух стонами звенит
И пепелищами горчит.

Ножом, зубами рвал врага.
Моя дорога – правота.
Его дорога – пустота
До деревянного креста.

Весь этот ад был не со мной –
Я с той поры совсем другой.
Друзей не бросил на войне –
Они, как боль, всегда во мне.

Пусть тот пикирующий вой
Подернут времени травой –
Когда увидеть их хочу,
Я помолюсь и помолчу.

Четыре года

Четыре года вы в землянках
И блиндажах.
Четыре года вязнут танки
В воронках-снах.
Четыре года будят пушки
Вас вместо гроз.
И сухари с водой из кружки
Дороже звезд.
Давно без теплых губ подружек
И милых мам.
Совсем запутались кукушки,
Гадая вам.
Четыре года в грязь и холод –
Лихой народ –
Из мимолетных снов уходит
За взводом взвод.
И дымным утром в сорок пятом
Последний бой.
Есть уцелевшие, ребята? –
Пора домой.
Солдат в земле ничуть не меньше,
Чем на земле –
Войною спаяны навечно
В одном огне...

Девочка Победа

Девочка по имени Победа,
Много бед пришлось тебе изведать.
Но в твоих ладошках счастья птица –
Не устану век тобой гордиться.

До тебя – потери и тревоги.
За тобою – новые дороги.
Расцвела черемухой хмельною –
Остаешься вечно молодою.

Смотришь тишиной и синим небом,
Пахнешь молоком и свежим хлебом.
Ты слеза озябшего рассвета
И великой радости планета.

Солнечная девочка Победа,
Снова скалят волчьи зубы беды.
Но недаром за тобою сила –
Берегиня матушка Россия.

Дороги, русские дороги,
Вы словно струны у веков.
Я слышу грусть почтовой тройки
И ледящий вой ветров.

Немало, милые, узнали
Печали, пота, крови, слез.
Но никогда вы не роптали
От грохота сапог и гроз.

В воронках,
Как в колодцах рваных,
Приняв огня и стали бег,
Не умирали – боль и раны
Залижет дождь, затянет снег.

Пороховым пропахли дымом,
Но в лужах – солнышка глаза.
И слита с горечью полыни
России чистая слеза.

Дороги, русские дороги –
Начало и конец разлук.
Надежды, радости, тревоги
И продолженье наших рук.

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ

Женская доля и подледный лов

Как много можно узнать из старых газет... На мой стол легла ксерокопия первой страницы «Тюменской правды» от 17 декабря 1944 года. Читаю обычные материалы военного времени: цитата из речи И. Сталина, редакционная статья «Забота о детях – дело всенародное», «От Советского информбюро». Но один материал этого номера – «Рыбаки Севера», подписанный П. Бердышевой, – меня потряс...

Мы живем в мирное время, и Север сегодня гораздо уютнее, чем десятилетия назад: есть электричество, построены поселки и города с теплыми жилищами и производственными помещениями. И поэтому, на мой взгляд, статью 1944 года стоит цитировать большими фрагментами, чтобы люди знали и помнили, как в тылу наши женщины обеспечивали победу.

«...Столетиями считалось, что в зимнюю пору, когда реки и озера сковываются льдом, в тундре, кроме охотничьего промысла, ничем другим заниматься нельзя. Так это велось и до 1941 года: вся жизнь рыбных промыслов замирала на долгие месяцы, и богатейшие рыбой северные водоемы никак не использовались. Но вот началась война, и Родина потребовала от рыбаков: давайте рыбу круглый год. Ответ был один: рыба нужна – она будет круглый год».

Но рыбаки ушли на фронт, остались только рыбачки...

На Севере живу уже 15 лет, на себе испытал 50-градусные югорские морозы. Зимней рыбалкой не увлекаюсь, но и никого не отговариваю от этого удовольствия... «Вольному – воля»... Но сейчас, сидя в теплом кабинете, пытаюсь зримо представить лед Тазовской губы, на котором стояли сотни палаток из фанерных щитов. В каждой из них на площади 15 квадратных метров жили по 10–12 женщин... Нет, они там не жили – только спали на двухэтажных нарах после двенадцатичасового рабочего дня.

Я пытаюсь понять, каково это – долбить пешней лед полутораметровой толщины для того, чтобы в майну (прорубь) опустить сеть. Вчитываюсь в газетные строки, доносящие живой рассказ бригадира лова Шаповалова:

«Вот в моей бригаде девчата Надя и Паня ни в чем не уступают старым рыбакам. Вы только подумайте, они дают по 8–10 майн за смену. Ведь это раньше и для мужчин считалось почти недостижимой нормой. Больше того, Надя работает гонщиком и, пожалуй, не уступит любому мужчине».

Думаю, думаю... Продолбить пешней 10 майн, ну, пусть даже 8, в полуметровом льду на морозе! Это же не дорожку во дворе от снега очистить! А на морозе майны снова покрываются льдом...

«Что значит работать гонщиком? – снова сквозь десятилетия слышится мне голос бригадира Шаповалова из далекого 1944 года – Это вот что: когда майны выдолблены, мы опускаем в них сети, на следующий день один из рыбаков долбит лед, а другой вынимает сети, просматривает их, выбирает рыбу и снова опускает в майну. Вот это и есть гонщик. Проверить же звену за день нужно 250–300 сетей. Вот и считайте, сколько надо выдержать одному человеку. Ведь работать приходится на 40–50 градусном морозе, да еще такой норд завернет, что птица на лету замерзает. А наши девчата работают по 10–12 часов без рукавиц».

Да уж... как в рукавицах рыбу выбирать? Но 12 часов на морозе с голыми руками?! И так много дней подряд!

Пишу эти строки, а на экране телевизора какие-то благополучные люди на английском языке рассказывают, как будет усиливаться санкционное давление на Россию, пока страна не изменит политику и не поступится своими национальными интересами для чужой пользы...

Нас, потомков тех, кто выиграл Великую войну, пугают усилием давления, отсутствием польских яблок и латвийских сардин, французского сыра и украинских конфет! Что бы мог сказать на этот счет мой дед, зауральский крестьянин Егор Иванов, если бы на Новгородчине в ноябре 1942 года он не лег в братскую могилу?

Статья, напечатанная «Тюменской правдой» в декабре 1944 года, заканчивалась такими словами:

«...Сурова и неприветлива северная сторона Тюменской области. Но там живут люди с горячим сердцем, с простой русской душой. Они всеми силами стремятся как можно больше помочь Родине, помочь Красной армии одолеть врага. И этого они, несомненно, добьются. Суровые и мужественные люди преодолевают все трудности и осваивают сотни водоемов, все богатства речек и озер тундровых просторов ставят на службу Родине, на дело победы. В далекой тундре люди живут одним стремлением – скорее добить врага».

Предки наши не сдавались на протяжении веков, неужели потомки окажутся слабее их?

Склоните головы в память о женщинах, долбивших лед Тазовской губы в суровые военные годы...

Владимир ГЕРАСИМОВ

Берега далекие и близкие...

По рассказам потомка тобольского шведа

Озерцо это на границе двух областей Дмитрий Широков знал уже второй десяток лет. Когда-то осенью, не имея возможности уехать на свои излюбленные места в Северном Вагае, они с общего согласия решили поехать на знакомые перекаты на реке Нице, что петляет по Свердловской области. Там по осени можно было поблеснить щуку, а на ночь на небольшом заливном озере поставить несколько сетей.

Но тогда не заладилось как-то сразу. Через час-полтора поездки в колесо поймали приличный ржавый гвоздь. Это-то дело поправимое. Колесо оперативно заменили. Но через полчаса езды в двигателе появился подозрительный стук. Остановившись перекурить, стали думать и советовать, что делать дальше.

Однозначного мнения не было. От города удалились уже на приличное расстояние. Пятница на исходе, и возвращаться никто не хотел. Да оно и понятно, полмесяца собирались. Все приготовлено: удочки, спиннинги, сети. А настрой! Какой у всех был настрой, только рыбак это и поймет. И время благодатное – вторая половина сентября только порог переступила. Есть и грибы в лесах. А главное, гнуса практически не стало. Так, днем на пригреве появлялась безобидная мелкота с жалкой нудной песней, да кто на нее внимание обращал.

Все сомнения тогда разрешил местный тракторист, что остановился рядом с машиной. Поприветствовав мужиков, спросил, не нужна ли помощь. Ему откровенно поведали о сложившейся ситуации. Когда он услышал, что у компании нет решения по дальнейшим действиям, Николай, так звали мужика, весело сказал:

– Ну ребята, это дело поправимое. Я сам заядлый рыбак, и что такое страсть рыбацкая, знаю. Не советую вам ехать к своему Клондайку, непонятно, что с машиной и куда этот стук может выйти. Да и в город ехать не надо. Я вам вот что посоветую.

Через километр-полтора по ходу будет неприметный сверточек направо. По нему и ежайте. Дорожка проселочная пойдет через соснячок, потом полем мимо заброшенной деревушки. От деревни она поведет вас влево, ее и держитесь. Следуйте до соснового куреня. Этот лесок стоит аккуратно на берегу небольшого заливного озера.

Наши местные там рыбачат, крадучись только весной по большой воде. Я тоже там редко бываю. Летом оно иногда сильно зарастает. Остаются, правда, приличные стекла, по две-три сети можно ставить.

Там завсегда дед Матвей из нашей деревни любил рыбачить. Знал он места и без рыбы никогда не приезжал с озера. Привозил по десятку-полтора крупных карасей, были в его улове и солидные лещи. Но гордостью его были лини, только он их там добывал. Теперь его дети в город забрали, прибалывает сильно. Да и один остался.

А вот с удочками да спиннингами наши мужики не балуются. Времени на это нет. Сами знаете, работы хватает в деревне все лето.

Прислушались тогда друзья к совету бывалого рыбака и не пожалели. По душе было и место расположения, не подвело и само озеро. Улов был

просто замечательным. Весомые лещи и караси, приличная плотва была в сетях. Да и на спиннинги удалось потешить душу. Каждый отловил по несколько приличных экземпляров.

Впоследствии выбирались они еще пару раз на это заливное озерцо.

Сейчас на рыбалку прежней компанией друзья летом практически не выезжают: и здоровье стало подводить, и серьезно держали дачи. Поэтому каждый удовлетворял рыбацкую страсть как мог, исходя из сложившейся житейской ситуации. Вот и Широков выбирался иногда один на зорьку с удочками и спиннингом на излюбленные места.

На этот раз, имея приличный запас во времени, его потянуло почему-то именно на это неприметное озерцо. Лето, как и тогда, катилось на закат, работы на даче поубавилось. Все шло своим чередом, урожаем подходил поэтапно и помощников было предостаточно. А сейчас погода установилась. После недельных августовских дождей в воздухе поплыли чудные ароматы.

И Широков в приподнятом настроении еще в начале недели стал обзывать друзей. После разговора с ними наступило временное разочарование. Мужики не могли в этот раз составить ему компанию. Что поделаться – жизнь! Один готовился к плановому обследованию в кардиоцентре. У второго был билет на поезд до Сургута – там родился долгожданный внук.

В сложившейся ситуации у Широкова было два чувства. Он до полудня никак не мог решиться на поездку. Да и жена настойчиво отговаривала не ехать одному. Хотя знала характер мужа, если решится – никто и ничто его не удержит. Так оно и получилось. Уже под вечер он объявил:

– Ты знаешь, мать, я все-таки поеду завтра с утра. Погоду передают добрую, недельку постоит без дождей. Поеду с ночевкой. А что, машина надежная. Да и там завсегда кто-то из рыбаков бывает. Порыбачу, глядишь и повезет. А на обратной дороге по соснячку похожу. Посчастливится, белые попадутся или на рыжики наткнусь.

Одним словом, решился Широков, и от этого решения радостно стало на душе.

Утром, чуть стало светать, тронулся Дмитрий Васильевич в путь.

Часа через два он в приподнятом настроении уже сворачивал к заветному озерцу. Не спеша, петляя травянистой дорожкой-змейкой по подтянувшемуся заметно сосняку и березняку, подъехал к месту стоянки. Оно было немного расширено, на кругу было два кострища. По всему видно, что бывают тут рыбаки в этом году почаще. И сейчас в тени двух старых сосен стояла подержанная «Нива».

Поставив свою машину на приглянувшееся место, Широков вышел оглядеться. Подойдя узкой тропкой к небольшому склону, он закурил и стал с наслаждением осматривать озерцо и его окрестности. Озеро в этой низинной чаше завораживало неброской красотой. Противоположный недалекий берег зеленел раскидистыми соснами. Чуть поодаль золотом на свету уже отливались осенние березы. А среди них пожаром горели яркие осины. Озеро большой красивой каплей вытянулось в этом осеннем лесном великолепии. Само зеркало озера было, как и в прошлые годы, местами затянато водорослями. Ближе к берегу местами, как на голубом небосводе, под солнцем яркими желтыми звездочками горели кувшинки.

К берегу пристала резиновая лодка. И вот уже к месту стоянки идет высокий старик. Идет медленно по узкой тропинке. И было видно, что ему нелегко дается даже этот небольшой подъем. Возраст его трудно было

определить. Но грязновато-седая борода и такие же волнистые волосы, тяжелая поступь говорили о его довольно приличном возрасте. Он нес металлический садок, в котором трепыхалась рыба. Как потом оказалось, это были два больших карася и приличная щука. Подойдя совсем близко, старик бодро поздоровался.

– Здравствуй, мил человек. Если не трудно, возьми садок с рыбешкой, поставь под брезентину, что под кустом, да пойдем присядем вон на ту лесину, – и он неспешно пошел к приличному бревну, что лежало рядом с кострищем. Поставив садок с рыбой в тень куста, туда же подошел и Широков. Старик еще не присел, поджидал его.

– Ну что, давай будем знакомиться. Если не против, перейдем сразу на ты. Я человек простой, старый к тому же, кое-где уже даже замшелый. Так общаться мне сподручнее да и душевнее, к беседе располагает. К тому же смотрю, ты тоже далеко не вьюнош, не вчера народился. Походил уже дорогами пыльными-буранными, однако.

И старик протянул руку.

– Шведов Гордей Петрович. Сам-то я из Тобольска. Тут наемднн 85 стукнуло. Но не могу сидеть в стенах городских. Сахар у меня, давление опять же. Старая дома ворчит, не пускает в поездки разные.

– А какая, говорю, разница с таблетками-то где загорать. А тут сам видишь, воздух полезительный, медовый. Да и потом – движение. Вот и привез нас месяц назад с баушкой сын к себе в село, что тут неподалеку на яру стоит на слиянии двух рек. Усть-Ница прозывается. Может, слышал? Сын у меня здесь осел после института, на земле теперь трудится, фермером стал. А раньше-то инженерил тут же в колхозе, пока тот Богу душу не отдал. А ведь миллионером был, фонтаны-фонари, как в городе. Да, жизнь подошла. Ну ладно, что об этом, извини.

– Ты какого роду-племени будешь? – тихо продолжил старик.

– Не из графьев я, Петрович. А что касается общения, мне тоже это ближе и вполне подходит. Если вам так удобнее. Все-таки возраст, смотрю, солидный, – заговорил Широков. – Дмитрий Васильевич Широков, из Тюмени я. Значит, земляки мы с вами. Я тоже городской, два года назад на пенсию вышел. А вот это дело люблю и частенько выбираюсь на природу. Изредка и здесь с друзьями бываем. Только теперь у всех проблемы. Вот сегодня рванул один сюда.

– Ну что, Васильевич! Присядем, покурим, если балуешься. Я-то вот грешен, с войны дымлю.

Мужики расположились на бревне, закурили. Некоторое время молчали. Заговорил старик, вроде как на правах хозяина здешних мест.

– Ты, Василич, как прибыл-то? С ночевкой али только днем поплавать, побаловаться, душу отвести?

– Да нет, Гордей Петрович, конечно, с ночевкой. Сетешки хочу на ночь поставить. Со спиннингом поплавать, а на зорьке с удочкой посидеть.

– Как здесь нынче-то? Не вся скатилась рыбешка-то?

– Похуже, чем тот год, но сам видишь, немного есть, – тихо ответил старик.

– Щучка-щурогай уже бойко ходит, бьет малька. Карась неплохой попадается. Другая разная тоже имеется. Правда, немного, но я отсюда без улова не уезжаю. Да и местные, что здесь привыкли рыбачить, тоже с уловом вертаются.

– А что с ночевкой приехал, это хорошо. Компанию мне составишь. Веселее будет. Я нонче тоже заночую на природе. Сын с внуком в город

подались, кредиты какие-то выбивать на дела свои фермерские, вот почти-тай месяц катаются. Возвернутся только завтра к вечеру. Там на хозяйстве старуха моя со снохой и внучкой остались, рыбки ждут.

– А мы с тобой, Митя, уху вечерком спроворим. Щучку под костром запечем. Посидим, за жизнь поговорим.

– А сейчас давай поступим так, – тихо продолжил старик. – Если ты не против, давай перекусим немного, что-то я, брат, промялся на свежем воздухе. Ты потом на озеро соберешься, своим делом займешься. А я пожалуй, прилягу. Да, Димитрий, ты свое не доставай пока ничего, не гоношись. Открой вон багажник моей машины, там корзинка плетеная стоит. Давай ее сюда на свет божий. Там мне девки все собрали. Все у них там порезано, разложено. И термосок с чайком на травах. А до твоего тоже вечерком очередь дойдет. Да, захвати там столик раскладной. Сам давненько когда-то сделал. Тоже частенько выезжали с приятелями. С ним удобно. Столик вот остался, а дружков уже почти всех нет. Така вот жизнь, Митя, – и старик тяжело вздохнул.

Широков принес и корзину, и раскладной столик из дюралевых трубок и выцветшего уже брезента. Старик быстрыми привычными движениями подготовил столик и поставил его рядом. Затем неторопливо стал извлекать из корзины разные формочки и сверточки. Посмотрев, что-то возвращал назад в корзину со словами «это опосля, на вечер». Что и говорить, основательно подготовился дед на рыбалку.

– Давай-ка, друже, мы поступим так. Сейчас управимся с тем, что может подпортится. А то, что потерпит, оставим на вечер и утро, – не то советуясь, не то окончательно решив, сказал старик и стал разворачивать полотенце, где в пергаменте была завернута приличная часть отварной курицы. Затем извлек из пакета перо зеленого лука, открыл небольшой контейнер, где лежали аппетитные малосольные огурчики, еще в одной формочке бутерброды с помидорами, в центр столика он поставил формочку с нарезанным копченым салом.

– Ну Гордей Петрович, за такой стол и высоких гостей пригласить не стыдно, – потирая ладони, эмоционально сказал Широков.

– А мы что, невысокие с тобой? Что ни на есть самые высокие. На нас всегда держава держалась. От супостата хранил ее и кормил народ наш. Я, Митя, грешным делом люблю за красивым столом посидеть, поесть вкусно, словно из князьев я каких. Да, что и говорить, куска-то лишнего ни в детстве, ни в войну не видел. Да и опосля, пока поднялись, тоже не особо жировали. А здесь, паря, у меня все свое, все натуральное.

Со дна корзинки старик достал побитую, потерявшую давно вид и краску армейскую фляжку.

– А как насчет по рюмочке? Тоже свое, натуральное изделие. На то-больском кедраче настояно. Пользительная вещь, скажу тебе, – с улыбкой молвил Шведов.

– Да, фляжка эта – подруга моя фронтовая, все время со мной с сорок пятого года, друг в поезде подарил. Ну так как? – еще раз переспросил старик, потряхивая фляжкой.

– А почему бы и нет! – ответил Дмитрий Васильевич.

– Ну что, давай тогда потрапезничаем. Закусим, чем Бог послал.

Выпили по рюмочке. Кедровка на самом деле была хороша, внутри сразу потеплело. Стали с аппетитом закусывать, ведя неспешный разговор.

– Ты, Василич, что прихватил-то из орудий лова? – спросил старый рыбак.

Широков стал перечислять, называя и ячею своих сетей.

– Ну не густо, не густо. Сразу видно, давненько здесь не бывал. Ты, паря, ставь сороковку и пятидесятку в любое место ближе к берегу. С гарантией будет карась мерный, подлещик, щучка заскочит непременно. Она нонча бойко ночью ходит.

– А вот крупные сети ты, пожалуй, не ставь, пустые будут. Лещ хрушкой скатился вместе с водой, перспективы оставаться видно не почуял. Карася речного тоже что-то зашло в эту весну мало, а вот местного дивно есть. Ну а по месту сам определяйся, – закончил рекомендации Шведов.

Рассиживаться у стола не стали. Накрыв столик с продуктами широкой тряпичей, закурили. После обеда старик принялся чистить и прибирать рыбу. Присолив ее, пошел отдохнуть. Широков, подготовив снасти, выплыл на озеро.

С озера Дмитрий Васильевич вернулся потемну. На берегу уже давно горел костер. И в темноту к появляющимся звездам от костра улетали звездочки-искры. Вечер выдался замечательным. Было по-осеннему свежо, дышалось полной грудью. Запахи, пусть не такие яркие, как летом, витали вокруг. Они радовали и приносили в душу особый настрой. Подходя к костру, Широков почувствовал это особенно сильно. Запах дыма и варившейся ухи еще раз утвердили его в том, что надо чаще бывать на природе, быть у таких костров, быть семейно, с внуками.

– Ну как, мил человек, отвел душеньку, поплавал, насмотрелся на красоту земную, глотнул тишины? – такими словами встретил Широкова старый рыбак. – А я вот, Митя, отдохнул. Как тут спится на травке-то, нигде так не сплю, как на природе. И годы вроде уходят. А я уже поджидаю тебя. У меня все готово. Вон ушица напревает, под угольками щучка томится, в глине решил запечь. Пробовал когда-нибудь? Что я спрашиваю, ты же рыбак давнишний, все испробовал. Ну что, Васильевич, неси, что там у тебя припасено, деликатесы городские, да садиться будем, пожалуй. Ты позволь, я уж поухаживаю за тобой, горячее сам подам, рыбу достану. Щучку сейчас вытащу, пусть простынет маленько. А ты пока подрежь, что там есть, да хлебец разложи. Хлебец, Митя, порежь непременно мой, домашний. Девки у меня мастерицы хлеба печь. Вон в рушнике буханка завернута.

И старик стал колдовать у костра, ближе к столу принес котелок с ухой, сдвинув угли, извлек глиняную болванку, где была щука.

И потек в неспешном ритме вечер. Рыбаки плеснули из фляжки, выпили за рыбацкую удачу, за здоровье. С удовольствием закусывая, продолжали беседовать.

– Вот ты, Митя, давеча сказал при знакомстве, мол, не из графьев ты. А откуда ты, паря, знаешь? Вот скажи, знаешь ли ты свою родовую до седьмого-десятого колена. Вот видишь, не знаешь. И не пытаемся мы поднять пласты наши и узнать, кто мы такие, чья кровь в нас течет. Знамо, трудное это дело, не мхами только все поросло. Землицы много на этом лежит, ох много. Но кому-то надо поднять пласты истории. Внуки-то сейчас дюже грамотны и возможностей у них больше. А мы должны сохранить в памяти то, что помним о родителях и дедах-прадедах наших. И старик, закурив, на некоторое время замолчал.

Вот взять, Васильевич, хотя бы меня. Судьбу-жизнь мою и родовую нашу. Ох и накручено, скажу тебе. Вот послушай сказ семейный и расуди сам.

Шведов я по фамилии родителей и деда моего. А ведь я и есть самый что ни на есть швед. Да-да, не удивляйся. Легенда семейная гласит, от шведа мы пошли, родова вся. И вот что передают из поколения в поколение в семье нашей. Конечно, дело давнее, что-то и присочинилось, но думаю, основа-то самая осталась.

Давно это было, лет триста назад, еще при нашем Петре Великом. Ну ты моложе, даты, может, и лучше помнишь. Тяжело тогда вставала на ноги Россия молодая, врагов вокруг хватало. Особенно там, где он окно рубить в Европу-то затеял. Шибко тогда швед там Петра одолевал, не мог он смириться, что все у нас на лад пошло. Вот их Карла, не помню какой он там по номеру был, и попер на Россию-матушку.

А наш-то Петро хоть и молодой был, но ушлый. Ему поперек не лезь, не моги мешать планы разные до ума доводить. А тут Карла пужать на-думал. Ну и получил свое. Под Полтавой это случилось. Прославились тогда русские битвой этой, на века в историю вошли. Знамя русское высоко подняли. Да и уважали нас, побаиваться стали, считаться с нами.

Много тогда супостатов в плен попало. Читал я когда-то, был там всякий народец из Европы – голландцы и немцы, датчане и шотландцы. А всех прозывали шведами, коль под Карлой шведским ходили.

Вот и разбросали народ пленный этот там поблизости с Балтикой-то, города, порты да всяко разное нужное для России строить. Ну и робили бы, грехи замаливали, тем более послабление Петр обещал – отпустить в срок за работу хорошую.

Нет ведь, не всех устраивало это, то там, то сям бузотерить стали, подбивать начали против власти. И поднялись, чтобы домой бежать.

Петро-то наш нравом крут был, известно. Быстро заговорщиков-бунтарей утихомирил. Шибко буйных да ретивых этапом в Сибирь сослал. По дороге часть умерло. Но много и дошло и до Тобольска.

Я в музее был нашем городском. Там мне обстоятельно поведали о народе, что прибыл тогда на землю нашу студеную. Народец-то был непростой, по тем временам дюже грамотный. Были и инженеры разные, каменщики, ружейники, музыканты, строители, да и прочими ремеслами владели. Многие жили по домам горожан, вели себя смиренно.

Как рассказывали в музее, много пользительного сделали они тогда для города нашего. Построили хранилище для казны государевой, ясак-то тогда справно собирали по округе, оно и сейчас стоит, рентерея прозывается. Топило тогда город шибко, так их инженеры спланировали и с народом местным канал обводной в Иртыш соорудили. Другие дела добрые вершили они на земле нашей. Дальше по реке плавали, умения свои передавали.

Уважали их шибко за мастерство и кротость. Послабления разрешили. Кто был веры христианской, разрешили жениться на девках русских и вдовах. Кто пожелал, веру свою менял.

А потом и совсем разрешение дали, домой стали отпускать. Не все, конечно, засобирались. Кому было некуда и не к кому. Кто не захотел битым на родину возвращаться.

Были среди тех, кто остался, и два брата-шведа. Один шибко хорошо разбирался в строительстве крепостей, сооружений разных оборонительных. Другой оружие любил и ладил его мастерски.

Инженера этого, говорят, сманили куда-то дальше на север, укрепления строить. Неспокойно там было. Другой брат, получив разрешение, с молодой и ее родственниками подались вниз по Иртышу. Осели они

километрах в ста от Тобольска и стали землей заниматься. А поселение, что основал швед этот, Шведовым и нарекли. И мой род Шведовых, стало быть, оттуда. Вот, паря, какая история с географией бывает. Хочешь верь, хочешь нет, но перед тобой чистый швед. Во смотри, стихами даже заговорил, – и старик тихо засмеялся.

– Давай-ка, Васильевич, выпьем мы с тобой за роду свою, за жизнь и корни наши. Какая бы кровь в нас ни текла, мы все проливали ее во славу державы нашей многострадальной.

– Я с большим удовольствием поддерживаю твой тост, Гордей Петрович! Правильно и красиво сказал, солдат. За корни наши и Отчизну нашу, как бы это громко ни звучало.

– Ну вот, земляк мой дорогой, подошло время и за щуку нам с тобой приниматься, – и Шведов стал аккуратно разламывать глиняную оболочку. Там в каких-то листьях аппетитно красовалась щука. Рыбаки с удовольствием принялись за новое блюдо.

– Ну а теперь давай почаевничаем, – сказал старый рыбак.

Опять закурили и стали не спеша смаковать чудный напиток, что приготовил еще дома старик. За это время чай в термосе настоялся и от него шел запах июльских лугов в период покоса.

– Когда-то давно я прочитал, не бывает в жизни случайностей. Все в этой жизни закономерно, – начал говорить снова Шведов. – Я тебе поведаю еще одну жизненную историю, непростую. С болью в сердце ношу ее и носить буду.

Семья у нас была большая. Семь душ, детей пятеро. Три брата и две сестренки младшие. Не хуже и не лучше других жили. Правда, самый старший брат перед войной погиб трагически на реке. Остались Прокопий, я да девчонки. Братка с девятнадцатого, а я с двадцать первого. Братка шибко реку любил и все норовил устроиться на какую-нибудь проходящую посудину, что приставали в селе нашем. И всегда мечтал стать моряком. Но стал не моряком, а танкистом, и танкистом воевал.

А моряком стал я. Правда, войну захватил чуток, на пятки только наступил, так как на Дальнем Востоке служил. Но и там, конечно, хватило нашему брату, даже ранен был. А вот Прокопию досталось по полной. И воевал, и в плену был, и в сопротивлении сражался, аж на территории самой Норвегии.

Мы о его судьбе ничего не знали до 1965 года. Как в годы войны получили извещение, что пропал Проша без вести, так и жили с этим. И родители ушли на тот свет, глаза выплакав от горя безутешного. К юбилею Победы стали везде говорить и писать о пропавших без вести. Вот и поехал я тогда в военкомат как участник войны и рассказал о брате своем, что живем в неведении о судьбе солдата. Выслушали меня там внимательно, посоветовали, как поступить, куда написать. Сами пообещали тоже бумагу справиться и куда надо послать.

И вот ты знаешь, Димитрий, ведь пришла тогда на мое имя бумага из самой Москвы, за подписью чина важного, председателя комиссии какой-то по реабилитации или по-другому как-то, не помню. И там все прописано про Прокопия нашего, весь его путь фронтовой и далее.

Большим героем брат мой оказался. В танке горевшем его под Киевом взяли контуженного в плен. Долгое время был в концлагере в Штеттине, что в Польше. Потом, когда наши-то в обратку повернули да погнали кровопийцев назад, туда, откуда пришли они в своих сапожищах кровавых, много наших пленных погрузили в баржи да и в Норвегию отправили. Там

работы каторжной хоть отбавляй было. Вот и работали они под дулами автоматов, тоннели всякие копали, точки огневые укрепляли, лес валили, камень дробили. Об этом я уже потом много вычитал, как жилось там пленным нашим, как измывались над ними.

Ну а брат мой с товарищами сбежал однажды при работе на тоннеле. Был среди них специалист по делу взрывному. Вот по уговору он и заложил взрывчатки поболее. А когда шарахнуло так, что охрана попряталась, они и рванули. Погибло тогда много лагерников, но многим удалось спастись. Все это было описано в бумаге той. И примкнули тогда они к местным, что против Гитлера поднялись и воевали справно. Крепко мстили наши извергам этим за поругание и ад лагерный.

Шведов надолго замолчал, потом закурил. Видно было, что рассказ этот и воспоминания даются нелегко старому солдату, что знал цену потерь, цену подвига на войне. У старика слегка поддрагивали руки, он не знал, куда их пристроить. Бросив окурок в потухающий костер, он стал пить остывший уже чай. Потом продолжил повествование.

– И погиб танкист, сибиряк Шведов, там, на этой студеной земле. И лежит неоплаканный на чужбине в братской могиле братец мой, среди таких же соколов земли русской, что пошли в октябре 1944 года навстречу нашим наступающим войскам. Большая там заваруха была тогда у города Киркинеса. Помочь-то помогли, оттянули часть немцев на себя, а вот сами полегли, ребятушки, не увидели земли отчей, не обняли боле родных своих. А ведь так рвались, через все прошли.

Потом позднее получили мы и орден Славы его, и норвежский орден за мужество, проявленное братом в годы войны. Получили и фотографию братской могилы, где нашел он последний покой. И это еще не все, земляк мой дорогой, – с каким-то душевным подъемом заговорил дальше старик.

– Внук мой старший, Прошей названный в честь брата-героя, пошел по моим стопам, на флоте служил, в Мурманске. И были они в Норвегии, в городе этом. Поведал внук командирам историю о родственнике своем геройском. И что ты думаешь? Организовало начальство возложение венков к памятнику на братской могиле. И вот встретились там через десятки лет, какое там, через сотни лет, сибиряки на земле своих давних предков – викингов.

Вот такая, брат, жизнь, такая закономерность, – закончил долгий рассказ старый солдат. И было видно, что стало ему легче от того, что он поведал незнакомому человеку о жизни своей, о нелегкой судьбе брата, да и всего поколения. И Широкову подумалось, как, наверное, на душе у старика сейчас чисто и светло, как после исповеди.

Январь-февраль 2018 года, г. Тюмень

Халида КИРАМОВА

Тема войны в творчестве Якуба Занкиева

Родившись в переломный для России год, Якуб Занкиев, как и все советские люди, проходит через многочисленные испытания. В годы становления советской власти он был еще молодым учителем, который не до конца понимал ход истории.

В 1941 году молодой учитель призывается в армию, вскоре начинается война, но из-за болезни он возвращается домой. Подлечившись, в 1942 году он добровольцем уходит на фронт, воюет на Воронежском фронте разведчиком, радистом, телефонистом. Учитывая наличие высшего образования, осенью 1943 года его направляют в Ленинградское артиллерийское училище, после окончания которого в звании младшего лейтенанта распределяют на Первый Украинский фронт. В 1944 году назначается командиром взвода в десятую противотанковую артиллерийскую бригаду, которая сформирована в июле 1942 года в Тюмени.

В годы войны Якуб Занкиев проходит около шести тысяч километров пути, участвуя в боях за Львов, Дрезден, Прагу, переправляется через реки Висла, Одер и участвует в ожесточенных боях на земле Польши, Чехословакии, Германии, получает несколько ранений. Победу он встречает в городе Вельтрусси, недалеко от Праги. В этом городе советские воины собрали и оставили деньги для строительства новой школы, позже школе дали название «Красная армия». Об этом Якуб Занкиев написал в очерке «Булэккэ мэктэп» («Школа в подарок») [Татарстан яшьләре 1986: 1 май]. Этот маленький факт из жизни Якуба Камалиевича может оцениваться как отражение идей гуманизма, умение сохранить в любых условиях человеческие качества. За героизм, проявленный в боях, Якуб Занкиев удостоен орденов Великой Отечественной войны первой и второй степеней, ордена Красной звезды и нескольких медалей.

Являясь ветераном Великой Отечественной войны, Якуб Занкиев с 1960 по 1970 год много пишет на военно-патриотическую тему, так как главным содержанием и литературы в этот период, разумеется, оставалась война.

Литература послевоенных лет характеризуется высоким патриотическим пафосом. Пафос победы вдохновлял и поэтов, и публицистов, и прозаиков. В эти годы в литературе большое место занимали тема войны, мира, деревни. Естественно, что тема Великой Отечественной войны и самое главное – люди этой жестокой войны стали героями не только романов Я.К. Занкиева, но и нашли отражение в его 32-х публицистических статьях, очерках, которые были опубликованы в газетах «Советская Сибирь», «Тобольская правда», «Тюменский комсомолец», «Яңарыш», «Татарстан яшьләре» и другие.

Жестокие военные испытания закалили характер фронтовика, научили его глубже различать добро и зло, правду и ложь, честь и бесчестье, обострили чувство милосердия и сострадания человеческому горю. Увиденное и пережитое во время войны остается в его душе неизгладимой раной до конца жизни. К этой теме он возвращается вновь и вновь. В 1977 году в очерке «Пусть всегда будет солнце» он пишет: «Сейчас, спустя 32 года, я думаю, нет, нельзя допустить трагедии, которую развязал фашизм» [Советская Сибирь 1977: 31 мая].

В этом очерке Якуб Занкиев не только повествует о кровавых событиях сороковых годов, но и пытается доступно объяснить молодому поколению о недопустимости таких войн. Очерк направлен против гонки вооруженных. Здесь Занкиев также приводит много фактических и статистических данных, которые умело переплетаются с художественным словом. Автор ведет идеологическую борьбу против создания нейтронной бомбы, вспоминая события Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: «Хатынская земля потемнела от крови, содрогалась от мук людских. 149 жителей Хатыни заживо сгорели в огне. Среди них 75 детей. Деревню разграбили, все 26 домов сожгли. Деревня исчезла с лица земли. Такая же участь постигла жителей 186 деревень Белоруссии. На языке варваров это называлось «Мертвой зоной», и такую судьбу гитлеровцы готовили всему советскому народу». В конце очерка автор приходит к большому обобщению: «Остановитесь, люди, склоните головы! Звонят колокола Хатыни. И плывет этот тревожный звон над тихими березовыми рощами, солнечными полянами, озерами, мирными городами и селами. Он предостерегает: «Люди, будьте бдительны!» [Советская Сибирь 1977: 31 мая].

Многообразна галерея лиц, представляющих народ в годы войны. Благодаря публицистике Я.К. Занкиева, мы узнаем о таких людях – героях Великой Отечественной войны, как командир роты Зиннур Бекшенев, Саут Турдыбакиев, старший лейтенант Григорий Артемович Кузенко, лейтенант Григорий Алексеевич Тарасенко, учительница-партизанка Мария Хавронкова, Павел Яблочкин и многие другие.

Очерк «Истребители танков» – мужественная, правдивая летопись побед сибиряков в годы войны. В этом очерке Якуб Занкиев пишет о наших земляках, героически сражавшихся в годы Великой Отечественной войны. Среди них Герой Советского Союза Б.К. Чернышев, капитан П.И. Шишкин, В.П. Безроднов, В.Г. Видюлин, В.Н. Волков, В.А. Красников. «...Наша бригада в составе Первого Украинского фронта участвовала в боях за освобождение Киева, всей Украины, польских и чехословацких земель от фашизма, с боями вышла к берегам Эльбы, закончила войну в Праге» [Советская Сибирь 1981: 9 мая]. Об этих сражениях автор продолжает разговор и в очерках «Камалган авылдагы сугыш» («Сражение в окруженной деревне»), «Төмөндө туган бригада» («Бригада, организованная в Тюмени»), «Үз өстенә ут чакырган егет» («Парень, вызвавший огонь на себя»), «Рота командиры» («Командир роты»), опубликованные в газете «Яңарыш» к 50-летию со Дня Победы. Очерк «Камалган авылдагы сугыш» сам автор назвал воспоминаниями. Отрывки из этих воспоминаний использованы также в очерке «Фронтовые будни» в газете «Советская Сибирь» на русском языке. В очерке ведется речь лишь об одном бое, но автор передает ощущение всей войны, ее драматизм и героическое упорство советского народа. Эти очерки о беспредельных возможностях людей в кровавой схватке с врагом, людей, для которых свобода Родины и чувство долга неотделимы от собственной жизни. Через все очерки проходит мысль о неистребимости и неиссякаемых силах могущества народа, вставшего на защиту своей родины.

Писатель воссоздает на страницах многочисленных статей и очерков годы тяжелых испытаний, выпавших на долю нашего народа в годы войны. В очерке «Фронтовые будни» читаем: «И она, плача, показала почерневшие пальцы: «Потом велели первой зайти в дом. За мной шли с автоматами. Раненый солдат в этот момент наполовину висел с печи. Видимо, хотел туда залезти, но не хватило сил. Увидев его, фашисты закричали:

«Партизан, партизан, капут!» Один из немцев вонзил ему в спину штык. В соседнем доме людей сожгли живьем» [Советская Сибирь 1977: 26 июня].

Жестокости фашистов в годы Великой Отечественной войны не было предела: «Фашисты не признавали никаких правил ведения войны, хотя Всемирной Гаагской конвенцией 1899 и 1907 гг. запрещалось воюющим сторонам жестокое обращение с пленными, мирными жителями, ранеными и больными. Буквально все законы, обычаи ведения войны игнорировались фашистами. Гитлер и его приспешники призывали всю солдатню к жестокости, вплоть до полного уничтожения нашего народа» [Советская Сибирь 1987: 26 мая].

О героях этих сражений писатель вспоминает и в очерке «Не забыть никогда». Среди них геройски погибший девятнадцатилетний лейтенант Виноградов. «Никогда не забыть мне гибель друга, девятнадцатилетнего лейтенанта Виноградова. При наступлении на Бреслау он первый открыл огонь из своего орудия по врагу и, сраженный тридцатью осколками, просил написать теплое письмо своей маме и любимой девушке о том, что погиб с честью, верный своей воинской присяге» [Советская Сибирь 1970: 9 мая]. Этот очерк написан к 25-летию со Дня Победы.

Много строк Якуб Занкиев посвятил своему земляку Басыру Муслимову, погибшему на фронте в годы Великой Отечественной войны. Вот отрывок из письма командира Басыра Муслимова гвардии старшего лейтенанта Владимира Ивановича Рудницкого, который приведен в одном из очерков автора: «19 марта 1945 года нашему подразделению была поставлена задача выбить немцев из опорного пункта на высоте. В результате решительной атаки высота была взята. Одним из первых на высоту ворвалось отделение гвардии старшины Муслимова. Впереди своих бойцов был их командир. Очередями из автомата и ручными гранатами Басыр убил 11 фашистов. В этой схватке Басыр Муслимов был смертельно ранен в грудь... Он пал смертью героя» [Советская Сибирь 1987: 9 мая].

В следующем очерке «Ради жизни на Земле» Якуб Занкиев обращается к истории жизни Басыра Муслимова до войны. Автор поведал читателям о трудолюбии, старательности Басыра, характеризовал его как хорошего парня-труженика: «Сельчане помнят Басыра как одного из лучших колхозников... Он был рад настоящему, верил в счастливое будущее». В конце очерка Занкиев повествует о том, что «образ Муслимова Басыра живет в сердцах его земляков, в делах его внуков» [Советская Сибирь 1976: 25 мая].

Этот очерк был написан в 1976 году, а уже в 1978-м появляется небольшой очерк «Внук солдата». Здесь речь идет о внуке Басыра Муслимова – Маннуре Каримове. Публицист проводит некую связь между поколениями, прослеживает параллели в жизненных путях деда и внука. В конце очерка Я.К. Занкиев приходит к следующему умозаключению: «Письма погибших героев... Перечитывая их, все больше убеждаешься, что страну, вырастившую таких сыновей и дочерей, победить невозможно. Это они завещали нам беречь мир, завоеванный в такой смертельной схватке с фашизмом» [Советская Сибирь 1987: 23 февр.].

С Басыром Муслимовым мы еще раз встречаемся в портретном очерке «Антони Теплик – наш друг» и узнаем, что он похоронен в Польше. Таким образом, автор вновь и вновь обращается к образам людей, которые геройски сражались в военные годы.

Интернациональной дружбе – крепкому чувству, проверенному в годы Великой Отечественной войны, посвящен цикл очерков Якуба Занкиева. В одном из них главным героем является Антони Теплик. Первый раз с этим героем мы встречаемся на страницах газеты «Советская Сибирь» в очерке «Письмо польскому другу», написанном 22 февраля 1977 года, в котором читатель узнает о том, что 1 февраля 1977 года в газете «Советская Сибирь» было опубликовано письмо польского патриота Антони Теплика из города Вроцлава. Автор письма сообщал о том, что из г. Тобольска ему прислали несколько номеров газеты «Советская Сибирь», в которых публиковались воспоминания участника боев за освобождение Польши тоболяка Я.К. Занкиева, и просил сообщить его адрес.

Якуб Камалиевич откликнулся на его просьбу: «...А память вновь уводит меня на дымные поля сражений, вновь видится хрупкая фигурка отважной польской девушки, которая вынесла на своих плечах с поля боя раненого советского офицера Ивана Ивановича Воронова. Шел жаркий бой, и мне не удалось узнать имя отважной патриотки», – пишет публицист Занкиев [Советская Сибирь 1977: 22 февр.]. Позже читатели газеты «Яңарыш» узнают, что это была Наталья Ржатковску. О ней Занкиев написал в очерке «Үз өстеңә ут чакыру жиңелме?» («Легко ли вызвать огонь на себя?») [Яңарыш 1995: 12 май].

Второй очерк – это уже портретный очерк об Антони Теплике. Под названием «Антони Теплик – наш друг» его напечатали в 1979 году в газете «Советская Сибирь». Автор пишет: «Сколько стоило труда человеку, занятому работой на заводе, самостоятельно изучившему русский язык, обойти громадное военное кладбище, где похоронены советские воины, павшие при освобождении Вроцлава (Бреслау) и переписать 2 913 фамилий, имен, отчеств, указать, в какой братской могиле они покоятся!?» [Советская Сибирь 1979: 13 апр.].

Третий раз с Антони Тепликом читатель встречается в статье «Подздравляют друзья из Польши», в которой много документальных фактов. Здесь мы узнаем о том, что «...в схватке с фашистской армией при освобождении польских земель сложили головы 600 000 советских воинов. На одном только Вроцлавском военном кладбище лежит около 10 000 солдат и офицеров». Антони Теплик прислал списки более 3 000 фамилий наших солдат и офицеров, похороненных на Вроцлавском кладбище.

Из этой статьи читатели также узнают, что польский друг Антони Теплик уже несколько лет разыскивает родных и близких этих солдат. «Очень трудные дни переживает народная Польша. Враги мира изо всех сил стараются столкнуть социалистическую Польшу с выбранного пути. Мы, ветераны, участники освобождения Польши, уверены, что дружбу нашу, скрепленную кровью, не подорвать никому. Гарантией тому является вера в силу дружбы, мира и социализма миллионов поляков: крестьян, учителей, молодежи и простых рабочих-патриотов, таких, как Антони Теплик. Они никогда не допустят, чтобы враги социализма творили свое грязное дело» [Советская Сибирь 1981: 18 февр.]. По этим статьям и очеркам мы можем сделать вывод о том, что Я.К. Занкиев – это не только писатель, публицист, но он еще и человек, выполнявший огромную миссию по укреплению дружбы между народами СССР и ПНР.

Тема Великой Отечественной войны в публицистике писателя-журналиста Я.К. Занкиева сильна верой в несокрушимость своего народа. Он создал точные, реалистические картины военных операций, вдохновенный образ борющегося народа. Великая Отечественная война была школой для

многих из них. Среди них и артиллерист Иван Кузьмич Фролов, который с 1941 по 1945 год участвовал в многочисленных боях за освобождение Родины от фашизма. За проявленные героизм и отвагу Николай Фролов был награжден орденом Славы третьей степени.

Писатель-публицист Занкиев познакомил читателей газеты «Советская Сибирь» с письмами героев Великой Отечественной войны в очерках «Ради жизни на земле», «Это не должно повториться», в цикле очерков об Антони Теплике. Читатели газет знакомятся с воспоминаниями Александра Андреевича Пермякова, участника войны, об издевательствах фашистов над военнопленными [Советская Сибирь 1987: 26 мая].

Наиболее значимы письма детей, которые введены автором в сюжет очерка «Это не должно повториться» [Советская Сибирь 1987: 26 мая]. Очерк можно отнести к теме «Дети и война». Миллионы детских погасших жизней – самый страшный, неизмеримо ужасный и до сих пор до конца нами не достигнутый в своей чудовищности результат Великой Отечественной войны. Написанное Якубом Занкиевым о детях войны вызывает к милосердию по отношению к детям, которые также как и взрослые в те тяжелые годы испытаний стали жертвами. Солдат знал, за что умирал, а за что умирали дети, не успев ни полюбить, ни проклясть этот мир? Автор очерка убежден в том, что литература и публицистика, в великом гуманизме своем, должны еще и еще возвращаться к теме израненного, погубленного войной детства.

Отрывки из писем детей звучат и в очерке «Эгэр Гитлер жиңгән булса...» («Если бы победил Гитлер...»), в котором данные строки звучат как обобщение вышесказанному: «Фашист фашист булып кала. Эгэр Гитлер жиңгән булса, Совет халкын кыру өчен тагын нинди генэ ысуллар уйлап чыгармаслар иде икән? Юк, мин һич тә дошманлашуга чакырмыйм. Сугышның бер чакта да яхшы булганы юк» [Яңарыш 1991: 27 апр.]. («Фашист останется фашистом. Если бы победил Гитлер, какие бы только приемы они ни придумали, чтобы стереть с лица земли советский народ. Нет, я ни в коем случае не призываю к вражде. Война никогда не была доброй», перевод наш).

На протяжении десятилетий Якуб Занкиев настойчиво пополнял документальную и художественную летопись Великой Отечественной войны, обращаясь к свидетельствам ее непосредственных участников. Он глубоко прочувствовал и осмыслил, правдиво описал то, как защищали Родину его земляки, наделенные чистой совестью, сильным духом, непоколебимой верой в победу.

Очерк «Комсомольский билет, пробитый осколком» автор посвятил своему наставнику и другу Зиннуру Рахматулловичу Бекшеневу. Получив в ожесточенной схватке с фашистами тяжелое ранение, Бекшенев остался инвалидом, но, несмотря на это, продолжил армейскую службу в Тюменском военно-пехотном училище, готовил для фронта офицеров. После окончания войны вернулся к своей любимой профессии [Тобольская правда 1978: 15 апр.].

В другом очерке Занкиев поведал о дерзком подвиге, который совершил на исходе войны его бывший ученик, командир артиллерийской батареи Камал Мазитович Муратов. Среди ночи фашисты атаковали штаб, где отдыхали комбат и его помощники. Завязался неравный бой. Оценив критическую ситуацию, Муратов решился на крайнюю меру: вызвал на себя огонь из орудий. Приказ был выполнен. Снаряды разметали налетчи-

ков, разрушили штабное здание, но пощадили тех, кто в нем укрывался.

Закончив войну в Берлине, Муратов возвратился на Родину, получил высшее педагогическое образование и много лет возглавлял коллектив средней школы № 15 г. Тобольска, где обучались татарские и русские дети [Яңарыш 1992].

Примечателен очерк «Артиллерист» о боевых заслугах тоболяка Ивана Кузьмича Фролова. Ранним январским утром сорок пятого года оружейный расчет гвардии сержанта Фролова форсировал Одер и закрепился на его западном берегу. Артиллеристы часто меняли позиции, вели огонь прямой наводкой по фашистским танкам. Когда пехотинцы пробились к селению Линден, немцы открыли интенсивный перекрестный огонь, прижали пехоту к земле. И вновь расчет Фролова выкатил пушку из укрытия, выкуривая пехоту из каменных гнезд. Артиллеристы противостояли пяти вражеским контратакам, уничтожили бронетранспортер, причинили фашистам большую потерю. За проявленное воинское мастерство, отвагу и стойкость Фролова наградили орденом Ленина. Таким образом, автор во многих очерках воссоздает картину народной жизни на протяжении большого временного отрезка: чаще всего повествование начинается в годы войны и прослеживается до конца XX столетия [Советская Сибирь 1983: 19 нояб.].

В очерках Занкиева зафиксировано множество страшных документальных картин военных лет, рассказано невыдуманных историй, читая которые, перед глазами встают живые образы солдат, детей, стариков и женщин, что вели борьбу против фашизма, выживали в страшных условиях военных лет. Через судьбы отдельных людей автор сумел показать судьбу всей страны, в которой историческое, социальное и нравственное находятся в нерасторжимом единстве.

В публицистических очерках и статьях война изображается как самый страшный период в истории XX века. «...Якуб Занкиев дает свою оценку прошедшей войне, указывая на истинную цену победы: это сотни тысяч искалеченных судеб, неисчислимы потери, неизгладимые раны, обездоленные, больные, инвалиды, вдовы, осиротевшие дети, разрушенные города и деревни... Через глубокие раздумья и переживания героев романа автором создаются представления о трагедии войны» [Сайфулина 2007: 182].

Надо сказать, что как герои его публикаций, сквозь все трудности и невзгоды Великой Отечественной войны прошел и сам автор, честный, отважный солдат Якуб Занкиев. Поэтому, очевидно, за перипетиями военной судьбы героев в его очерках постоянно ощущаешь присутствие автора. А люди, пережившие войну, несут в себе тяжелейшее знание – правду о войне. Чаще автор обращается к читателям от своего имени, поэтому в основном публицистика Якуба Занкиева автобиографична, документальна.

Проанализированные многие публицистические произведения Занкиева побуждают читателей лучше осознавать, ценить и беречь то, что завещали фронтовики. Публикации писателя о войне убеждают нас в том, как значителен коллективный вклад наших земляков в победу над агрессором. Эпопея народного подвига, описанная Якубом Занкиевым в публицистических произведениях, нашла яркое отражение в романах, венчающих литературное творчество писателя.

ПОЭЗИЯ

Алла КУЗНЕЦОВА

Микеланджело

1.

Родился Микеланджело в стране,
Где изморозь мерцала на стерне...
В селенье дальнем пели петухи,
Кричали гуси и топились печи.
И повитуха, что старей трухи,
Пупок завязывала в этот вечер.
Она ушла, споткнувшись о порог:
– Не знаю, за заслуги иль грехи,
Но ваш младенец Господом отмечен.
И если не согнут в бараний рог
При нашем времени – он будет вечен!

Она несла с капустою пирог,
Над ней закат горел, как образа,
Лазурь пастушья брызгала в глаза,
И осенял в пути чертополох.

Телега вдалеке где-то стучала,
Кричал ездок и понукал коня.
И думала старуха, грязь кляня:
«Все было в мире так, с его начала,
Все та ж земля, нужда, дороги, грязь...
И Бог, забывший нас.
И вместо Бога – власть.
Ох, Господи!..»
И села на пенек,
Достала из-за пазухи пирог
И вновь подумала: «За что нам Бог
Отдал лишь грязь да сена старый стог?..»

И стала есть, не подбирая крох,
И слушая, как воронье кричало,
Да рядом шелестел чертополох.

2.

«Сынок! Сынок!» – тайком шептала мать.
Ругал отец, и ржали земляки:
– Скажи, зачем берешься глину мять,
Которую несешь из-за реки?

С огнем в груди,
С коростой на губах,
Блуждающий то в поле, то в лесу,
Помешанный...
– Я вылепил раба!
Еще задумал фреску «Страшный суд»,
Где в цинковых запаянных гробах
Не вас!
Не вас!
А лучших понесут!

3.

Под сиренью, под калиной
Буду эту глину мять.
Попытаюсь через глину
Человечество понять.

Человечество понять...
Ночью лунной, ночью длинной
На кого же мне пенять,
Если я из той же глины?

Человеческую нить,
Даже может от Адама,
Надо чем-то заменить,
Обменяв ее на мрамор.

Будет круто. Будет люто
Среди серости менял.
Но незнание Абсолюта
Серым сделает меня.

Заявил, однако, малый!..
До Каррары далеко.
На губах в коросте алой
Не обсохло молоко.

Ангел, севший к изголовью,
Нашептал еще при том:
«Это не Средневековье!
Человечество – не то!

И на кой твое горенье
И талант во цвете лет?
Не талант, а ускоренье
Стало сущим на Земле.

Твои радости и муки,
Хочешь, плачь или психуй.
Но мозги твои и руки
Перевертит, перекрутит,
Перемелет в шелуху.

Что такое твоё бденье?
Да ничто! Который век?
Двадцать первый, человек!
Век соития и денег!»

И как чудо из чудес,
В золотой заречный лес
Ангел мызнул и исчез...
То ли ангел? То ли бес?

И такой дохнуло скукой
То явление бурлеска.
Да-а, судьба!.. Такая сука!
Провались!
Изыди с треском!

4.

Я не ведаю, что со мной,
Знаю лишь, что такое будет –
Раз меняется климат земной,
То меняются с ним и люди.

Знаю, что человек не тот,
Потому без лишнего слова
Я в себе человеческий род
Должен вылепить снова!

Обожженного моим жаром,
Пусть навеки хранит
Его нового – не Каррара,
А уральский гранит.

Я заставлю переродиться
Гору или скалу.
Со скрижалей сколю
Моисеевы страницы.

Пусть под грузом бредет, как вол,
С мешком мирозданья, как с солью,
С тяжелым затылком волхв,
Тяжелее, чем у Гоццоли.

Или вот взгляните на них,
Никогда не познавших тлена –
На скульптурную группу двоих,
Подробных, как у Родена.

...Нету листвы в лесу,
Треснула почва в жите...
Вот вам и Страшный суд,
Думайте и дрожите!..

Над Волгой торчат мосты
Скелетами динозавров.
Ветер в полях пустых...
А что будет завтра?

Под смог торфяной, в безводье
Слушаю города,
Как по ночам уходит
К центру Земли вода.

Таков роковой удел
Двадцать первого века!
Я поверну человека
Страшным лицом к беде.

Чтоб планетарный камень
С каменной ДНК,
Каменными руками
Держался за облака.

Думайте и дрожите,
Коли таков удел.
Воздух земной держите,
Пока он не улетел...

5.

На выставке заслуженный ваятель,
Через цветной прогуливаясь зал,
С лукавым покровительством сказал:
– А ты отстал от времени, приятель!

Ты думаешь, что ты Буанарот?
Да нет, ты копиист Буанорота.
Не то желает нынешний народ,
А учимся всегда мы у народа.

Теперь не камень в моде...
– Что?
– А кости
Скелетов человеческих, например.
– Но где достанешь кости? На погосте?
– Да ты никак вернулся в сэсээр!..

Ну что ты побледнел, как от испуга,
Как будто пред тобой ползучий гад?
Зовешь к себе на чай бывшего друга,
Который стал докучнее врага.

За стол сажаешь, водку наливаешь,
Ну там найдешь, с какой налить травой.
И люк под ним тихонько открываешь,
А там уж ждут «гальваники» его...

Ты не бледней! Работа есть работа,
А за работу следует платить.
Ну что там стоит кислотой облить
Труп гостя твоего... и обработать.

А я потом уж кости собираю,
Ходатайствуя за работу нашу.
И киноварью пламенной украшу,
Как на закате сосенки в бору.

Где подбелю, а где прибавлю хины,
Подкрашу охрой или синевой...
И вот уже – скульптура гражданина,
Обглоданного временем его!..

Дерзать! Выдумывать! И быть в душе поэтом!
Мораль? Да гнать ее к чертям! Бранить!
И не отстать от жизни! Спрос на это,
А не на твой увесистый гранит.

Буанарот свое сказал. А нам зачем подобья
Его плафонов и его капелл.
Гранит теперь годится на надгробья,
Для памяти известных и безвестных тел.

Отпели. И венками завалили.
Ушли. Что живы, радуясь втайне.
Лапчатый клен, склонившийся к могиле,
Лист черный отпечатал на луне.

Ты сочинял стишок. И до седьмого пота
Тесал гранит, старанья не тая.
Вон памятник торчит... Твоя работа.
И эпитафия на нем твоя.

Над нею мощно выбито зубилом:
«Спокойно спи. И помним, и скорбим».

О труд! Родившийся с тобой!
С ним так любилось!
Жилось, воспламенялось!.. Все забылось.
И даже то забылось, что любил.
Шуршит листок... Гуляет кто-то сытный.
Тебе же новый памятник долбить...

О, в этот век продажный и постыдный
Отрадней спать! Отрадней камнем быть!

28-29 сентября 2010 г.

ПРОЗА

Сергей ЛУЦКИЙ

ОСКОЛОК ИМПЕРИИ

Рассказ

Участковый Плесовских копал картошку, когда услышал недалекий выстрел.

Удивляться, в общем-то, было нечему – охотничий сезон на водоплавающую птицу уже открылся. Настораживало другое: стреляли близко. Хотя и это можно было объяснить – озера и старицы подступали к поселку вплотную. Как раз на них опускались пролетающие утки.

Когда спина участкового под адидасовской курткой уже взмокла, ударила калитка на тугой пружине.

– Опять кого-то черти несут, – проворчала жена Лена, распрямляясь и глядя в сторону дома. Неполное ведро картошки покачивалось в ее руке, обтянутой грязной резиновой перчаткой. За почти десять лет службы Плесовских она так и не привыкла, что к мужу могут обратиться в любое время. – Гос-с-поди, греческая смоковница!.. Опять у нее проблемы.

В голосе Лены слышалась чисто женская неприязнь. Мало того, что идущая от калитки Машка Сардакова напропалую гуляла, так весной у нее еще умер ребенок. Выполз вечером за порог и угодил в лужу. За ночь вмерз в нее. Машка в это время спала пьяная.

– Евгений Сергеевич, – еще издали заговорила Сардакова льстивым голосом, – вам из сельсовета дозвониться не могут. У Батаева чэпэ. Осколок империи его медведя застрелил... То есть Ефим Егорович Сигильетов медведя застрелил.

То, что почти у каждого здешнего жителя была кличка, Плесовских знал. Знал и то, что многих называли по имени-отчеству не из уважения, а потому, что иначе легко было запутаться в многочисленных членах нескольких хантыйских родов, проживающих в поселке.

А вот почему Машка Сардакова заговорила таким голосом, он мог только догадываться. Машка закодировалась и уже третий месяц не пила. Ее даже взяли техничкой в поселковую администрацию, где она по совместительству выполняла обязанности посыльной.

«На всякий случай прогибается, – подумал Плесовских. – Похоже, ненадолго ее кодирования хватит...». Сильно пьющих участковый не любил, и в поселке это хорошо знали.

Через несколько минут он – уже в форме и с официальным выражением лица – шагал в сторону рыбооповского магазина. Низкорослая Машка Сардакова едва попевала следом, что, впрочем, не мешало ей без умолку тараторить.

– Этот Ефим Егорович вообще оборзел. Считает, что ему все можно. Отец рассказывал, он такой крутой раньше был! Если олени в колхозе пропадут, сам воров находил, милицию вызывать не надо. Всем говорил, скоро коммунизм наступит, нужно только хорошо работать и не пить.

Прикольно, ага?.. Совсем одичал на своем стойбище! За что медведя застрелил? На него даже нефтяники приезжали смотреть. Медведь как негра увидел, так забился в угол клетки, испугался. Нормально, ага?..

Машка забежала сбоку, искательно заглядывая Плесовских в глаза. «Точно, сорвется скоро», – понял тот. С негром, инженером российско-американской нефтяной компании, действительно вышло смешно. К русским и ханты, которые частенько останавливались возле клетки, медведь привык. А вот черного человека увидел впервые. Мужики потом рассказывали, что медведь дрожал, прикрывался лапой и даже обделался. Может, привирают. Но негр обиделся, это точно.

– Правильно журналист его тогда назвал – настоящий осколок империи. Додуматься надо, лучше всего для хантов колхоз! Вот придурок!.. Мы что, дети, чтобы на нас всю дорогу давить? Воспитатели!.. Мы как люди жить хотим, свободно. Чего нас воспитывать, этого нельзя, того нельзя... Я правильно говорю, Евгений Сергеевич?

Об истории с журналистом Плесовских тоже слышал. Несколько лет назад – он еще здесь не работал – приезжал корреспондент из Москвы и попросил, чтобы его познакомили со старожилом из аборигенов. Что-то там ему для экзотики нужно было. Дед Сигильетов как раз находился в поселке, с ним и познакомили. О чем они разговаривали, никто толком не знает. Только потом в поселковой администрации корреспондент качал головой и советовал внимательно присмотреться к старику. Не приемлет демократических преобразований. Может на других плохо повлиять. Даже не из застойных времен человек, а какой-то сталинист отпетый.

– Вы как представитель власти поддерживаете меня, Евгений Сергеевич? Хант тоже человек, свобода выбора у него должна быть. Жить надо, как хочешь. Согласно общечеловеческим ценностям. Я правильно понимаю?..

Плесовских покосился на нее. «Наслушалась телевизора... Сегодня и запьет, – окончательно уверился он. – Как раз зарплату в администрации выдавать будут». То ли специалисты в райцентре были слабые, то ли еще по какой причине, но на поселковых кодирование практически не действовало. Начинали пить по новой, когда хотели.

У рыбокооповского магазина стояла внушительная клетка, сваренная из армированных прутьев. Внизу ее темнела непонятная издали грудка. Рядом топталось несколько мужиков, курили и негромко переговаривались.

– Здравствуй, Сергеич, – вроде бы по-свойски, но в то же время уважительно протянул руку фермер Батаев. Это был мужчина средних лет с бледным лицом, по виду язвенник. – Ерунда какая-то вышла, Сергеич. Думал пристрелить мишку по снегу, а видишь, опередили. – Батаев просунул ногу в белой кроссовке между прутьями и толкнул темно-коричневую грудку, оказавшуюся мертвым медведем. – Что сейчас с ним делать? Какая в сентябре шкура?.. Больше провозишься.

Плесовских тоже просунул в клетку ботинок с высокой шнуровкой и толкнул колыхнувшуюся массу. Казалось, медведь спит. Крови видно не было, лишь пологий лоб над полуоткрытыми глазами был мокрый, будто по шерсти потекло масло.

Мастерский выстрел.

– Кого-нибудь подозреваете? – как полагается, спросил Плесовских. Медведь принадлежал Батаеву, хотя фермер и держал его не на подворье, а рядом с магазином. Здесь постоянно крутились дети, подкармливали медведя хлебом и дешевыми конфетами.

– Я вообще-то не видел, а вот мужики... – заговорил Батаев. Глаза у него бегали.

Он был совсем непрост, этот человек, знающий, чего хочет от жизни. Раньше Батаев, участковый слышал, заведовал местным отделением зверопромхоза, принимал у хантов пушнину, обеспечивал их боеприпасом и платил зарплату. А когда зверопромхоз прикрыли, не запил, не слонялся без дела, как многие промысловики, а подался в фермеры. Под это дело районная администрация давала хорошие ссуды.

– Так кто стрелял?

– Да вот говорят... Мужики, кто?

– Осколок империи. Он.

Участковый помолчал.

– Будете заявление писать или договоритесь между собой?.. Чего так водкой-то несет? – Плесовских повернулся к мужикам.

Те задвигались и отступили на шаг.

– Мы чего... Это от мишки, он пьяный был.

– Поили, что ли?

– Граммульку. Сам попросил.

Батаевский медведь был чем-то вроде бесплатного цирка в поселке. Кто его приучил к водке, неизвестно, но пил он с большой охотой. Обхватывал обеими лапами поллитровку, сгрызал крышку и, обливаясь, урча и закидывая голову, тянул из горлышка. Захмелев, вел себя, как шепутной мужик – ревел и пробовал раскатать клетку. Плесовских однажды сам видел.

– Ну так что? Решили?

Фермер потер ладонью шею, помялся.

– Тут вот такая ситуация, Сергеич... Медведь, конечно, мой, но подарил его дед Сигильетов. Так что, вроде, как и его тоже... – Батаев глянул в сторону мужиков. Лицо у него светилось честностью. – А с другой стороны, охоту открыли только на утку и гуся. До районной инспекции дойдет, спросить могут, где, мол, были. На ваших глазах происходило. Не знаю даже...

Плесовских усмехнулся. Хитрован! И рыбку, значит, съесть, и... Ладно, посмотрим.

– Пошли, – бросил он и зашагал от магазина.

Мебель в избушке Сигильетовых была убогая. Непокрытый стол, две табуретки, железная койка в углу... У порога сидела на корточках старуха и стирала в корыте с мятыми боками.

Плесовских много раз приходилось бывать в домах местных жителей, и каждый раз у него начинало саднить сердце, когда он видел эту бедность. А ханты, казалось, не придавали этому никакого значения.

– Здравствуйте, – поздоровался он. Батаев держался на полшага сзади.

Худой высокий старик (он сидел, но рост был виден и так) повернулся и посмотрел на них большими и мутными за стеклами очков глазами. В руках он держал какие-то листки.

– Здравствуйте, – с достоинством отозвался старик и снял очки, к которым вместо дужек была приспособлена резинка. Хохолок седых волос остался торчать на затылке. – Из-за мишки пришли? Я музей разговариваю. Сиди здесь, Антонина.

Антонина, красивая румянолицая хантыйка, устроившаяся перед стариком на табуретке, неуверенно посмотрела на Плесовских и сделала было движение подняться. Участковый успокоил ее:

– Ничего, ничего. Мы подождем.

– Участковый тоже говорит, сиди, – довольный тем, что Плесовских не стал проявлять власть, отозвался старик. – Участковый уважает музей.

Плесовских сдержанно улыбнулся:

– А почему бы не уважать?..

Антонина, директор краеведческого музея, ему нравилась. Мало того, что симпатичная, так еще толковая, недавно окончила институт в Питере. Не так часто это среди здешних жителей случается. Досадно было лишь то, что девушка отчего-то сторонилась его. Хотя своего отношения к ней Плесовских никак не демонстрировал.

– Тогда я покурю во дворе, – торопливо сказал Батаев и с готовностью прошмыгнул бочком за дверь, стараясь не задеть стирающую старуху.

Дед Сигильетов прицелкнул языком и насмешливо развел руками.

– При советской власти тоже плохой люди был. Однако ханта за бутылку работать не заставляли, – проговорил он, явно имея в виду Батаева. – Сейчас можно, сейчас пожалуйста... Здесь я молодой. Тысяча шесть штук белка добыл. Фотографировали, грамота давали, отрез на костюм давали, – он протянул Антонине пожелтевшую вырезку из газеты.

В отличие от большинства поселковых, говорил Сигильетов с сильным акцентом. Чувствовалось, всю жизнь провел в лесу, а русский выучил в детстве, когда жил в интернате, и успел с тех пор его изрядно подзабыть.

– Ты просила, я стойбища привез. Возьми газету музей, пусть музей будет. Кому отдам? Умру скоро. Грамоты тоже бери, много дали.

Антонина осторожно приняла ветхую вырезку, негромким, волнующим Плесовских голосом сказала:

– К верхним людям торопиться не надо. Торум всех в свое время позовет.

– Э, Торум! Я в Торума не верю, нет его.

– Ваши отец и дед верили, почему вы не верите?

Девушка быстро посмотрела на Плесовских. По всему чувствовалось, присутствие участкового сковывает ее. Она вдруг перешла на хантыйский язык, и выражение лица у нее стало таким же, как в избушке Натускиных. Упрямым и замкнутым.

Тогда случилось то, что Плесовских до сих пор понимал плохо. Грамотный человек, пять лет в Ленинграде прожила, а... Бабка Натускина умирала от старости. Она пережила всех своих детей, внуки перебрались в Покачи, и присмотреть за ней было некому. Когда Плесовских вместе со специалистом по соцзащите поселковой администрации (это она подняла тревогу) вошли в избушку, от смрада невозможно было дышать. В тряпье на полу лежала высохшая мумия и слабо постанывала.

«В дом престарелых отправим, – заявила специалист, грудастая громкоголосая женщина. – Хоть помогут и накормят». «Не надо, – сказала

Антонина, ее взяли с собой переводчицей. – Я буду за ней ухаживать». – «Она твоя родственница?» – «Нет. Она от русской пищи умрет». Специалист обиделась: «Чем наша пища плохая?.. Ты еще шамана вместо фельдшера позови».

Директор музея упрямо наклонила голову: «Не надо ей мешать. Ханты лучше умирать дома. Так всегда было». – «Ты это серьезно? – округлила глаза специалист по соцзащите. – Сама тоже лечиться не будешь, если прижмет?..». Антонина промолчала. Приводила она кого-нибудь в избушку Натускиной – чем черт не шутит! – камлать над старухой или нет, Плесовских не знает. Но до самой смерти бабки ходила к ней. В дом для престарелых так и не дала отправить.

– Торум! Торум!.. Витька, – возбуждаясь, быстро заговорил по-русски и стал совать в руки Антонины какие-то фотокарточки дед Сигильетов. Он поглядывал на участкового, словно призывал в союзники. – Пьяный был, облас перевернулся, Витька утонул. Нет мой сын!.. Вовка, дочка муж, ноги отморозил, отрезали. Дочка его кормит, пенсию один пропивает, протезы ходить не хочет. Хорошо?.. Тоже возьми, стеклянный ящик положи. Внук четырнадцать лет, костер зимой зажечь не может, мордушку поставить не может, пить водку – может!..

Антонина опять что-то сказала по-хантыйски. Старик досадливо хлопнул себя по коленкам, деланно засмеялся. Чувствовалось, ему, пожилому солидному человеку, не полагается так горячиться в разговоре, особенно с женщиной, но уж очень, видно, за больное задела Антонина.

– Раньше молодые были, меня боялись, председателя боялись, милиция боялись, – с трудом подбирая слова, но все же по-русски отвечал он, поглядывая на Плесовских. Вены на его худой шее вздулись. – Сейчас никого не боятся! Воруют, пьют, баня не ходят. Трахома еще нет, вши есть, туберкулез есть. Это хочешь назад было? Как дед жил и отец жил? Такой Торум надо?..

Спокойствие давалось Антонине нелегко. Ее румяное лицо раскраснелось еще больше, стало пунцовым. Она тоже заговорила по-русски:

– Были туберкулез и трахома, это правда. Но душа у ханты была живая, царь и купцы ее не могли убить. А коммунисты хотели нашу душу уничтожить. Это хуже, чем туберкулез и трахома.

Похоже было, что и она говорит это не столько для того, чтобы возразить деду Сигильетову, сколько для участкового.

– Ты тогда не жила, откуда знаешь?! – вставая с койки, закричал старик. – Почему говоришь?!. – и перешел на хантыйский.

Он, видимо, сказал что-то оскорбительное, потому что молчаливая старуха у порога замерла, не вынимая из корыта мокрых рук, а Антонина вскочила с табурета и, мотнув полами городского плаща, стремительно вышла за дверь.

Плесовских чувствовал себя неловко, будто присутствовал при семейной ссоре. Дед Сигильетов достал из кармана мятую пачку «Примы» и закурил. Руки у него прыгали.

Участковый переложил с колена на колено папку из кожзаменителя, кашлянул. Нужно было работать. Однако старик заговорил первым:

– Как ребенок мишка был, маленький сын. Оленя молоко ему на стойбище давал, из соски поил... Витька утонул, Вовка ноги отрезали, внук учиться не хочет, водку любит – нет родных...

Из путаного рассказа можно было понять, что в позапрошлом году кто-то из дальних родственников оставил у старика на стойбище медвежонка. Мать убили в берлоге, а недельного сосунка пожалели. Дед Сигильетов к нему привязался. Пока было можно, держал на стойбище, потом подросший медведь стал пугать оленей. Пришлось привезти в поселок и отдать фермеру – в лес мишка уходить никак не хотел.

– Еду поселок – хорошо, радуюсь! Мишка увижу, поговорю, ласковый мишка, все понимает... Витька пил, Вовка пьет, внук пьет. Приехал – мишка пьет! Лес жить не хочет, ягода есть не хочет, берлога спать не хочет. Пить – хочет! Зачем такой зверь?..

Досада и горечь в голосе старика были такие, что Плесовских не сразу спросил:

– Так вы его за это застрелили?

– Да! – с изумлением, словно удивлялся, что можно было поступить по-другому, подтвердил старик.

– Ружье зарегистрировано?

– Регистрировано.

– Документ где?

– Стойбище лежит.

Плесовских кивнул на старую, с вытертым ложем тулку на стене:

– Оно? Из него стреляли?

– Да, – простодушно сказал старик.

Плесовских поднялся, снял с гвоздя ружье, переломил пополам. Из стволов резко пахнуло порохом.

– Пока у меня побудет. Документ привезете, верну. Порядок должен быть.

На лице у деда Сигильетова мелькнула обида, но он тут же согласно закивал головой:

– Да, да, порядок! Понимаю!..

Плесовских удовлетворенно кивнул. Со стариками работать легко, у них еще прежняя закваска. Надо так надо. Это молодежь по пустякам лезет в бутылку. Наслушаются телевизора...

Ни во дворе, ни на улице Батаева видно не было. «Жучара, – подумал участковый. – Смылся... Потому, наверно, и язва у него – все думает, как бы выгадать».

Плесовских тоже знал, что на дальних протоках на Батаева рыбачат несколько поселковых ханты. Пушнину сейчас сбывать тяжело, а рыбу в городе продать можно. Денег Батаев хантам не платит, рассчитывается водкой. Тех это, видно, устраивает – с заявлением никто не обращался. Да и есть ли сейчас такая статья, чтобы за это привлекать?.. Другие времена.

А насчет тулки он, Плесовских, правильно сделал: как бы старик за сородичей не принял. Пьющих в поселке с избытком. Прошлой весной, во время межсезонья, когда связь с городом была только вертолетом, Плесовских пришлось взять в осаду одну из избышек. Там засел пьяный ханты с ружьем и палил во всех подряд.

«Ты, главное, горячку не пори, – сказал по рации начальник районной милиции, тертый калач, прослуживший на северах добрых два десятка лет. Рация трещала и подвывала. – Не вздумай штурмом брать. Ты следи, чтобы никто ему водку не носил. Протрезвеет, сам сдастся». – «Товарищ

полковник, может, группу захвата?.. Застрелит еще кого-нибудь. И к власти неуважение». – «Ага, сейчас я тебе вертолет со спецназом отправлю, – спокойно сострил начальник райотдела. – Ты где служишь? Умей находить с аборигенами общий язык. Привыкли, понимаешь, на Большой земле... В общем действуй, в смысле не пори горячку. Само должно устаканиться».

Вышло так, как и говорил полковник. Ханты протрезвел и вышел из избушки безоружный. Покорно молчал, когда Плесовских надевал ему наручники. Так же покорно сидел в вертолете, склонив к коленям взлохмаченную, давно не стриженую голову. Впору было пожалеть его, если бы этим же рейсом не увозили в город двух раненых.

«А может, не мешать деду? Он сейчас на взводе, пусть разберется с алкашами, как считает нужным», – мелькнула мысль. Плесовских тотчас прогнал ее. Мало того что криминал, так ведь еще и не поможет.

Работа, что ли, в поселке для ханты появится? Зверопромхоз восстановят? Или водкой в рыбкооповском магазине перестанут торговать?.. Нет, правильно сделал, что забрал тулку. Правильно.

Серенький денек к обеду разгулялся. За рекой горел золотом красивый, как у Левитана, березовый колок. Редкие осины бросались в глаза густым свекольным цветом. Вода с заливных лугов сошла в этом году поздно, и хозяева спешили запастись сеном. По противоположному низкому берегу ползала казавшаяся отсюда маленькой сенокосилка, звук тянувшего ее шестиколесного «муравья» был едва слышен.

«Посуху картошку докопаю», – с удовольствием подумал Плесовских, щурясь на пробивающееся солнце. Подбросив плечом сползающий ремень тулки, он заспешил домой.

Возле краеведческого музея участковый придержал шаг. Здесь стояли вывезенные с заброшенных стойбищ лабазы на высоких столбах с хитроумными – от мышей – вырезами. Рядом просторно расположились летние и зимние хантыйские жилища – приземистые, крытые берестой или плотно обложенные дерном. Чуть в стороне виднелся широкий загон с дымокурром, вокруг которого олени спасаются летом от гнуса.

Общий тон этих экспонатов под открытым небом был неброским, серым. И наверное оттого что стойбище выглядело забытым, каким-то обездоленным, казалось: время здесь остановилось, а если и двигается, то едва заметно, как сочится густая кедровая смола, наглухо запечатывая и чешуйки коры, и неосторожного муравья, и случайно коснувшегося крылом комара.

Сейчас острота уже не та, а раньше Плесовских чувствовал себя здесь так, словно смотрел по видео фильм про внеземную цивилизацию. Чуждое все и непонятное. Другой мир. Другая, непохожая жизнь.

«Интересно, а какими русские в первый раз хантам показались? – вдруг подумалось ему. – Бородатые, с длинными лицами, круглоглазые... Черти! Точно, черти!..»

Участковый усмехнулся.

Из обшитого вагонкой административного здания музея вышли Антонина и молодые учителя – муж и жена, тоже националы. Как и Антонина, одеты они были в непривычные для поселка длиннополые светлые плащи, но разговаривали по-своему. И совсем не смутились, не перешли на русский, когда увидели участкового. Судя по всему, учителя заходили в музей, чтобы всем вместе отправиться на обед.

Подавленной после разговора с дедом Сигильетовым Антонина не выглядела. Но Плесовских все равно захотелось сказать ей что-нибудь хорошее, ободряющее.

– Вы меня, Антонина Акимовна, в прошлый раз, честно сказать, поразили! Не каждый в наше время согласится ухаживать за беспомощным старым человеком, верно? Да к тому же еще чужим!..

Поравнявшись с молодежью, Плесовских прищурился, заулыбался. Он немного рисовался. И эти слова, и игривый прищур – все для Антонины. Она ему все-таки нравилась, хотя рассчитывать женатому человеку здесь было явно не на что. Не девушка – кремень.

Учителя и Антонина с интересом посмотрели на него.

– Вы про Дарью Прохоровну?

– Ну да, про Натускину.

Молодежь переглянулась.

– А вы бы своего Бояна в дом для престарелых сдали?

– Бояна? – Плесовских сдвинул фуражку на лоб, комично почесал в затылке. – Если хороший баян, не сдал бы. Сам бы играл!

Девушки засмеялись, парень с редкими жесткими усами снисходительно усмехнулся.

– Вещий Боян – это из «Слова о полку Игореве». Слышали о таком? – молодое высокомерие к не слишком грамотному менту чувствовалось в его голосе.

– Приходилось.

– Дарья Прохоровна для нашего народа все равно, что для русских Боян или для греков Гомер. Она сказительницей была. Про нее в учебниках написано. Вы хотите, чтобы мы такого человека сдали в богадельню?..

Напористая молодежь. Новое поколение. Национальная интеллигенция, как в газетах пишут. Этим палец в рот не клади.

– А что же вы только о Натускиной позаботились? – заговорил он, понимая, что раздражаться сейчас нельзя. Но уж слишком бесцеремонно вел себя молодой учитель, да еще в присутствии Антонины. – Почему на алкоголиков не обращаете внимание, не боретесь? Почему не защищаете земляков, когда их внаглую обманывают? Почему насчет работы вашего голоса не слышно?..

Парень пренебрежительно усмехнулся:

– Вы считаете, надо против ветра писать?.. Наш народ всегда пил. И ничего, многие столетия живет и жить будет. И купцы его всегда обманывали. Тоже не смертельно.

– Так ведь спивается же!..

– А это уж позвольте не согласиться. Не сопьется. Компенсационные возможности у ханты велики. У вас, например, сколько детей?

– Один, – помолчав, ответил Плесовских. Похоже, этот салага брал над ним верх.

– А у нас с женой трое. Хотя мы моложе вас.

«Может, зря мы в их жизнь лезем?! – в сердцах подумал участковый. – Может, пусть живут, как хотят? Пьют, детей морозят, прохиндеи пусть их обманывают!.. Другой мир, свои законы».

– Участковый! – вдруг закричали сзади истошным голосом. – Участковый! Осколок привязался!..

Плесовских обернулся. По улице бежали два подростка, за ними, за-

метно поотстав, Машка Сардакова. Она и кричала. Машка прижимала к груди куртку, под которой было что-то спрятано. Сзади всех ковылял старик Сигильетов и размахивал палкой.

– Отдохнуть по-человечески не дает Осколок поганый! – от запыхавшейся Машки несло водкой. Волосы растрепались, на лице – праведное возмущение. Машка мотнула головой на разбегающихся между потемневшими брусовыми домами подростков, цепкой рукой перехватила бутылку под курткой. – Я их заставляю? Сами приходят!.. Задержи его, участковый, он убить меня хочет. Задержи, виноват будешь!..

От прежнего заискивания не осталось и следа. Наглая опустившаяся бабенка. К тому же малолеток спаивает.

– Завтра зайдешь ко мне. И чтоб трезвая! – жестко приказал Плесовских. Честно говоря, он был рад, что больше не нужно спорить с учителем.

Антонина и молодые учителя отвернулись, всем своим видом показывая, что происходящее их не касается.

– Да ладно тебе!.. – с пьяной фамильярностью Машка попробовала хлопнуть Плесовских по плечу. Она хотела сказать что-то еще, но оглянувшись назад и припустила по дороге, громко матерясь.

На деда Сигильетова и в самом деле было страшно смотреть. Застывшее лицо со включенными седыми волосами, неистовый взгляд, побелели вцепившиеся в палку пальцы. Он пробовал бежать, но получалось это плохо. В конце концов дед добрал до участкового и остановился, трудно, со свистом дыша.

– Витька река утонул... – с паузами заговорил он так, словно искал защиты. – Вовка пьянка ноги отморозил... Внук оленя боится, умрет один лесу... Скажи, почему так?

Голос у старика делался все тише, плечи опускались, пальцы, сжимающие палку, слабели. Этот когда-то неукротимый человек уже не возмущался и не требовал, а только бессильно и горько недоумевал.

Он вдруг перешел на хантыйский. Плесовских ничего не понимал, лишь снова и снова отмечал знакомое: «Витька», «Вовка».

И столько отчаяния и боли было в голосе старика, что Плесовских только смотрел на него и молчал.

ПОЭЗИЯ

Даниил СИЗОВ

Штрафную порцию дождя
Я выпил, стоя у ограды
Давно заброшенного сада,
Тоску к промозглости сведя.

Любая крупная возня –
Пожалуй, следствие кипенья
Земли, воды в бреду осеннем,
Обрушенном и на меня.

И бесприютная свобода,
Как лучшая из катастроф,
Как роза самых злых ветров,
Цветет под грохот небосвода.

Набрякшие мысли о солнечном свете
Проступят, как слезы, как память о лете,
Пока здесь гоняешь тоску на ветру
И думаешь – эта зима не к добру.

Карнизы домов и балконные двери –
Остались одни после полной потери
Прохожих, деревьев и даже дымка
От листьев зажженных, от их костерка.

Вот так и стоишь, как свой собственный призрак –
Рассеянный свет чьей-то встроенной призмы,
Несметных фотонов мерцающий бег,
Который по-русски зовем человек.

Историческое

В то время оперных камланий,
Когда зима была лютей,
И крыши театральных зданий
Спасали мерзнущих людей –

Брела поземка по проспекту,
Извозчик выручку считал,
В синкопах скрипки или флейты
Он ничего не понимал.

Два гимназиста запоздавших
Ныряли в океан тепла,
Лик смерти скоро так узнавших,
Пока лишь музыка звала.

Доходный дом добру не служит
(И всем плевать, что стиль модерн),
На пятом этаже недужит
Хозяин легочных каверн.

А во дворе в шикарной шубе
Купец скандалит на бровях,
Он в «Яре» был, людей он любит,
Но не выносит «этих рях».

На третьем или на четвертом
Два офицера пьют вино,
И вист всю ночь и даже с чертом –
Они как будто заодно.

Купец – он тоже даровитый –
Поручик Дорн ему свояк,
Но дворник Глеб такой сердитый:
«Пуцать не велено никак!».

Кто там кому и сколько должен –
Теперь не знают в МГУ,
Кто нам из этих лиц дороже,
Чем отпечатки на снегу?

Невыносимо ординарны
И так знакомы по кино,
Они не то чтобы бездарны,
А просто мертвым все равно.

И заражаясь безразличьем,
Мы снова в кинозал идем,
С каким-то вековым величьем
Исчезновенья тоже ждем.
Запас забвения столь прочный
Не выдержит и Госархив,
Диагноз установлен точный:
Нарыв на памяти, разрыв...

Как трава прорастает меж плит...

Как трава прорастает меж плит
На заброшенном старом кладбище,
Так и сердце – уже не болит,
Но стучит, будто выхода ищет.

Комплимент не такой уж большой,
Но живешь, наслаждаясь моментом –
Обладая бесшумной душой,
Все считаешь себя инсургентом.

Только Куба твоя уже здесь –
Тридцать восемь кубических метров,
Завоеванных пядей не счесть,
Но проиграно главное «тетро» –

Слишком много квадратов пустых
Или ниш, где сплошные химеры,
Сердца стук совершенно затих,
И трава меж камней почернела.

И утр перламутровых свежестъ...

И утр перламутровых свежестъ,
И темная ткань вечеров,
Обычная их невоспетость
Сигналит зарницами слов.

И вот – по раскатанной в небе
Лыжне – самолет-рекордсмен
Дает в снежно-пенном разбеге
На облачном спуске чуть крен.

И странные очень моторки,
Которым вода не нужна,
Шуршат на колесных подпорках,
Пока я стою у окна

И думаю, что деловитость –
Стабильный попсовый мотив.
Чтоб выразить эту избитость,
Зачем усложнять нарратив?

У фонаря согнулась шея –
Поклон перед моим окном –
Аллегорическим лакеем
Он будто свечку вносит в дом.

Забившись на диван в потемках,
Материи живой «венец»,

«Аристократ» духовных ломок,
Угодливых вещей певец.

Я в ужасе от их молчанья,
Любая дверь – как пропуск в ад,
И только голос одичанья
Слышнее Музы во сто крат.

Студенточка святая гробит спесью
Неисчерпаемый веселый балаган,
Здесь вечно курит кто-то, вечно кто-то пьян
И в поезде летит через предместье.

Пустых тревог так сладостен укус,
Кругом весна, и воздух пахнет бомбой,
Казалось бы – сойди, преодолей искус,
Скользи проселочной дорогою с апломбом.

Попробуй примириться наконец
С афишей у бревенчатого клуба,
Бесперспективен всем делам такой венец,
Но лучше смерти, в самом деле грубой.

Найди стекло и фантики под ним,
Зарытые во дворике красиво,
Про Щорса спой, тот след неистребим,
Кровавый след погибшего начдива...

Пацифистское

На плацу маршируют солдаты,
С каждым шагом чуждаясь земли,
В чем – скажи мне – они виноваты,
Что их снова сюда привели?

Долг, обязанность, высшая доблесть –
Все священные эти слова –
Интернациональная повесть,
Где о Родине только глава.

Но глава, несомненно – шедевр,
Остальное – слепой перевод,
Своей смутностью треплющий нервы,
Раздражающий целый народ –

Весь народ, а какой – непонятно,
Тот, чьи дети вбивают каблук
В пыльный плац – отчужденно, но внятно,
Словно гвоздь в крышку гроба тот звук!

Анна АРКАНИНА

Я тут стою

Я тут стою, пока не замела
зима мое сбегующее детство –
по тропке птичьей вниз и до угла,
до переулка с надписью «Советский».

Я тут стою уже который час,
звонят и возвращаются тревоги;
забытая мелодия для нас,
застиранное небо у дороги.

Одной рукой, почти что без рывка,
я отпускаю тех, кто были нами,
как ласково спускают с поводка
щенка в безлюдном месте за домами.

Куда я шла и почему стою
на воздухе обветренном, наждачном?
На жердочке качаюсь, на краю,
считая звезд рассыпанную сдачу.

Полдень

Неспешна тишина в поселке дачном –
медовая, тягучая на вид.
И даже слышно, как из тьмы чердачной
вниз по лучу сбегают муравьи.

Чу, оживает звук в цветочной чаше –
вибрирующей мантры гулкий «бжжж» –
и станет что-то важное неважным,
пока мы здесь, забытые, лежим.

Пока наш поздний завтрак недоеден,
и синь озер вливается в глаза,
покажется: на том и этом свете
застыло время в полдень на часах.

Пусть лето, как засвеченная пленка,
течет себе, течет в себе, сквозь сны.
Я слово подбираю и – котенка.
А по траве бежит навстречу Сын.

На закате

Плыл закат в Первопрестольной,
наспех шитый по косой,
бледно-красный, беспокойный,
лихорадочный такой.

Это значит – будет ветер
догонять вчерашний день.
Будут сонно плакать дети
в тесноте бетонных стен.

Все назавтра станет прошлым:
снежность, музыка, мечта.
И проснется утром роща
вроде та же, но не та.

Что сидеть, ссутулив плечи,
вверх поглядывать тайком?
Не закат алеет, – вечность
за облупленным углом.

Горчичный свет

Свет горчичный тронет штору,
всколыхнет мою печаль.
В темном дворике за школой
сны тревожные молчат.

Осень, где твои чернила?
Только золота испуг.
Я отвечу, что любила,
да на днях огонь потух.

Я признаюсь – было больно,
я совру – не берегла.
Дождь проходит си-бемольно
на рябиновых ногах.

Доставать смычок и плакать,
горевать так горевать:
осень, музыка, собака
и в линейчку тетрадь.

Волшебный лес

Рос лес волшебный на пути зимы,
нас прорастал насквозь, трещали мы,
но крепи деревянными плечами.
В зрачках у леса – черные грачи,
на сердце – беспокойные ручьи
и холодок пугливыми ночами.

Смотрел с небес Господь, нахмутив бровь,
и говорил: «Вот пища, вот любовь»,
ладонь большую ласково подставив.
«Берите смерть, печаль, ячмень, горох,
растите через боль, чертополох
и в облака макушками вращайтесь».

И мы росли, помешивая суп,
с плодящимися мухами в носу,
колючих деток к солнцу подставляя.
Года шумели, колыхался лес,
шла мирно жизнь с картинками и без,
и снег к весне, послушный Богу, таял.

Лихорадка

Волшебство не найдено пока,
как часы ни прибавляют ходу.
елочных огней течет река
сквозь туман и скверную погоду.

У бессонниц много разных лиц,
кто забыт, тот больше не разлюбит.
Небо пролистнет случайных птиц
и к утру, как водится, забудет.

Тает в дымке нежности глоток.
Таем мы, кем не были и были.
Время тает – тот еще песок! –
вот уже по пояс в этом иле.

Приложу горячий лоб к окну –
лихорадку путая с любовью.
Вижу птиц – они идут ко дну,
в небе тонут.
Медленно.
Не больно.

морозное небо вдыхая стоишь
с деревьями тощими в ряд
а сверху слетает холодная тишь
на свет
на фонарь
на тебя
тут корни пустить бы
залечь бы на дно
считая нечитанных мух
но дома уже открывают вино
и тянут бокалы к нему
с трудом пробираясь сквозь выпавший снег
сквозь белого поля покой
идет по сугробам домой человек
и пес да пребудет с тобой

На море

Это ветер подует – скуластый борей,
разметав крики чаек по свету.
Брызги моря, полуденный штиль, акварель
и янтарное слово поэта.

Задрожит, расползется по швам зыбкий день,
скроен кем-то там не по размеру.
Где печальная вера идет по воде,
босоногая хрупкая вера.

Отражение ловишь незрячей звезды,
не заметив спустившийся вечер.
Как у берега мира – стоишь у воды,
изнутри чем-то теплым подсвечен.

Туда отсюда

Окно дрожит – пугливое окно.
Мы выпиты – вот оголилось дно.
На дне – осадок слов и снегопада.
Из глаз не слезы крошатся, а лед.
И вязнет тишины тягучий мед.
Молчу. Молчим. Тут говорить не надо.

Мы спим – ничьи – у Господа в руках,
пока переведут на щебет птах
слова, что мы друг другу не сказали.
Дрожит от ветра пыльное стекло.
Речь бьется в горле пуганой пчелой.
Я это слышу, а тебя едва ли...

Павел БЕЛОГЛАЗОВ

В старых храмах

Тепло, уютно в старых храмах,
Здесь солнце нежится на рамах,
И лики древние святых
В лучах сияют золотых.
Вдруг на меня апостол Павел
Взор вопрошающий направил:
«Ты крепок? Бога не гневи,
Живи по Вере и Любви!
Неси свой крест, как нес Всевышний,
И духа твердь не будет лишней,
Ну а потом в конце пути
По-христиански всех прости!».

Приспособилась

Под окном моим летает чайка
И кричит как будто: «Выручай-ка!».
Неужели рыбы в речках мало?
Сухопутной тварью чайка стала!
И за плугом в поле тоже чайки
Сбились в нескончаемые стайки,
Белые, по чернозему ходят,
Не рыбешек – червячков находят.
Приспособились к изменчивой природе.
Ищут корм на грядках в огороде.
Их, увы, шагающих вразвалку,
Можно встретить даже и на... свалках.

Щуры

У яблони-ранетки
Есть щедрые дары.
Прищурились на ветке
Озябшие щуры.
Мороз опять за тридцать
И в инее – рассвет...
Картине этой триста,
А может, больше лет.
Уходит в бесконечность
Людской поток внизу...
И превратится вечность
В замерзшую слезу.

Отцу

Отец, тебя я пережил, Хоть жизнью и не дорожил – Швырял налево и направо, Шел, спотыкаясь, пел коряво. И вот, застыв, стою уже На предпоследнем рубеже Весь в синяках, рубцах и шрамах, Телесных и душевных драмах.	Переписать ничто нельзя – Вот-вот закончится стезя... Что делать? Дальше невозможно Брести впотьмах дорогой ложной... Исповедальные стихи – Молитва за мои грехи, Несовершенные деянья, Твои отцовские страданья.
--	--

На отлете

А в Ялуторовске все еще печи
Топят по уграм-вечерам.
Солнышко садится на плечи
И заглядывает в Божий храм.
И плывут над крышами в вечность
Журавлям подобно дымы,
Ищут путь проторенный, Млечный,
Улетим вослед им и мы...

Дым Отечества

Изведал славы я сполна и почестей,
И величают уж давно меня по отчеству,
Но не считаю позой и излишеством
Лихое бесшабашное мальчишество.
Душа не старится, в порывах молодечества
Ее, как встарь, волнует дым Отечества.

Опять за опятами!

На почве минус два. Белесым инеем
Раскрашена озябшая листва.
А мы в лесу с плетеными корзинами,
И нам не до красот и баловства.
Горят рябины яркими рубинами,
Чуть захмелев, на них сидят дрозды-
Рябинники, насытившись рябинами,
Им лень взлететь – так сладостны плоды!
Нам не до них – охота за опятами!
Не сбиться бы с проторенной тропы!
Семейками таятся конопатыми
Последние осенние грибы.

Стихи и грехи

Проводил друзей я и жену,
А вот сам – немислимо! – живу!
Вижу мир и воздухом дышу,
И представьте, иногда грешу.
Не сломался старьй дилижанс,
Значит, дан судьбе поправить шанс,
Укрепиться в Вере на ветру.
А потом, в спокойствии, умру,
И в надежде, что моих грехов
Будет меньше, чем стихов.

Ковш Времени

Что ищем мы, заглядывая в прошлое,
Как в озеро, кувшинками заросшее,
А может быть, осокой, камышом?
Как зачерпнуть из памяти ковшом?
Не расплескать бы ни единой капли,
Когда воспоминания ослабли!
Дрожит рука. В смятении душа,
Боясь отведать Время из ковша...

Остановиться, оглядеться...
Где заблудилось наше детство?
Куда в весенних гимнах юность
Ушла гулять и не вернулась?
Где отлюбила, отгорела
Пора свершений главных – зрелость?
И что же впереди осталось?
Не хочется промолвить «старость».
Остановиться, оглянуться...
И словно в прошлое вернуться...

Декабристские вечера

Декабрьских вечеров пронзительная суть.
Тоскуют в доме Муравьевых свечи.
Все позади: к дворянской правде путь
И жаркое дыхание картечи.
В Ялutorовске ночи так длинны...
И нет конца из жизни прежней спорам:
Что признаком считать своей вины,
Что доблестью наречь, а что позором,
Что истина, кому она дана,
Что на весы истории положить:
Пороховую гарь Бородина,
Сенатскую расстрелянную площадь?

Откровенный разговор

- Россия, которую мы потеряли,
Ты нам прегрешенья простишь ли?
– Едва ли.
– На исповедь наши порывы похожи,
Мы были честны, ошибались...
– И что же?
– Теперь мы раскаялись, разом прозрели,
Готовы вину искупить...
– В самом деле?
– Россия, тебя на Голгофе распяли!
Где были сыны твои верные?
– Спали. Иль хворост бросали в пылавший кострище...
– Что верно, то верно – таких были тыщи!
Мы спутали с раем беду, катастрофу
И подтолкнули тебя на Голгофу.
Писаками нас называют в народе.
И ты нас такими считаешь?..
– Наверде.
Вы хором слагали победные гимны,
Не били в набат и от сытости гибли.
О время обмана, о время неверья!
У власти четвертой продажные перья!
– Мы времени смутного слабые дети,
Шли вместе со всеми...
– И все же в ответе!

Новый путь

В век новостей и скоростей
Всего лишь пленники страстей,
Несовершенные творенья,
Мы потеряли слух и зренье.
Послушай посвист снегиря
В сугробе белом января,
Замри без цели на тропинке
И проследи полет снежинки.
Поймешь тогда, в чем жизни суть,
Когда свернешь на новый путь,
А старый след, на твой похожий,
Покроет праведной порошей.

Владимир ШУГЛЯ

Шестое чувство

Полей заснеженная русскость,
Январский зимний окоем,
Тропинки заметенной узкость
Влекут в теплом манящий дом.

Скорей забыть души скитанья,
Вернуть надежды светлых дней,
В снегов сверкающем дыханье
Зарю узреть по белой рани
В сияньи голубых очей...

Я просыпаюсь осторожно,
Чудесный сон в себе неся...
Порой в России невозможно,
Но без нее никак нельзя.

Давно я не был в Беларуси,
Во мне ее родимый зов.
И снова думается с грустью:
Зачем ее миную вновь?!

Душою слышу шум Полесья
И вижу пахоты простор.
И в этом – где бы ни был –
весь я...
О, как нелегко с днями спор!

И от забот не оторваться...
Но в небе памятью больной –
Незримо – мама надо мной,
И годы – тройкой – лихо мчатся...

И с неба:
«Сын, пора домой!»

Душе дано от Бога зренье –
Скрещенье чувств, посыл небес, –
Что светом звездных откровений
Готовит сердце для чудес.

Шестое чувство в этом взоре
Неотделимо от души:

Летит туда, где плещут зори,
Где свет сквозь темноту спешит.

О это неземное зреньё!
Из серых буден суеты
Рождает новые свершенья,
Мечтаний новые холсты.

Сквозь тернии мостит дороги
За край непознанной межи,
За синие небес отроги...
...И чистит душу ото лжи.

Нет солнца в полуденном небе,
Но муза в обнимку с душой!
И вот в поэтическом хлебе
Строфа вдруг летит за строфой...

Душа, как космический ветер,
Гуляет в далеких мирах,
Незримой звездой на свете –
Прозреньем – горит в небесах.

И пусть пролетают столетья –
Поэты бессмертны в стихах!
Стихи прорастают в поэте
Подснежником желтым в снегах.

Аэропорт... И рейса ожиданье,
И люди, словно стайки серых птиц.
Объятья, слезы, встречи, расставанья,
Мельканье лиц...

Мельканье стольких лиц...

Застыло время, тянется как вечность,
Часы вершат,
 вершат свои круги,
Забывших дум таинственная встреча
Опять влачит безвременья шаги...

Разносит ветер мусор старый –
В дожде зимы шуршат страницы,
И в жиже липкой тротуары
С утра проходим хмурят лица.

На небе мрачно. В тучах утро.
Мороза нет, но все же, все же
В прожилках сонных перламутра
День набежавший душу ежит.

Суровость улиц в дня погоне
Промозглою погодой ранит.
И сердце, словно ветер, стонет
И рвет собой земные грани...

И по инерции – за светом –
Стремится ввысь... Туда...
 К зарницам.
А на земле небес крупницы –
Слезинки жизни первоцветом...

Шепни мне, сердце, что устало,
Что дальше жить со мной нельзя,
Что от вокзала до вокзала
Не жизнь... Что все проходит зря.

Что жить, как все, я не умею,
Покой души не берегу,
Несусь потоком, ветром вею...
А надо бы – на берегу...

В ответ – стук сердца под рукою,
И сбой ритма, как слова:
А по-другому разве стоит?
Жизнь – что разлив реки весной...
Нет стрежня – жизнь твоя мертва.

Проходим километры жизни,
Идем в страну грядущих лет,
Дни радости и счастья вызнав,
И стон души, и плач от бед.

Сквозь сердца раненого призму
Летим мечтой в заветный свет,
Из букв земного магнетизма
Строкою будущих побед.

Шагаем вместе с правдой жизни,
Ступая на отцовский след...
С удачей – девою капризной –
Спешим в непрожитый рассвет.

ПРОЗА

Роберт ЯГАФАРОВ

Добрые люди

Когда соседскую Настю впервые оставили у нас, я еще не знал, что ее воспитывает бабушка. С виду она выглядела совсем как обычная девочка.

Оба ее родителя были художниками и с единственным чадом особо не заморачивались, дружно подкинув его бабуле. Квартиру свою они сдавали, а сами дрейфовали по странам Азии, где на пару валялись на пляжах и рисовали диковинные ведические пейзажи с храмами и джунглями.

Войдя тогда к нам, Настя кротко взглянула на меня своими синими глазами и, укоризненно покачав головой, переставила мои, стоявшие в беспорядке, ботинки, носками друг к другу.

– У добрых-то людей так, – терпеливо, как маленькому, пояснила она на мой недоуменный взгляд, – чтоб голова не болела.

Жена в тот день как раз собралась пройтись по магазинам, оставив меня сидеть с девочками до вечера.

– Сперва пусть поиграют, – подробно инструктировала она меня, – потом своди их во двор погулять на часик, а после покорми. Устанут – пусть поспят.

Я, признаться, загрустил. Провести весь день, смотря сразу за двумя детьми, означало для меня просто египетскую работу, но деваться было некуда.

Наша Даша, игравшая с подаренным ей накануне «бэбиборном», гостье тоже не очень-то и обрадовалась. Умудренная горьким опытом детсадовских разборок из-за игрушек, она с подозрением посматривала в ее сторону, держась настороже. То, что незнакомка начнет сразу претендовать на ее новое сокровище, не вызывало у нее никаких сомнений.

Настя же действовала совершенно по-другому. Спокойно присев и молча понаблюдав за дочкой минут десять, она неслышно подошла к ней сзади:

– Голубушка ты моя, – мягко проворковала она, ласково приобняв ее за плечи, – позволь и я поиграю... а тебе вот пирожок, – развернула она принесенный с собой пакет.

Дочка, приготовившаяся защищать свою собственность до последней капли крови, от неожиданности опешила и безропотно разрешила гостье забрать «бэбиборна» к себе на руки. Более того, сроду не евшая никакой домашней выпечки, она послушно сжевала пирожок с капустой, глядя, как ее бэбику стригут ногти и укладывают спать.

Как только «бэбиборн», по их общему мнению, заснул, я поставил им диск с телепузиками, что особенно понравились Насте.

– Чисто ангелочки, – всплескивала она от умиления руками, не забывая при этом кормить дочку очередным пирожком:

– Кушай, кушай, совсем ты у меня бледная, как спирохета...

Потом, когда кончились и пирожки, и мультики, мы стали собираться на прогулку. Причем собирать детей не пришлось, Настя прекрасно с этим справилась без меня. Нарядив себя и Дашу, она сказала «ну, с Богом», и мы отправились во двор. Там она также без труда взяла под контроль всю детскую площадку, не оставив мне и другим родителям ни единого шанса самим присматривать за детьми.

– Мальчик, ма-а-альчик, чего ты носишься, как лыска? – то и дело доносилось из песочницы. – Что сказал? Сейчас песком накормлю! Не кричите, девочки, милиция приедет! А ну-ка, слезь с дерева, махновец!

Девочки ожидаемо собрались возле нового «бэбиборна», но Настя решительно разогнала всех дочкиных дворовых приятельниц.

– Видали таких, – категорично заявила она ей, – подружки-подлюшки... им только дай чего... У бабушки тоже такие есть, до сих пор банки из-под варенья не возвращают...

За обедом убедив дочку, что, если она не доест, каша будет за ней бегать, она каким-то волшебным образом заставила ее умять две полных тарелки нелюбимой манки. Чему я, привыкший уговаривать съесть хоть ложечку, был также немало удивлен.

В общем, вернувшись к вечеру, супруга застала у нас полную гармонию. Я, нисколько не устав от детей, занимался какими-то своими делами, а девочки дружно штопали старые колготки на взятой у меня лампочке.

Когда жена повела Настю домой, дочка даже позволила ей взять ночевать «бэбиборна» к себе, и та уходила довольная:

– Спасибо, добрые вы люди, мы с бабой сонник ему почитаем, посумерничаем, – она обулась, оглянулась на нас у двери и с чувством повторила:
– Какие добрые люди!

Флейта

– В Благовещенский?

Морозов вздрогнул и открыл глаза. Когда он успел задремать?

– Туда... – он привычно посмотрел на часы, – а чего так долго выходили-то? Дороже будет на сто рублей за ожидание.

Один из пассажиров, что сел рядом, светло-русый и голубоглазый, внимательно посмотрел на него, пожал плечами и кивнул. Еще и улыбнулся как старому знакомому, Морозов даже покосился – может «постоянщик»? Да нет, вроде...

Зато второй, чернявый и смуглый, сходу начал возмущаться с заднего сиденья.

– А если мы не согласны доплачивать? Да, и за что? Эсэмэска пришла, мы сразу и вышли. Вам положено ждать клиентов...

– Пять минут! – грубо оборвал его Морозов. – А я вас почти пятнадцать прождал! За это время можно в лес выехать и могилу там себе выкопать, – он тронулся с места и прибавил громкости радио.

Смуглолицый опасно взглянул на него сзади и, видимо решив, что ругаться выйдет дороже, замолчал, обиженно выпятив губы.

Пассажиры Морозов не любил и часто хамил им намеренно, отбивая охоту с ним спорить, да и вообще вести какие-либо разговоры. Они платят, он везет, все просто. Ради чего с ними болтать, коронки стесывать?

Когда он уже высадил их в Благовещенском и повернул в парк, позвонила жена:

– Миш, мы с Анькой к маме в деревню поехали, не теряй. Морс на подоконнике, а рис я в холодильник поставила, сам разогреешь.

– Ладно, а когда приедете?

– Завтра вечером. Ты на машине еще? Можешь в «Музторге» Аньке флейту купить? И самоучитель для нее...

– Флейту?

– Ну да, флейту, ей сегодня после медосмотра в школе посоветовали. Дыхательную гимнастику прописали делать и флейту сказали купить, легкие развивать.

– Хорошо... – он отключился и, не сдержавшись, матюкнулся. На прошлой неделе дочку водили к стоматологу и там назначили носить брекетты, насчитав за курс больше тридцати тысяч. А теперь вот еще и флейту купи. Придется сменщика просить туда докинуть...

Сменщика Морозов тоже не любил. Молодой, вечно опаздывает, в башке ветер гуляет, наработает обычно минималку, а дальше девок всю ночь катает. А чтоб за машиной смотреть, так не дожدهшься.

Давеча оставил ему авто, записку написал, чтоб масло проверил. Через день приехал, на панели тоже записка: «Проверил, надо долить!» Тьфу!

А главное, говори, не говори, только зубы сушит да моргает как аварийка. Напарничек, мля...

Спустя полчаса Морозов, чертыхаясь про себя, купил блок-флейту и шедший с ней в комплекте самоучитель с нотным приложением. Денег вышло как за полторы смены.

Дома он выложил покупки на диван и, поужинав в одиночестве на кухне, достал из холодильника початую бутылку «Журавлей». Морозову нравилось после смены выпить пару рюмок, «для циркуляции», как объяснял он жене. Но сегодня, едва он опрокинул первую стопку, водка попала не в то горло, и он, подавившись, долго кашлял и отпивался морсом.

Поставив бутылку обратно, он прошел в зал, решив просто посмотреть какой-нибудь сериал.

Тут на глаза ему и попала флейта.

Морозов осторожно достал ее из узкого замшевого чехла и внимательно рассмотрел. Флейта ему неожиданно понравилась. Деревянная, гладкая на ощупь, с множеством аккуратных дырочек на поверхности, она походила на огромный старинный ключ от какой-то таинственной двери.

Он вдохнул, поднес флейту к губам и несмело дунул в мундштук. Флейта отозвалась коротким, но приятным звуком, и Морозов из любопытства принялся листать самоучитель.

Прочитав историю инструмента, он дошел до первого урока, где наглядно было показано, как именно нужно зажать определенные дырочки, чтобы получилась песенка «Жили у бабуси». Это оказалось совсем нетрудно – даже в его неумелых руках флейта лежала удобно, вскоре, при несложном переборе пальцами, он вполне внятно прогудел эту нехитрую мелодию.

Удивленно покрутив головой, Морозов перешел ко второму уроку и после небольшой тренировки довольно лихо сыграл «Я с комариком плясала».

Невольно увлекшись этим необычным для себя занятием, он пролистнул страницу и принялся осваивать знакомый еще по школьным дискотекам битловский Yesterday.

И эта мелодия покорила его легко. Его пальцы будто ожили после долгой спячки и с поразительной для него самой ловкостью двигались по инструменту. А какое-то внутреннее, доселе незнакомое, чувство ритма ему подсказывало, когда и как нужно правильно дуть, словно он повторял то, что когда-то уже репетировал.

Не прошло и четверти часа, как он сносно исполнил «На поле танки грохотали», причем на повторе припева еще симпровизировал и выдал задорный проигрыш, сам не понимая, как это произошло.

Потрясенный своими нечаянно открывшимися способностями он даже вскочил и начал ходить по комнате. Решил было пойти покурить, но передумал и снова сел штудировать самоучитель, закончив лишь тогда, когда соседи снизу забарабанили по батарее. К этому моменту он уже осваивал довольно сложные произведения из классики и, только взглянув на часы, обнаружил, что прозанимался до поздней ночи.

Проснувшись, Морозов какое-то время лежал в кровати, обдумывая планы на выходные. Обычно, оставаясь в субботу один, он любил устраивать себе, как он сам это называл, «свинодень». С утра делал себе бутерброды с колбасой и сыром, доставал из холодильника спиртное и весь день до вечера валялся на диване, переключая каналы и потихоньку опустошая бутылку.

Но сегодня пить Морозову абсолютно не хотелось. От одной только мысли о водке у него засадило горло, и он невольно прокашлялся. Немного поразмышляв, он решил собрать полочку из «Икеи», что уже месяц просила сделать жена, и съездить в гости к Нинке. Нинка, его постоянная пассия из привокзальной «пельмешки», сегодня как раз была дома.

Наскоро приняв душ и побрившись, он позавтракал остатками риса и, сев на диван, написал Нинке многообещающее сообщение.

Флейта лежала рядом, там, где он ее ночью и оставил. Чуть поколебавшись, он достал ее из чехла, решив проверить, не приснилось ли ему его вчерашнее развлечение.

И тут все повторилось.

Сам не понимая почему, Морозов снова и снова проигрывал по очереди все уроки, уже почти не заглядывая в ноты. Пальцы его все быстрее бегали по флейте пока, спустя пару часов непрерывного музицирования, он вдруг не осознал, что играет практически без самоучителя.

Тогда он закрыл книгу и попробовал по памяти подобрать различные произведения. Невероятно, но и это далось ему без труда! Абсолютно все мелодии лились так же уверенно и свободно, словно он разговаривал со старыми знакомыми.

Морозов отложил флейту. Чертовщина какая-то... Может надо просто крикнуть изо всех сил, чтобы все стало как прежде?

Он встал, подошел к висящему на стене зеркалу и тщательно вгляделся в отражение, словно старался отыскать в нем какие-то новые черты. Нет, ничего нового он там не увидел. Из зеркала на него смотрела давно знакомая физиономия. Свежевыбритая, даже шрам на подбородке стал заметен. Остался еще с девяностых, когда они делили площадь у вокзала с «частниками».

Какое-то время он бродил по квартире, обдумывая происходящее.

Еще вчера вечером его жизнь была понятной, предсказуемой и, как следствие, комфортной. С какого вдруг сегодня он сидит и пикирует на дудке? Да еще так, словно всю жизнь этим занимался?

Ему даже в голову пришла безусловно дикая и шальная мысль, что с таким умением он может вполне выступать на улице, как это делают уличные музыканты. Или, например, в подземном переходе.

Сперва он даже улыбнулся, представив себе эту картину. Бред, конечно... Или не бред?

Мысль, несмотря на всю свою нелепость, совершенно не давала ему покоя.

Полочка оставалась лежать на балконе в так и не распакованной коробке, Нинкины сообщения гневно пикали в мобильнике, но он ничего не замечал. Его все неудержимей тянуло из дома.

А действительно, почему нет, подумалось ему, что тут такого-то? Ну, опозорюсь и что с того? Кому я нужен-то?

Он еще с полчаса боролся с этой абсурдной идеей, гоня ее прочь и призывая себя к здравому смыслу, потом плюнул и начал одеваться.

Переход он специально выбрал в пешеходной зоне, подальше от стоянок с такси, понимая, какого рода шутки посыплются на него, если кто-то из знакомых увидит его с флейтой.

Спустившись вниз, он отошел от лестницы, встав в небольшую гранитную нишу, одну из тех, что шли по всей стене. Сердце его прыгало в груди от волнения, но, немного постояв и попривыкнув, он взял себя в руки. Мимо шли по своим делам какие-то люди, никто не обращал на него внимания. Подняв воротник и натянув кепку поглубже, он достал флейту и, дождавшись, когда в переходе будет поменьше прохожих, поднес ее ко рту. Пальцы четко встали над своими отверстиями...

– Клен ты мой опавший, клен заледенелый... – Звук флейты громко разнесся по всему длинному переходу.

Самое интересное, что с того момента, как начал играть, Морозов полностью успокоился. Он будто растворился в музыке, что заполнила весь мир вокруг него, и, полузакрыв глаза, вдохновенно выводил трели, словно и не было никакого перехода, а он сидел дома на своем диване.

– Деньги-то куда?

Морозов очнулся.

– Деньги-то куда тебе? – напротив стоял пожилой мужик с авоськой и благожелательно улыбаясь протягивал ему мелочь на ладони. – Держи, растрогал ты меня, молодец...

Мужик ушел, а Морозов, чуть поколебавшись, достал из кармана пакет, поставил его перед собой и заиграл снова. Вскоре в пакете звякнуло.

Примерно через час, когда Морозов дошел до «Лунной сонаты», возле него возникли две потрепанные личности, от которых доносился дружный запах перегара. На поклонников Бетховена они явно не походили. Одна из личностей была небритая и худая, а вторая держала в руках потертую дамскую сумочку. Судя по сумочке, это была женщина.

Они с удивлением смотрели на Морозова, и тот, что худой, подошел к нему поближе.

– Чеши отсюда, пудель, – процедил он сквозь желтые зубы, – это наше место, щас Танька тут петь будет.

Морозов в ответ прищурился, аккуратно вложил флейту в чехол и, оглядевшись по сторонам, молча и сильно заехал гостью с правой под ребра. От удара тот всхлипнул и, согнувшись пополам, отступил обратно к Таньке. Затем они оба отошли в сторону и после краткого совещания побрели наверх по лестнице.

Больше Морозова никто не беспокоил, и он спокойно продолжил свой концерт, перейдя на более подходящий моменту «Турецкий марш».

К концу дня переход наводнился людьми, и Морозов с удовлетворением заметил, что деньги в пакете прибавляются прямо на глазах. Пару раз он перекаладывал их в карман куртки, раскладывая отдельно монеты

и мелкие купюры. А когда он уже хотел уходить, к нему подошла компания из подвыпивших немцев и они, дружно хлопая в ладоши под «Комарика», положили ему в пакет сразу тысячу.

Вернувшись домой, он выложил из карманов все деньги и пересчитал. С тысячей вышло примерно столько же, сколько у него обычно получалось за смену.

– Ого! – подивилась вечером жена, увидев лежащую на трюмо кучу мелочи, – ты по церквям кого-то возил что ли?

– Типа того, – ушел он от ответа, – давай ужинать что ли...

Поев, он покурил на балконе и прилег на диван перед телевизором. Водки ему по-прежнему не хотелось.

Перебирая каналы, он неожиданно для себя остановился на канале «Культура», который до этого никогда не смотрел. Там, как по заказу, шел какой-то концерт классической музыки, где солировала флейта. Мелодия, чарующая и тонкая, ему понравилась, и он отложил пульт в сторону.

Жена, посмотрев на него, хмыкнула и ушла смотреть свое шоу на кухню, а он дослушал концерт до конца и отправился спать уже под полночь.

Назавтра, выйдя на смену и привычно лавируя в потоке машин, Морозов долго размышлял о своем вчерашнем выступлении. Чем дольше он об этом думал, тем больше убеждался, что ничего удивительного с ним не происходит. По всей видимости, у него оказался скрытый музыкальный слух. Такое бывает, он сам слышал. Просто раньше не было подходящего момента это выяснить. А теперь вот что-то его разбудило, и Морозов стал гораздо глубже понимать музыку. Он даже выключил свое любимое «Дорожное радио», ему стало казаться, что все его любимые исполнители жутко фальшивят. А кроме того, ему снова безудержно хотелось музицировать. Властно, словно моряка море, его влекла к флейте какая-то неведомая сила, полностью завладев его сознанием. В голове крутились фрагменты полужнакомых мелодий, неясные, мутные, звучали обрывки песенных фраз, которые он дополнял своими собственными, непонятно откуда взявшимися, вариациями.

Дотерпев так до полудня и убедив себя, что клин клином вышибают, он заехал домой за флейтой и вскоре стоял в уже знакомом переходе. Начал в этот раз сразу с классики и, проиграв примерно полчаса, заметил, что за ним, открыв рот, наблюдает какой-то «ботанического» вида субъект с футляром для скрипки в руках. Послушав несколько произведений, субъект подошел поближе, сунул в пакет Морозову мелочь и вдруг обратил с неожиданным вопросом:

– Вы, простите, у кого учились, коллега? У Купермана или у Самойлова?

– Чего? – не понял его Морозов, но на всякий случай добавил: – Иди давай...

Скрипач безропотно отошел на несколько шагов и, постояв так еще некоторое время, исчез.

Спустя час он появился снова, ведя с собою высокого, похожего на иностранца старика, в длинном черном пальто и шляпе с широкими полями.

Встав за колонну, подальше от Морозова, они, переглядываясь, слушали, как он по памяти проигрывал вчерашний концерт, необъяснимым образом отлично уложившийся у него в голове.

Музыка и вправду была трогательная и красивая. Несколько прохожих остановились послушать, а одна женщина даже всплакнула и, достав

из кошелька сторублевку, сунула ее прямо в карман его куртки. Морозов уже решил, что на сегодня ему хватит, и пошел к выходу, как услышал сзади какой-то шум.

– Извините! – старик в шляпе не успевал за Морозовым, семена ногами по скользкому гранитному полу.

– Ну, – повернулся он к незнакомцу, – что хотел-то?

– Понимаете, нам через день выступать на фестивале в Рахманиновском, а у нас Кохман, наш первый флейтист, заболел. А вы... вы, – он остановился и, задыхаясь, умоляюще тронул Морозова за плечо, пытаюсь договорить, – прошу вас, выслушайте меня!

Морозов остановился, дав ему возможность отдышаться.

– Вы... вы же просто гений! Я думал, Славин шутит! – старик всплеснул руками. – У вас... у вашей флейты просто неземное, небесное звучание! Какой чистый тембр! Вы же сейчас играли «Потерянный концерт»? Знаменитую партиту для флейты соло ля минор?

Морозов молча пожал плечами.

– Как? – поразился незнакомец, – вы даже не знаете? Это бесценное произведение Шуберта случайно нашли в чулане на чердаке дома, где он жил, – он в изумлении посмотрел на Морозова. – Нет, вы определенно феномен! Простите, я не представился, это от волнения. Моя фамилия Ольшанский, я дирижер симфонического оркестра Московской филармонии, возможно, вы слышали?

– Ну, вроде... – мотнул головой Морозов.

– Понимаете, это гениальное сочинение написано исключительно для деревянной флейты. Все шесть виолончелей призваны лишь оттенять ее звучание. Этот концерт весьма редко звучит в «живом» исполнении. Ведь во всем мире всего несколько человек способны его сыграть. Мы репетировали полгода и вот... Прошу вас, помогите нам!

– От меня-то чего надо? – начал сердиться на деда Морозов, не понимая, к чему тот клонит.

– Замените нам Кохмана, – он умоляюще простер к Морозову руки. – Всего один концерт...

Морозов отвернулся и снова зашагал на выход. Дед почти бежал рядом.

– Что вам стоит, вы же играете здесь, причем за копейки. А мы вам выпишем приличный гонорар, тот, что вы попросите, практически любую сумму в пределах разумного. И потом... – он тронул Морозова за рукав, – я готов сразу взять вас в основной состав. Подумайте, у нас этой осенью гастроли в Вене, а зимой в Лондоне. Да что там гастроли, с такой игрой мы вам устроим сольные концерты! А это уже совершенно другие деньги! Очень приличные!

– Отвали, – Морозов ускорил шаг, и дед остался стоять, растерянно глядя ему вслед и опустив руки.

Сев в машину, Морозов на мгновение задумался. Он не все понял, из того, что говорил ему этот чудаковатый старик, но его слова про гонорар запали в память. Морозов вспомнил про следующий платеж по ипотеке, про зимнюю резину, про грядущие расходы на Анькины брекеты... Потом вздохнул, завел двигатель и, развернувшись, подъехал к старику, что уже брел по тротуару:

– Слышь, командир... а сколько за концерт? Тридцать тысяч дашь?

Встреча с Нинкой не принесла ему привычную удовлетворенность.

Даже в самый главный момент определенная поступательность их действия настроила его на некую ритмичность, отозвавшуюся в нем целым сонмом самых разных мелодий. С трудом завершив такой приятный ранее процесс, Морозов откинулся на подушку и устало закурил. С ним точно что-то происходило. И дело тут было не в Нинке.

Все звуки вокруг него словно ожили, и он вдруг стал замечать то, на что раньше не обращал никакого внимания. Любой уличный шум, скрип двери, сигнал автомобиля, лай собак, даже шорох листвы под ногами – все теперь приобрело для него какую-то непонятную и пугающую мелодичность.

Нинка, как обычно, убежала хлопотать на кухню, готовя чай и оттуда сообщая Морозову все свои нехитрые новости: в начале месяца в декрет у них ушли сразу две посудомойки, а в прошлую пятницу они справляли день рождения повара Артурика, с которым она лихо сплясала лезгинку.

В голове жгуче заиграл мотив лезгинки, и Морозов, отказавшись от чая, начал собираться.

– Как сам? – поинтересовался сменщик, забирая у него ключи от машины. – Чет смурной какой-то...

– Все отлично, – буркнул в ответ Морозов, – спасибо «Столичной»...

– Бухал вчера что ли?

– Да не, – Морозов поморщился, – не идет чего-то...

Дома он прилег на диван и заснул беспокойным рваным сном. Проснулся от ощущения, что на него кто-то пристально смотрит.

– Морозов, – рядом стояла супруга с круглыми глазами, – там дед какой-то блаженный звонил, тебя спрашивал. Говорит, что аванс за концерт готов... сразу все тридцать тысяч... и что костюм тебе нужно мерить...

Она присела к Морозову в ноги и жалобно заскулила:

– Миш, ты чего? Ты что натворил-то? Какой еще костюм? Ты с кем там опять связался?

– Да не голоси ты! – рявкнул Морозов на супругу, – сама же вечно ноешь, что денег нет...

Он без аппетита поужинал и вышел перекурить на балкон. На душе было тревожно и беспокойно. Привычный мир рушился прямо на глазах, а что было впереди, то пугало своей новизной и призрачностью.

Он щелкнул зажигалкой, выкурил сигарету, потом достал новую, размял и неожиданно для себя тихо заплакал, глядя в темное, по-осеннему мутное небо. Он и сам не помнил, когда плакал в последний раз, но сейчас слезы ручьем катились по его щекам, крупными каплями падая вниз, в темноту двора. Снизу доносились чьи-то тихие голоса, негромкий смех и едва различимая музыка.

Музыка, что была теперь повсюду.

ПОЭЗИЯ

Наталья БОРОДКИНА

Ночь убывающей луны

Ночь нежится, как устрица в вине,
Пронзают воздух шорохи и звуки,
Как будто осторожно по струне
Скользит смычок в томлении и муке.

И дивная подлунная страна,
Едва дыша, мелодии внимает.
И смотрит утонченная луна
На мир, как будто что-то понимает.

И заливает странный лунный свет
Все уголки таинственного сада.
Нет мыслей. И желаний тоже нет.
Нет ничего... И ничего не надо.

Акварель

По мазкам незажившей твоей акварели
Полосую наотмашь – невинный каприз.
Мы с тобою все время куда-то летели:
То в тоску, то в восторг, то на небо, то вниз.

Сквозь истерзанный лист прорываются руки.
Краски капают кровью твоей голубой
В предвкушеньи забвенья и долгой разлуки
С ненавистным, постылым, желанным, – с тобой...

Отчаянное

Тут надо думать – что и как...
Не просто – бросить в стенку тапкой...
То ль дура я, то ль ты дурак,
Пальто уснувшее – в охапку.

И по раскисшим городам,
Коварной слякоти обочин,
Туда тащить себя, туда,
Где рады мне и где не очень.

Мятежным духом над водой,
Верблюдом чахлым по пустыне,
Над лесом птицей молодой,
Непуганой. Пусть в жилах стынет

Свободы вяжущая сласть,
Как парадокс и невозможность.
И не упасть... и не упасть,
Почти забыв про осторожность.

Не думать, думы – на потом
О будущем и о прошедшем,
Но главное при всем при том –
Не кончить в доме сумасшедшем.

Милый, милый...

Милый, милый, пахнет снегом рыжая твоя дубленка.
Из прихожей хлынул холод. В дом мой теплый проходи.
Я хотела бы свернуться с томной грацией котенка
На твоей большой ладони и прильнуть к твоей груди.

Для тебя мои старанья. Дом мой – пристань, тихий берег
Из живых воспоминаний, дум, объятий и стихов.
Я тебя приму, конечно. Я тебе, конечно, верю.
Притворяясь, что не слышу аромат чужих духов.

Повеса Март

Как юный заигравшийся повеса
Никак не может сделать выбор свой,
То к деве, не скрывая интереса,
То волоочась за зрелую вдовой,

Так нынче Март – насмешник бессердечный
Не может выбрать для себя одну:
То Зиму закружит – танцор беспечный,
То соблазнит красавицу Весну.

Но у Зимы уж силы на исходе.
Прими же, Март, последний поцелуй!
К чему перечить матушке Природе?
Ликуй, Весна, твоя взяла, ликуй!

Час обнуления

Есть в сутках дивный и волшебный час.
В природе все как будто замирает.
Ночь, как свеча покорная, сгорает
И понимаешь: вот сейчас... сейчас...

Родится новый день... Еще земля
Вся в неге утренней купается и дремлет.
И тишина звенящая объемлет
И лес, и луг, и спящие поля.

Нет ничего... Нет ни добра, ни зла,
Ни времени, ни мыслей, ни желаний,
Ни горьких, как полынь, воспоминаний,
Лишь мир прозрачный, будто из стекла.

Лишь воздух, лишь трепещущий эфир,
Чуть слышный полувздых, полудыханье,
Невидимое глазу колыханье,
Неуловимый, дивный Божий мир.

Час обнуленья, обновленья час
Срывает с Мира старые одежды.
Час светлых озарений и надежды,
И новый шанс для каждого из нас.

Август

До осени уже рукой подать.
Все явственней печальные приметы.
Тепла все реже, реже благодать.
Покорно, без борьбы уходит лето.

И в череде привычных перемен –
Щемлящая, таинственная нежность...
Цветенью буйному и радости взамен
Приходит увяданья неизбежность.

В садах горит опавшая листва.
Щекочет ноздри сладкий запах тленья.
И мысли путает, и комкает слова
Томительное чувство сожаленья...

Не сбылось

Как звенит мелодией печали
Желтый лист.
Сад притих, и птицы замолчали.
Воздух чист.
Белых астр взлохмаченная нежность –
Будто крик.
До зимы – два шага в неизбежность –
Краткий миг.
Сколько теплых дней еще осталось?
Гложет грусть.
Жаль, не все сбылось, о чем мечталось.
Ну и пусть.

Просто дождь?

Чист воздух. Небо влажное глубоко.
Творит Природа чудо наяву.
Вот яблоко, созревшее до срока,
С глухим ударом падает в траву.

Все замерло вокруг. Умолкли птицы.
Склонившись, сад благоговейно ждет,
Когда, как слезы с дрогнувшей ресницы,
Дождем на Землю Небо упадет

И с ней сольется в нежном поцелуе,
И будет сладок этот поцелуй.
Вот-вот... Сейчас... Свершилось! Алилуйя!
Упал поток животворящих струй.

И всхлипнула Земля, затрепетала
В неистовых объятьях визави.
Не стало Неба, и Земли не стало.
Свершился акт Божественной любви!

Кто виноват и что делать?

Как опавшие листья по жизни кружили,
Вопрошая, что делать и кто виноват.
По привычке работали, ели, дружили,
Создавая по капле свой маленький ад.

Как слепые рабы ненасытных желаний,
Бросив все на алтарь иллюзорной мечты,
Пожинали плоды непомерных стараний,
Погружаясь в болото мирской суеты.

Обижали любимых, друзей не ценили,
Не умея прощать и прощенья просить.
А потом удивлялись болезням и ныли:
«Ну за что это мне? Боже, Боже, спаси!»

До кровавой слезы, до седьмого колена
Вымирали родами... века и века,
Не желая спасенья из адского плена.
Что же, празднуем дальше, ведь живы... пока...

Отчий дом

Свет из окон родных так манящ и таинствен,
Половинками ставней его не прикрыть.
Пусть беснуется ветер – суров и неистов,
Будет путник всегда к этим окнам спешить.

Пусть хоть камни падут с почерневшего неба,
Пусть хоть стаи волков завывают в ночи,
Будет звать его запах домашнего хлеба,
Испеченного матерью в русской печи.

Грудью ветры прорвав, по тропинке знакомой
Будет путник сквозь бурю идти напролом.
А хранить его будут зов отчего дома,
Вера светлая и... девяностый псалом.

Ожидание

Где ты? За дальнею далью
Мысли твои не слышны.
Больше не буду скандалить.
Просит война тишины.

Лижет дорогу поземка,
Жалобно песню поет.
Ветер-посланник негромко
Имя мое назовет.

Ты ли откроешь ворота,
Скрипнешь доской на крыльце?
Зеркало старое, что ты
Так изменилось в лице?

Точка невозврата

Все меньше, меньше общих тем.
Прохлада в чувствах. Раздраженье.
Недоуменье, а затем –
Апофеоз – неуваженье.

Смятенье. Внутренний разлад.
Предощущение утраты.
И не поймешь, кто виноват...
Свершилось... Точка невозврата...

Виктория БОНДАРЕВА

Солнце Сибири

Льется пух с тополей белокрылым навязчивым роем,
Раскаленное солнце сжигает расплавленный день.
Лето пробует вновь – земляникой лесной за щекою –
Это сладко-тягучее, древнее слово «Тюмень».

В этом слове сплетаются пение старого бубна,
И халва Бухары, караванных восточных путей,
Плеск ленивой Туры и казачьи разбойные струги,
Перестук топоров и кострища ночных лагерей.

Параллели шоссе расплескались горячим асфальтом,
На обочинах клевер с душистым горошком свились.
Из фонтанов до неба взлетают прохладные залпы
И осколками влаги живительной рущатся вниз.

Пахнет скошенным сеном, алеет медвяный шиповник,
Солнце мелко дробится на глади зеркальной Туры...
Щеки щедрому лету Сибири подставим и помним –
Расцветаем под солнцем сибирским – наш город и мы.

Лунная ночь

Апельсиновый шар луны
Покатился по небу вниз.
Утонул в глубине Туры,
Фонарем на мосту повис,

Распустился ночным цветком,
Ах как пахнут ночью цветы!
Засветился большим жуком,
Кораблем с далекой звезды.

Раскололся пучками искр –
Светлячков в городской тиши,
Заметался, как яркий диск
Света редких пустых машин.

Расстелился в лугах ковром
Серебристой густой росы,
И вернулся ввысь маяком
Для всех тех, кто еще не спит.

Крапивинские мальчишки

Изменилась Тюмень – все не вечное,
Нет спасенья от стрелок двойных.
Затерялись в бетонных скворечниках
Единицы фасадов резных.

Тополя-великаны подвинулись
Под напором деревьев стальных,
И не стало мальчишек крапивинских –
Тонконогих, задорных, смешных.

Не шуршат вечерами романами
О морях, островах, городах,
И не тянутся в дальнее плаванье
Трое с площади Карронад.

Опустели дворы с голубятнями,
Там мальчишек уже не найти.
Как в Саргассовом море запрятана,
Каравелла застряла в Сети.

Мониторы компьютеров пыльные
Заменяют для них целый свет.
Где уж думать о шпагах и рыцарях,
О пришельцах с далеких планет!

Но порой где-нибудь на окраинах
Еще встретишь ребят посмелей –
Барабанщиков в крепости маленьких,
Капитанов своих кораблей.

Находящих ковры с самолетами
Среди грохота модных машин,
Тех мальчишек, что бредят полетами,
И один из которых – мой сын.

Романовы в Тобольске

Неуемная вьюга злится,
Не горят фонари, темно.
Каждый вечер не спит царица,
Обреченно глядит в окно.

Воспаленные очи сухи –
Ей держаться ради детей.
На стекле мороз нарисует
Карту русских глухих степей.

Вспоминает – и сердце дрогнет! –
Как везли их сюда, спеша,
По разбитым войной дорогам
На высокий брег Иртыша.

Губернаторский дом приземист,
Не похож на былой дворец.
Что поделывать, иное время.
Хорошо, что пути конец.

Все не будет уже как прежде,
Петербург, как мираж, далек.
Только тлеет еще надежда,
Как в печи шальной уголек.

Спит давно драгоценный Ники,
В детской шепот уже затих,
Лишь она, заходясь в молитве,
Умоляет спасти родных.

Не шепнут о грядущем лики.
Уготованный крест тяжел,
И застынут апрельской льдинкой
Голубые глаза княжон...

А пока догорает пламя,
И уснул беспокойно дом.
Здесь, в Тобольске, царя в изгнание
Белый ангел укрыл крылом.

Чимги-Тура

За крепким гребнем частокола,
Переходящего в овраг,
Под ликом солнца молодого,
Как плов, кипит Чимги-Тура.

Улуса дальнего обломок
Пригрелся за забралом стен
Торговый город над рекою,
Форпост в сибирской стороне.

Кричат верблюды, ждут товары,
Ослы толпятся в уголке,
И караван-баши усталый
Сидит на старенькой кошме.

Батыры в лисьих малахаях
Спускают луков тетиву.
Там знатоки булатной стали
Кривые лезвия куют.

Бряцают сбруей аргамаки
И мчатся, обгоняя птиц,
А золотых дел мастер ладит
Подвески к шапке из куниц.

И сторожа к котлу склонились –
Еще не ведают пока,
Что за изгибом затаились,
Как рыси, струги Ермака.

ПРОЗА

Николай ИВАНОВ

По стечению звезд

Записки северянина

Николай Павлович после многократных попыток зачать дочь начал искать колдуна, чтобы помог исполнить мечту всей жизни. Долго ли, коротко ли шли поиски, однако терпение и настойчивость всегда приносят результат. Получив адрес, отправился на очень важную и нужную консультацию. Войдя в вагончик, поздоровался. Хозяин работал за верстаком, заваленным чертежами, схемами, инструментами и бог знает чем. Повернув голову в сторону вошедшего, ответил на приветствие, затем вскочил, кинулся к Николаю Павловичу.

– Проходи, я очень рад!

Усадив гостя в удобное кресло, начал открывать дверцы тумбочек, шкафчиков, выдвигать ящики, демонстрируя запасы огненной воды: чаи, горилки, текилы, армянского домашнего коньяка, виски, «Посольской», а еще какие-то вина, еду и закуски.

– Ну, как считаешь, на вечер хватит или что-то добавить?

Николай Павлович ошарашенно таращил глаза:

– Ну и ну! А с чего это мне такая честь?

– Ну как же, разве не помнишь? Шел дождь, вы с друзьями гуляли по улице Ленина, в вашем магнитофоне играла моя любимая песня. Я подошел и попросил кассету, ты без раздумий достал ее и отдал мне. Даже не представляешь, как помог! Я твой должник, спасибо. Теперь к столу, угостимся, чем бог послал.

– Извини, но кассета всего лишь кассета, песня только песня, не более того.

– Нет, ты даже не представляешь, как изменилась моя семейная жизнь в лучшую сторону, прекратились диеты, голодания, всякие программы здорового образа жизни, нервные срывы, перестали ходить умные неудачники, супруга, прослушав песню, поняла – ее любят такой, какая есть, и у нас снова полная гармония. И нет на свете греха хуже неблагодарности, а я уже немолод, нельзя грузить себя непростительными грехами. Пожалуйста, к столу!

– А у меня в семье вот проблема.

– О проблемах потом.

Когда собеседники уважают друг друга, застолье превращается в очень приятный обоим момент общения, взгляды совпадают, темы не противоречат, правда, профессии разные, однако в этом тоже изюминка. Посиделки затягивались, Николай Павлович глянул в окно:

– Скоро утро, мне улетать на дальнюю группу месторождений, давай учи – как дочь смастерить?

Хозяин прикрепил на верстак лист ватмана и начал чертить: круг, линии, зигзаги, пунктиры, ставить какие-то знаки и спрашивать:

– Даты рождения супругов, даты рождения четырех сыновей, даты рождения дедушек и бабушек.

Даты рождения дедушек и бабушек Николай Павлович назвать не смог, не помнил.

Хозяин достал еще лист ватмана, разложил на верстаке, принялся за подсчеты-расчеты, где-то через час сообщил:

– У тебя будет единственный шанс за всю жизнь иметь дочь – звезды сойдутся в начале марта через год.

Чередой дел и работа закружили Николая Павловича. Находясь в командировке на промыслах Нового Уренгоя, вспомнил о своей миссии. Срочно надо домой. Зашел к начальнику с просьбой отпустить на несколько дней, тот обвел рукой заваленное бумагами пространство:

– Смотри, сколько работы, непечатый край.

Николай Павлович, смущаясь и путаясь, начал:

– По гороскопу у меня в эти дни – единственный в жизни шанс зачать дочь, не успею в срок – никогда не будет дочери.

Шеф недоверчиво посмотрел на просителя:

– А в крестные возьмешь?

– А куда я денусь, конечно, возьму.

– Ладно, ехай, дни поставлю.

Николай Павлович бегом бросился на вертолетку к диспетчеру:

– Когда первый борт на юг?

– Да вы что, с завтрашнего дня выходные, полеты не заказывали, на сегодня полетное время кончается, но вот-вот московский экипаж должен лететь в Сургут на замену, уговоришь – твое счастье.

Николай Павлович бегом бросился в гостиницу пилотов, уговорил взять его на борт. Вертолетчики доставили Николая Павловича до родного поселка, спустились, не выключая двигатель, дали возможность пассажиру скатиться в снег и ушли дальше на юг.

Все получилось как нельзя лучше. В назначенное время родилась дочь, за ней появился еще один сын. Счастливым отец все восхищался:

– Ай да колдун, ай да звездочет, ай да астролог!

Согдианка

Случилась эта история в Средней Азии. Молодой сержант запаса приехал в Самарканд навестить бывших однополчан. На перроне собрались все побратимы. Еще до приезда были согласованы очередность и время приема дорогого гостя. Другьям всегда показывают самое интересное, лучшее, особенное, дорогое сердцу. Походы по музеям, дегустация национальных напитков, блюд и яств, экскурсии по городу – махалля, Брлик, Регистан и много чего еще. В столице Тамерлана просто обязательно посещение древних бань, построенных еще до нашей эры, поездки в пустыню смотреть цветение саксаула, катание на лодках, водяных велосипедах, скутерах на озерах зоны отдыха, гонки – скачки на ишаках, катание на верблюдах, вечерами – походы на дискотеку...

Однополчанин Рустам однажды спросил: «Ты видел мою сестру Гулю?» – «Такую девушку только слепой не увидит».

Природа и родители щедро наградили ее красотой, умом и талантами, умением петь песни и понимать музыку, сочинять стихи и улыбаться тепло, загадочно, восхитительно.

– Так вот, она сказала матери, мать передала отцу, отец с дедом говорили со мной о тебе и поручили спросить – готов ли ты взять ее в жены?

Сказать, что Николай был ошарашен, сбит с толку, значит, ничего не сказать. Голова пошла кругом, но в висках застучали молоточками слова бабушки: «Внук, не порть никому жизнь, живи сам и не мешай жить другим, руби дерево по себе».

Обняв друга за плечи, Николай тепло поблагодарил за оказанное уважение, за веру, что он способен составить счастье его сестры, и напомнил:

– Ты же знаешь, мы после службы, а я беден, как смогу обеспечить достойную жизнь твоей прекрасной сестре?

– Богатство не главное, главное – это любовь и вера друг в друга. Кстати, родители предполагали такое положение дел, поэтому предлагают устроить тебя на работу таксистом.

– Да какой из меня таксист, в моем роду слуг и обслуги никогда не было, да и водительских прав нет.

Рустам очень удивленно произнес:

– Коля, зачем вообще таксисту права. Поработаешь и привыкнешь, да и мы все время будем рядом, а когда твои родители познакомятся с твоей женой и моей сестрой, сам увидишь, все будет хорошо.

Николай задумался, но принять какое-либо решение не успел – пришла срочная телеграмма из треста, куда он успел сдать свои документы: «Немедленно прибыть строительный участок газопровода Азия – Центр, вас ждут».

Пришлось срочно лететь самолетом на Ургенч, где ждала машина. После окончания строительства объекта самых старательных отправили на Крайний Север строить газопроводы: Уренгой – Челябинск; Уренгой – Помары – Ужгород, обустраивать месторождения и объекты – жить и работать в пионерных условиях.

Прошло много лет. Николай постоянно просил и просит Всевышнего не оставлять заботами друзей и прекрасных людей, встреченных на жизненном пути, всех тех, кому сам не смог при жизни подарить любовь, заботу, передать тепло своей души и сердца. Рустам через несколько лет написал, что Гуля вышла замуж, у нее прекрасная семья, растут дети. А вот Николаю пока никто так и не встретился.

Особая порода

Молодая семья Олеси и Алеши жила и работала на трассе. Супруги круглый год обслуживали радиорелейную вышку. По необходимости Алексей выезжал в город за продуктами и необходимыми товарами. Шло время, трубопроводы Уренгой – Челябинск, первую и вторую «нитку», законченные строительством, сдали в эксплуатацию, семья увеличивалась, однако чувства не остывали. Дети подросли, надо было определять сыночков-погодков в начальную школу, руководство Газпрома пошло навстречу и выделило семейству квартиру в Ноябрьске.

Справили новоселье, обустроились, оформили регистрацию по месту жительства, прописались. Молодая мама повела сыночков в детскую поликлинику – к школе были нужны справки о состоянии здоровья. Войдя в здание, увидела на стене указатели: район – участок – кабинет – доктор-педиатр. Заняв живую очередь, постепенно придвигалась к заветной двери царства медицины. Войдя с детьми в кабинет, Олеся увидела приятную женщину в возрасте, в белом халате, которая что-то писала правой рукой, а левую протянула в сторону вошедшей, чуть пошевеливая пальцами. Олеся

быстро достала кошелек и стала шуршать купюрами, прикидывая, сколько дать. Доктор услышала, подняла голову и гневно произнесла:

– Женщина, что вы себе позволяете, как не стыдно!

У Олеси душа ушла в пятки, она опешила и растерялась. Однако долг, ответственность перед сыновьями заставили собраться, она тихо произнесла:

– Но вы протянули руку, и я не знаю, что вам надо.

Доктор подышала, успокоившись, произнесла:

– Я протянула руку за карточками на детей.

Олеся, затравленно озираясь, прошептала:

– У нас нет карточек.

Педиатр грозным тоном произнесла:

– Вы где рожали?

– На трассе.

Врач еще более строгим голосом спросила:

– Т-а-а-к, кто роды принимал?

Олеся, сгорая от стыда и смущения, снова едва слышно прошептала:

– Муж.

Доктор растерялась, много чего и всякого повидала, но такое из ряда вон выходящее слышала впервые. Наступила тишина. В кабинет вошла медицинская сестра, юное прекрасное создание в белом халатике. Сыночки-грибочки, дружно улыбаясь, подергали матушку за юбку:

– Мам, мам, смотри, Снегурочка пришла!

Обстановка мгновенно разрядилась, «снегурочка» с документами отправилась заводить карточки, доктор усадила молодую мамашу на стул. Начала доброжелательно, внимательно, с участием расспрашивать, как все это было, как росли детки, как жили, чем кормили, слушать, как круглый год пользовались бассейном и баней, построенными отцом семейства, как устраивали праздники, как играли и гуляли в ближнем перелеске, как учились ловить рыбок в речушке с труднопроизносимым хантыйским названием, как собирали и заготавливали дикоросы. После обстоятельного опроса очень внимательно осматривала малышей и удивлялась: дети здоровячки, никогда ничем не болели, ни одной прививки, ни одного укола, доктора увидели впервые в своей жизни.

В городе семья быстро обрела друзей, потому что на Севере часто и много людей с кристальной чистоты душой. Это такой ямальский синдром отношений, притяжения, шлифовки, отбора, преимущества, оставшийся в наследство от первопроходцев. Это такая особая порода людей, которая формируется в суровом климате, где без дружбы и взаимопомощи просто не выжить.

Северяне в любых местах, любых условиях очень быстро находят друг друга, их общение уважительно, содержательно, неповторимо и насыщенно, как все цвета радуги или как яркое многоцветное северное сияние.

ПОЭЗИЯ

Артур ТОМСКИЙ*

А.Р.

оторвавшись от борта еще один день мой ушел по доске
отзовется ли в ком-то или в чем-то его пастораль
я застыл будто в капле янтарной в безумном броске
за которым прогнивших сомнений ни грамма не жаль

разрываются ванты и голос нелепый хрипит
соль как иней покрыла с избытком мои паруса
но вонзается в небо иголкою хрупкий бушприт
чтобы именно там мой Господь свой рассвет прописал...

Этюд № 25. Нефранцузское

мы выбрали двери с неброскою надписью ад
тепло и светло и на завтрак белужья икра
здесь все по нутру а порою превыше нутра
и больше не нужно назад
невозможно назад

сочатся улыбки прекрасных доступных менад
рекой божоле берега камамбер фуа-гра
здесь все по нутру а порою превыше нутра
и больше не нужно назад
невозможно назад

и нету причин у сансары крутить колесо
и нету причин поддаваться знакомым словам
и двери сюда уже завтра откроются вам
mon cher не стремайтесь
смелей
и держите фасон

плывут облака из ванили и снизу и над
веселье безумствует с вечера и до утра
здесь все по нутру а порою превыше нутра
вот только не нужно назад
невозможно назад

Этюд 24. Предновогоднее

вот окончится год и житье станет легче и проще
вам во всем повезет ведь не в тренде теперь «аз воздам»
будет чаша полна у того кто не больно-то ропщет
только внимлите слову и посланным мною дарам

стихнет ветер тревог и откроется то что сокрыто
что не ведает google и не видел еще instagram
лишь отриньте лукавство и мелочность вашего быта
только внимлите слову и посланным мною дарам

не случится врагов кроме тех что душа не попросит
не прибудет друзей что порою не лучше врагов
будет каждый услышан и в хаосе многоголосий
не просите лишь больше чем есть у бессмертных богов

и прощайте другим что без умысла и без корысти
каждый сам голова и кузнец безусловно лишь сам
только деньги не больше чем просто опавшие листья
лучше внимлите слову и посланным мною дарам

не отнимется век не умножатся скорби печали
будет резвость во членах и резвость в пытливых умах
только лень победить вам получится скоро едва ли
как и вытравить напрочь пустой унижительный страх

а тому кто устал кто ни веры ни жизни не ищет
кто лишь пестует гордость и множит злословье и срам
мир пошлет обещаний пустых агромадные тыщи
и не даст прикоснуться к ниспосланным мною дарам

кто же будет писать многословствовать именем всеу
кто пройдет мимо ближнего не пожелая помочь
тем безумство ума обращенного в бездну несу я
их удел тупики их удел беспросветная ночь

благо тем кто не жил кто родится потом вслед за вами
кто не видел дела сотворенные в имя мое
будет светел их мир а мгновения станут веками
и победную песню им вещая птица споет

им свободы удел никогда не поставит заслонов
им под небом любым будет стол будет дом будет храм
и познают они то что истина дальше
за словом
и не будет нужды обращаться к бессмертным богам

вот окончится год только правда останется с вами
будь ты мелкий ремесленник или великий архонт
чтобы вольно идти непрямыми живыми путями
и удерживать ветер в руке
преступив горизонт

Желание

очень хочется утром промозглым
забежать ненароком в аптеку
у кудесника в белом халате
прикупить на все деньги свободы

в порошках или каплях не важно
можно даже в таблетках округлых
и на вкус и на цвет – параллельно
попадетсЯ какая свобода

не затем что ее не хватает
не затем что я сам несвободен
мне совсем наплевать на свободу
просто хочется очень в аптеку

В один из пустых вечеров

в один из пустых вечеров
ты расскажешь мне небыль
о том, что весна не придет,
что не стоит и ждать,
о том, что на дырчатый купол
лохматого неба
наложена кем-то
безумства тугая печать,

о том, что пытаться быть лучше
пустая затея,
удача потрачена,
много набрали займы,
о том, что я часто не знаю
ни кто я, ни где я,
о том, что давненько уже
нет понятия мы,

быть вместе и порознь
не альтернатива разлуке,
и не откровенность –
противная хмарь мишуры...
и будут едва ли заметно
дрожать твои руки
от очень хорошей,
глубокой
актерской игры
как все
вероятно, стандартность встречается не
так уж часто, как хочется верить.
я стою, ковыряю замазку в окне,
ты потупилась где-то у двери.

нам совсем невдомек, почему перебор
выпал в руку, зашли ведь из бубей.
почему не сантехник я или шофер,
почему напиваюсь по будням,

почему каждый день тянет с новой строки,
даже если канистры пустые,
не бросаю курить, не желаю на ski,
обзываю поэтов – «мессии»,
почему лишь по встречной брести полосе
если поза нелепа, избита.

вероятно причисленность к лику «как все»
пол-удачи успешности быта,
вероятно, стандартность встречается
напополам с жуткой примесью серы...

я никак не могу отойти от окна,
и дышу, и рисую на сером.

Этюд № 23. Путь на восток

по дороге в проклятый Иерусалим
не кланялись белым
не кланялись красным
не считали лет
не встречали зим
и даже путь свой считали напрасным

ветер
давно потерявший прыть
лениво игрался поблекшим штандартом
тянуло выпить
но более выть
и не называться ни Люком ни Дартом

тянуло в оазис
зарыться в покой
и жить
просто жить там без бед и болезней
покуда кривая старуха с клюкой
нам не доказала что все бесполезно

покуда незримые вехи пути
нам не рассказали что будет в финале
пока в ненасытной надежде найти
погибель
души своей не отыскали

но полноте полно
вон там на холме
уже сыновья ждут Юсуф ибн Айюба
мы преданы будем всеобщей молве
а может и звездами станем
Ютуба

мы будем брататься
огнем и мечом
метаться метать разрываться на части
ведь даже и тот кто мечтою влеком
в бездну
однажды изведает счастье

вот так же и наш
продолжается путь
струящимся ядом по вздыбленным венам
условием роли
придется рискнуть
кровавым убийцей
калекою
пленным

не важно
лишь намертво зубы сцепив
все так же далече от дома и рая
мы видим как ветер
сорвавшись с цепи
следы наши с легкостью замечает

**Публикуется в авторской редакции.*

ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

К Шукшину за правдой!

– Любите ли вы правду?

Я отношусь к правде – если по правде! – подозрительно, предвзято и предосудительно. Наверное, как все. Вам лично нужна вся правда о вас? Вы, лично вы, любите правду о себе? Не о президенте Ельцине – а о себе? Вы же все о себе знаете лучше других. И если даже за вами водятся грешки и изъяны, все равно вы – если не лучший, то приемлемо хороший. Публичное перемывание ваших простительных недостатков – необязательно и чаще всего неуместно. Не сейчас. Не здесь. Русский человек подвержен и самоедству, и самобичеванию, но все же...

Правда – субстанция деликатная... Не всегда уместная. Истинная правда: мы несовершенны. Но – каждый из нас, каждая из нас – совершенство. Когда у нас столько достоинств.

Зачем нам о том, что мы – Мы! – не окончательно совершенны? По правде говоря.

Но вы же за правду? За большую чистую и честную правду. По-крупному за правду, тем более она есть, существует: русская правда. Правда. Правда с большой буквы. Немецкой – нет, британской – вряд ли, французской – тем более. У американцев – американская мечта, а не правда. А у нас правда.

За что любят Василия Шукшина?

Он писатель хороший, может, даже мирового калибра. Правда, мирового признания Василий Макарович все еще не получил, отечественных правдолюбцев не особо чтят в американских мечтах. Но мы Шукшина не просто читаем и помним, но любим.

За что? За правду.

Василий Шукшин – не обязательно правоверный реалист. Но он пишет правду. Нашу сибирскую, нашу русскую правду.

И она есть, русская правда у Шукшина. Есть высшая справедливость, и это – Василий Шукшин.

Каждый из нас, русских, тянется за этой правдой. Зачем едут к Василию Макаровичу? Не зачем, а за чем? Ну честно. Только и исключительно – за правдой.

Не к Ленину же за правдой. А к Шукшину можно.

Есть в Сибири немало здешних прекрасных крупных писателей, очень достоверных, правдивых – апостолов сегодняшней правды: Вячеслав Шишков, Сергей Залыгин, тот же Валентин Распутин – совесть растерянной нации.

Я повспоминал сибирскую классику, и нет ни одного великого пишущего сибиряка, который бы – мимо правды.

Космическая правда Петра Ершова.

Страстная правда Вячеслава Шишкова.

Революционная правда Вячеслава Иванова.

Деликатная правда Леонида Мартынова.

Безудержная правда Григория Гребенщикова.

Яростная безудержная правда Павла Васильева.

Строгая правда Валентина Распутина.

Житейская правда Александра Вампилова.

Окопная правда Виктора Астафьева.

Нежная правда Василия Казанцева.
Веселая правда Валерия Золотухина.
У Сибири – великая литература, потому что за правду и по правде.
Но у народной правды, щемящей, тревожной и пронзительной, он один, Василий Шукшин. Он подлинный. Подлинная правда.
Честная правда. Как моя мама божилась: истинная правда.
Это возможно только на русском: истинная правда. Не только истина, но и правда.
Традиционный всесибирский медиафорум «Сибирь – территория надежд» финишировал прямо в Сростках – на родине Василия Макаровича.
Я на минутку задумался: зачем всякий разный народ стремится к Шукшину, на шукшинскую родину? Я-то понятно... Зачем – другие?

Омельчук: О правде Василия Шукшина.

Казаркин: Правда Василия Шукшина поначалу будто писательская, потом характерологическая, а в последней книге «Беседы при ясной луне» она философская. Душа. А что после смерти и как это?

Александр Казаркин – профессор филологии, г. Томск.

Омельчук: Яростная правда?

Казаркин: Да, надрывная порою. Человек в пороговой, в запредельной ситуации, его загоняют, унижают. Но это правда застойного времени, брже-невщины, в которой он умер.

Омельчук: Следует ли вспоминать режим какого-то лидера, когда речь идет о вечном, Шукшин же художник масштаба Эсхила.

Казаркин: Наверное, это слишком все-таки, Эсхил-то жил две с половиной тысячи лет назад. Слишком смелая гипотеза.

Омельчук: Не Шекспир?

Казаркин: Нет. Даже Толстого, даже Достоевского рядом с Шекспиром ставить слишком смело.

Омельчук: В вас не говорят навязанные предубеждения?

Казаркин: Шекспир умер 400 лет назад. У нас тогда никакой литературы не было... В оценках всегда надо быть сдержанным, чтобы не выглядеть смешным.

Омельчук: Мы не можем определить масштаб современников?

Казаркин: Конечно, не можем. Только в качестве предположения.

Омельчук: Предположение: какой-то ничтожный Шекспир и наш великий Шукшин.

Казаркин: Провокационно и ернически. Не думаю, что мир знает Шукшина, как знает Шекспира.

Омельчук: Да фиг с ним, с миром. Мы же с тобой знаем цену яростней правды. А какая правда у Шекспира?

Казаркин: Как какая? Кровавая, страшная, бездна человеческой звериности, подвалы мерзости. И высоты. Знаешь, так не надо.

Омельчук: Мы этих бездн не достигли?

Казаркин: Русская душа может поглубже аглицкой нырять, и в клоаку, и в кровь, и в безверие.

Омельчук: У нас есть конкуренты по правде? Да в мировых языках и слова-то «правда» нет.

Казаркин: Но там свои сленги.

Омельчук: Именно сленги, словечки...

Казаркин: Конечно. Шукшин – не сибирский масштаб, всероссийский.

Омельчук: А когда всероссийский – уже мировой?

Казаркин: Ну не всегда.

Омельчук: Ну Петрович, ну че жадничать, а?

Казаркин: Как исследователь литературы должен...

Омельчук: Вот Кафкочка – мировая величина, а Шукшин Алтаем не вышел.

Казаркин: Вы про Кафку что ли?

Омельчук: Про него. Заблудшего провинциала Европы.

Казаркин: Ну Шукшин неизмеримо выше. Во-первых, Кафка больной. Глубоко больной, это вообще печальное заблуждение, что его растиражировали и преподают, студенты сдают зачеты, не понимая, что Кафка шизофреник глубочайший.

Омельчук: Летопись клиники?

Казаркин: Конечно, полная клиника.

Омельчук: Придет ли время русской правды?

Казаркин: Она приходит. Русская правда сейчас борется за Россию.

Омельчук: Да она за мировую душу, борясь за Россию!

Казаркин: Да, цивилизация проваливается в свою собственную клоаку. Натуральная, биологически и психически нормальная жизнь – по окраинам. Сибирь такая окраина. Москва сейчас – страшное место.

Омельчук: Кафка?

Казаркин: Проклятие какое-то. Посмотрите, деревенская проза, новый реализм и традиционализм – они же из Сибири, с Русского Севера пошли, главные-то. Это второе дыхание русского классического реализма.

На Алтае одновременно – в одну неделю вложились – проходило три праздника: Шукшинские чтения на горе Пикет, международный Шукшинский кинофестиваль и всесибирский медиафорум «Сибирь – территория надежд».

Кстати, на кинофестивале презентовали (и успешно!) кинофильм «Белый ягель» по роману нашей землячки из Байдарацкой тундры, Нобелевской номинантки Анны Неркаги.

Кстати, правда Анны Неркаги – правда боли.

Заглавным на кинофестивале памяти Шукшина – широко известный актер и режиссер, народный артист России Сергей Никоненко.

Сложный у нас получился разговор с народным артистом.

То ли он обидчивый, то ли я неделикатный.

Омельчук: Сергей Петрович, вы за правду живот положите?

Никоненко: Хороший вопрос задали, непростой.

Омельчук: Нравственность есть правда?

Никоненко: Я даже скажу некорректный вопрос. Нельзя же спрашивать: верующий ты или неверующий, потому как это дело интимное. Дело каждого человека – его души. Нравственность есть правда? А Ленин говорил, неизвестно еще, какая правда правдистее. На это вы что скажете?

Омельчук: Лукав, лукав Ильич.

Никоненко: Да, лукавил в очередной раз. Но демагог был гениальный.

Омельчук: Да он и во всем был гениальный... Гении же народ вредный.

Никоненко: Ленин свою профессию писал – «журналист».

Омельчук: А они все лукавые. Нелукавых журналистов не бывает.

Никоненко: Давайте еще трудный вопрос.

Омельчук: Я хотел спросить о вашем фильме. Вы хорошо знаете Шукшина. Какую правду искал Василий Макарович?

Никоненко: Нравственность.

Омельчук: Ну-у-у...

Никоненко: Вы не согласны? Ну и не соглашайтесь, что же я вас буду убеждать. Со мной согласны миллионы.

Омельчук: Так, да?

Никоненко: А как иначе? Вы говорите нет, я говорю да.

Омельчук: Какую правду вы вместе с Василием Макаровичем ищете в своем новом фильме? Главную правду.

Никоненко: Опять двадцать пять. Нравственность.

Омельчук: Это главная правда?

Никоненко: Со слухом-то у вас хорошо?

Омельчук: Это главная правда?

Никоненко: А что еще-то? Вся мировая политика сильных мира сего, заокеанских особенно, построена на лжи. Они же открыто говорят, что Сибирь слишком большая территория для России, надо бы кому-нибудь из нас отдать. А кому отдавать? Американцам отдать. Как они били себя в грудь кулаком: НАТО существует до тех пор, пока существует Варшавский договор. Что произошло? Они – к нашим границам. Им удалось поссорить братьев. Удалось же ведь? Я этому Порошенко, место которого на параше, я ему никогда...

Омельчук: Это не выбрасываем?

Никоненко: Это не выбрасывайте, нет, пускай меня не пускают на Украину.

Омельчук: На Украину или в Украину?

Никоненко: По всякому говорят: пошел ты в... или пошел ты на... Какая разница! Адрес известен. Важно, что я не могу ему простить слезы младенца, а там детей убивают, там становятся сиротами, калеками, недавно опять искалечили маленькую девочку. Как дятел заладил: унитарное государство. Сначала прекрати огонь, а потом договоримся. Это мое мнение.

Омельчук: Скажите, русская литература и ее лучший представитель Василий Шукшин – это поиск правды?

Никоненко: Русская литература и лучший представитель для меня – Пушкин.

Омельчук: Честно?

Никоненко: Нет, я вам вру, глядя в глаза.

Омельчук: А Василий Макарович в каком ряду?

Никоненко: Время определит его место в литературе. Пока это замечательный русский писатель.

Омельчук: Но русская литература, включая Пушкина, это поиск правды, в отличие от всей другой литературы?

Никоненко: Как на экзамене, понимаешь, задает дурацкие вопросы, на которые семь умных не ответят. Родной мой, давай от Адама и Евы. Помнишь, да?

Омельчук: Слабо.

Никоненко: Не помнишь?

Омельчук: Все сорок колен не помню.

Никоненко: Сорок колен я тоже подзабыл. Но могу сказать, русская литература основана на христианских принципах. А первый принцип во главу угла садится – любовь к ближнему. А дальше все заповеди: не убий, не укради, хорошо бы не изменять жене мужу, а муже жене. Все на этом построено. А уж милость к падшим.... Это кто призывал?

Омельчук: Ваш любимый.

Никоненко: Самый любимый.

Омельчук: Шукшин – любовь к ближнему?

Никоненко: Шукшин очень любил Есенина. Когда я играл Есенина, Шукшин в ту пору еще жив был, мне говорит: «Сергея, ты понимаешь, кого играешь, или нет? Понимаешь ответственность всю, понимаешь или нет?» Я говорю: «Стараюсь, Вася, стараюсь».

На Алтае не только любят, но и чтят своих выдающихся земляков. Степной Алтай урожаен на земные русские таланты. Помимо Василия Шукшина это незабываемый Роберт Рождественский, колоритный Михаил Евдокимов. Мы заглянули ко всем, но основательно остановились в Быстром Истоке. Это родина Бумбараша Советского Союза, великого актера, замечательного – на знаменитой Таганке – режиссера и серьезного писателя Валерия Золотухина.

Омельчук: Виталий Дмитриевич, вы правду любите?

Кириянов: Кто ее не любит? Все любят.

Виталий Кириянов – друг Валерия Золотухина.

Омельчук: И про себя всю правду любите?

Кириянов: Народ всю правду про меня знает. Всю свою жизнь я много боролся за правду.

Омельчук: Скажите, а ваш друг Валерий Золотухин правдолюбец?

Кириянов: Естественно. Только правда.

Омельчук: Яростный?

Кириянов: Яростный. Он не любил, когда его обманывали, а он сам никого никогда не обманывал и не подводил.

Омельчук: Артисты же любят, когда им ну леща...

Кириянов: Ну кто не любит.

Омельчук: Он бы мог перенести: как ты сегодня был отвратителен в роли?

Кириянов: Я думаю, такого человека не нашлось бы и слово бы не высказалось, потому что он всегда прекрасен в роли. Красив, симпатичен и колоритен. На сцене в драматическом театре это было все. В Быстром Истоке он каждый год давал несколько концертов.

Омельчук: Выкладывался по полной?

Кириянов: Всегда. Приведу пример. В Барнауле один молодой человек говорит: я вам организую концерт. Приезжаем, в зале человек 20, зал на 200. Я плечами пожал, а Валера переодевается, одевается, все как надо. Он сыграл для 15 человек, как будто был полный аншлаг. Он сказал: всегда, даже если один человек, ты должен «от и до». Ну это было что-то. 200 зрителей такого бы не ощутили, как он сыграл для 15.

Омельчук: Все равно завистников много, блестяще играет, а скажут: провал. Такую правду он мог снести?

Кириянов: Он к этому относился спокойно. Тоже боролся за правду. В этом он молодец.

Омельчук: Вы поняли его желание быть упокоенным именно здесь, в Быстром Истоке, в родной земле?

Кириянов: Тяжело. Я до последнего говорил: зачем ты сюда, зачем я тебя буду хоронить? Ты создашь всем проблемы – тебя из Москвы перевезти сюда. Он мне: Дмитрич, не беспокоись. Все сделано, все будет, все как надо. Это место мы с ним определили, еще когда строили храм. Я помогал ему строить, старостой был, у нас священника долго не было. Стояло здание, где была церковь, такой дом пионеров, бывший детский сад. В 2001 году мы с ним подошли сюда, где калитка. Он спрашивает: ты где меня будешь

хоронить? Я это принял как шутку. «Смотри, смотри, тут хорошо, на этом бугорочке». Действительно бугорок, трава была, храм начали возводить. Все так шуткой. Он часто приезжал в Быстрый Исток, в год 2-3, если не 5 раз. Уже храм открыли, он приходил всегда на это место. В 2003 году, в августе, он был здесь последний раз, мы ездили к Михаилу Евдокимову. Последний раз здесь с ним стояли. Я ему говорю: «Ты мне изгалдился с этим «где тебя хоронить». Достало это все. Я шуткой все, но зачем это?»

Омельчук: И все-таки почему? Он же очень долго в столице жил, работал.

Кириянов: Расскажу так... Вы, наверное, знаете, слышали про Анатолия Заболоцкого, лучшего друга Шукшина. Он в прошлом году первый раз сюда приехал. Он приехал ко мне домой, походил по саду и сказал, что понял, почему Золотухин всегда стремился домой на Алтай, в Быстрый Исток.

Омельчук: Ну-ка?

Кириянов: Тяга к родине. Валера, бывало, только на денек приезжает, вечером приехал, в баню сходил, утром посидел, подышал, развернулся и уехал. Какая-то внутренняя энергетика, внутренний зов его звал в Быстрый Исток. Он свой день начинал в молитве, у него свой иконостас, свечку зажигал, молился. Потом гимнастика дыхательная, на голове постоять.

Омельчук: Вы ж, наверное, примерные советские пионеры, атеисты?

Кириянов: О-о-о... Я думаю, с начала 60-х годов он уже был верующим. Бряд ли мы еще найдем человека, который верил так искренне. Когда вы читаете его дневники, видите, как много обращений к Богу.

Омельчук: В курсе – когда у него появилась идея построить на собственные средства церковь в родном Истоке?

Кириянов: В конце 80-х годов он издал первую книгу «На Исток-речушку, к сердцу моему». На той стороне Обь видно, там вытекает исток. Когда издал книгу, получил деньги, у него возникла идея.

Омельчук: Быстрый Исток стоял без церкви?

Кириянов: Здесь молельный дом был. Для него это была не обязанность, а радость души. Когда приезжал, смотрел на церковь, заходил в нее. В этой деревне родился такой великий человек, такой же парнишка деревенский, просто талант у него.

Омельчук: Среди своих?

Кириянов: Все родное. Радостный человек, никогда не унывающий. Трудяга.

Омельчук: Сибирский характер?

Кириянов: Сибирский. Твердый, но не жесткий, а целенаправленный. Если поставил цель, выполняет. Поставил цель построить молодежный театр в Барнауле (я был противником: у тебя и так много проблем) – осуществил. У него чисто крестьянский склад ума, по разговорам, по всему, ну сидит колхозный, крестьянский мужик, сам себе на уме. Такой был. Никогда не подводил. Хоронили мы его, когда снег шел, погода холодная, отвратительная. Похоронили – минут через пять выглянуло солнышко. Есть вон где-то там что-то – и выглядывает солнце.

Омельчук: Солнечный человек, наверное?

Кириянов: Понимают наверху.

Омельчук: А вот скажите, какую правду юный читатель Козубенко нашел у Василия Шукшина? Какую правду? Чем особенно притягивал?

Козубенко: Я думаю, самая большая правда его была, которой он притягивал, народная, правда сельской жизни, сельского человека, русского мужика, который, находясь в условиях какой-то ограниченности, имел какие-то возможности что-то делать либо не имел. И он сумел связать в истории все

эти несчастные судьбы друг с другом, что у него хорошо получалось. Если говорить о народе, я люблю свой народ... Я счастливый человек, потому что отношусь хорошо к своему народу и могу чем-то ему помочь. Мало у кого это получается, а я как-то вот хочу быть полезным своему народу. Шукшин дал какую-то основу понимания правильного.

Читатель Василия Шукшина Сергей Павлович Козубенко – читатель особый. Особо благодарный.

Это его радением, его подвигом появился здесь, на Пикете, великий памятник великому земляку.

Это целая эпопея.

Наверное, памятник-эпос требует своего отдельного эпоса.

Как и положено в эпосе, в нем есть все: и трагедия, и драма, но в эпилоге – выдающийся шедевр.

Никто кроме Сергея Павловича Козубенко не знает всех перипетий этого тернистого пути к правде настоящего искусства.

Омельчук: Сергей Павлович, кто место выбирал, кто место нашел? Козырное место.

Козубенко: Место выбирал лично Вячеслав Клыкков. Он его увидел и сказал: здесь должен быть памятник. Другого места ему нет. Потому что здесь Шукшин любил читать, писал очень много. Это у него было рабочее место, на которое он ходил и где мог проводить время без ограничения. Он очень его любил. Поэтому место выбрано специально под Василия Шукшина.

Омельчук: Вам оно приглянулось?

Козубенко: Очень даже, очень. С этого места видно реку Катунь, виден дальний параметр, на 40 километров примерно просматривается...

Омельчук: Да Северный полюс Сибири виден...

Козубенко: Северный полюс пупка Сибири...

Омельчук: Виден с этого места?

Козубенко: Конечно, конечно.

Омельчук: Да, вся Сибирь на запад, на север...

Козубенко: Конечно. Те труды его, который в детстве читал, смотрел фильмы, очень все нравилось. Нравилось, потому что Василий Макарыч был человек какого-то необычайного творчества. Он как-то по-другому высказывался, писал, говорил. Он очень привлекал нас как читателей и зрителей. В эти сложные времена я оказался в 93-м году в студии Вячеслава Михайловича в Москве, на Ордынке. Ну и завязался диалог у нас такой, казачий больше всего, чем творческий. Ну и как-то пришли к уважению друг друга. Я как-то с первой встречи Вячеслава Михайловича зауважал по-мужски, зауважал, как он видит, мысли выстраивает, как завтрашний день видит. Историк он очень знатный, хорошо знает историю. Все прекрасно помнит. Вот так как-то мы с того времени больше и больше стали привязываться друг к другу.

Омельчук: А Шукшин – чья идея?

Козубенко: Это идея Вячеслава Михайловича, его идея изначальная, она жила в нем. И он ставил до этого мини-памятник в музее в Сростках, стоит в рост Василий Макарыч Шукшин. Клыкков очень его ценил, творчество его уважал. Мы долго обговаривали, было на этот памятник шесть претендентов, кто собирался помочь и поддержать его. В результате никого не стало, оказался я один. И поэтому я с удовольствием пошел в этот проект. Мы его быстро осуществили, практически за полгода.

Омельчук: Гениальное озарение – это, как говорится, с чистого листа. Памятник гениальный. Он удался с первого эскиза или долго Вячеслав Михайлович рисовал и воображал?

Козубенко: Менял несколько раз, менял лепку, нахождение памятника, с какой стороны...

Омельчук: Но идея?

Козубенко: Идея сразу была утверждена, она не менялась.

Омельчук: Вам не показалось, что Василий Макарыч простоват, сидит, босяк?

Козубенко: Я думаю, это именно тот Василий Макарыч, который был изнутри.

Омельчук: Живой, настоящий?

Козубенко: Это тот Василий Макарыч, который работал изнутри. И он его передал таким, каким он был. Он был простоват и доступен людям. Он имел общение, свой диалог совершенно не такой, как все. Это был совершенно другой человек. Тот, которого я считаю, Вячеслав Михайлович передал его таким, как он есть на самом деле.

Омельчук: А вообще сибиряки задумчивые люди?

Козубенко: Ну да, задумчивые.

Омельчук: Очень...

Козубенко: И иногда даже скрупулезные.

Омельчук: Любят поразмышлять на босу ногу?

Козубенко: Конечно, конечно.

Омельчук: Горек хлеб мецената... Удалось наконец этот памятник отдать государству?

Козубенко: Государство будет уже сейчас: 15 лет как он стоит на горе Пикет, как он живет. Меня пригласили в этом году на церемонию проведения Шукшинских чтений, пригласил новый губернатор. Но памятник передали, в прошлом году утвердили после всех скандалов. Я встречался с директором музея в Сростках, ну нашли понимание и закрыли этот вопрос.

Не ценим мы гениальных современников.

Большое увидится на расстоянии. Нужна дистанция времени.

2005 год. Будучи в Тюмени проездом в Ишим великий русский скульптор Вячеслав Клыков начинает памятник Прасковье Луполовой. Но тогда он еще рядовой, понятно, талантливый, но еще не особо знаменитый, постоянно опальный. Речь у нас с ним шла в студии о клыковских сибирских замыслах. Памятника Шукшину на Пикете – это уже трудно представить – еще нет.

Эта уникальная запись сохранилась в анналах телекомпании «Регион-Тюмень».

Клыков: Начата отливка памятника Шукшину. В этом году 75 лет со дня его рождения. Ну и там, где всегда проходят чтения, посвященные Василию Макаровичу – на горе Пикет, наконец установим памятник. По размеру, думаю, неплохой памятник будет.

Омельчук: Шукшин идущий или сидящий?

Клыков: Сидящий на своей земле.

Омельчук: В крестьянских штанах?

Клыков: Ну не в крестьянских...

Омельчук: Босиком?

Клыков: Босиком. Так, как в финале фильма «Печки-лавочки», он сидит и говорит: «Все, ребята, конец, ребята». Этот мотив мне хотелось использовать в скульптуре. Разумеется, там кинематографический мотив, в скульпту-

ре другие закономерности, но по композиции я хотел сделать именно такую вещь. Вот он сидит на своей земле, пришел, сел на горе Пикет, которую он любил, всегда, когда приезжал, тут же шел на гору. Мне кажется, что гора Пикет – это пуп земли. Я бывал там несколько раз, мне кажется, он прав. Это такое огромное пространство, вокруг которого все видно.

Омельчук: Там рядом Белуха, это уж точно пуп земли?

Клык: Там Белокуриха рядом и Белуха.

Омельчук: Да, главная вершина Алтая. То есть сибирские замыслы пошли кучно: Шукшин, Прасковья Луполова?

Клык: Но это не замыслы. Это, скорее всего, ответ на ту потребность, которая уже назрела в обществе и людях. Ведь вы знаете, вы как писатель, Анатолий Константинович, знаете, любовь к Шукшину не только как к писателю, а прежде всего к личности. И Василий Макарович Шукшин нес в себе качества прежде всего уникальной личности, которую трудно охарактеризовать: как писатель, режиссер или актер.

Видимо, это знамение времени, когда время рождает таких личностей, и вот он появляется, своим обликом говоря о том, что похож на всех нас. Ведь каждый узнавал его в простом человеке, да и каждый себя узнавал в нем. Настолько в нем господь Бог дал вот такой исторический лик и облик нашего народа, русского. Отсюда и любовь к нему. Не потому, что он хороший писатель, или режиссер, или даже актер. В нем все было едино, слитно и органично.

Сибирь еще не сказала полноценного спасибо великому благотворителю Сергею Козубенко.

Монумент Шукшину...

Что это?

Да, это продолжение пути к русской правде.

И очищение.

Здесь, на этом пути, в этом благословенном месте очищается русская душа.

Омельчук: Встречали в жизни памятники, более естественно вписанные в окружение? Это же создание гениального скульптора.

Козубенко: Каждая работа скульптора, его творчество уникально. Тот индивидум, как в каждом заложен и как он проявляется – оценка зрителя. Чтобы угадать скульптору и попасть в десятку – много стоит и мало у кого получается.

Омельчук: Всегда там сидел. Ну всегда Василий Макарыч там сидел, не сходил. И в 17-м веке, и встречал первых русских казаков?

Козубенко: Идея была вообще Вячеслава Михайловича: гора Пикет – это Ермак. Он хотел еще присоединить туда, дополнить архитектуру Ермака и замкнуть полностью гору Пикет еще несколькими скульптурами.

Омельчук: Сергей Павлович, ну конечно, это Шукшин, только Шукшин и исключительно Шукшин. И все-таки это памятник только ли Василию Макарычу?

Козубенко: Я считаю, что это памятник эпохе времени Василия Макарыча. Это то время, которое было, был Василий Шукшин, был Владимир Высоцкий. Это были те личности, которые в то время шли по своему сценарию, а им не давали быть теми, кем они хотели.

За что страдал Владимир Высоцкий? За то, что его недопонимали. Многие роли ему не девали. Василий Макарыч за это же самое страдал. Он не мог преподнести себя на сцене тем, кто он есть, в полном своем объеме. Это ему стоило много нервов, конфликтных ситуаций, которые приводили его к уединению. Находясь на горе Пикет, он себя чувствовал комфортно, потому

что был там один, что хотел писал, о чем хотел говорил. И был недоступен хоть на какое-то время обществу.

Омельчук: Вот сидит на Пикете гениальный сибирский мужик, и всем своим видом демонстрирует, что умеет размышлять, освоить Сибирь, обустроить ее. Это памятник не просто мужику, а гениальному сибирскому мужику, начиная с первого русского сибиряка Ермака?

Козубенко: Наверное, в этом есть правда, наверное, это так. Потому что в то сложное время Василий Макарыч брал ответственность на себя, не с кем было советоваться, говорить, кроме как своего круга, окружения режиссеров, писателей. Он был индивидуален. И своей индивидуальностью он всегда показывал те свои шаги, которые он делал, выставляя их потом напоказ людям.

Омельчук: Это лучшее произведение мецената Козубенко или длинный ряд, чем гордитесь, или первый в этом ряду, а? Ну вот так честно?

Козубенко: Сложный вопрос. Думаю, это одно из самых громких мероприятий в моей жизни, что мне довелось поучаствовать вместе с величайшим скульптором Клыковым. У меня и другие проекты есть, но я все-таки думаю, что этот проект громкий, настоящий. Он нужен был тому времени и тем людям, которые в нем нуждались.

Омельчук: А реакция Клыкова, когда открывался этот памятник?

Козубенко: Реакция...

Омельчук: Помните?

Козубенко: Ну конечно, помню...

Омельчук: Он вообще мужик не слезливый?

Козубенко: Нет, он крепкий в этом плане. Мы вместе с ним снимали на кидку с памятника при огромном количестве людей. Он переживал, волновался, когда дали микрофон, но сумел с собой совладать, сильная личность.

На медиафоруме «Сибирь – территория надежд» информационная программа «Региона» «Тюмень – время действий» попала в победители. Почему? Я для себя ответил: за правду жизни. Принцип «Регион-Тюмень»: «Мы народное телевидение, мы – телевидение жизни».

Сегодняшняя правда жизни: надо действовать. Можно впадать в уныние, можно беспощадно все критиковать, можно строить иллюзии или квакать на болоте. Но – по правде! – нужно действовать, работать – головой и руками. Время сложное, но за нас оно само ничего не делает.

Омельчук: Почему ваша мечта сходить к Макарычу – потаенная? От себя таил?

Ярошенко: Потаенная. Я честно не верил, что она осуществится, что жизнь преподнесет такой подарок – приехать на родину Шукшина. Не верил. А почему мечта? Я деревенский. Шукшин – классик, это часть моей души, часть меня. Он – из любимейших писателей. Понимаю каждое его слово, каждый звук, каждое дыхание.

Александр Ярошенко – журналист «Российской газеты»

Омельчук: Классик или близкий человек?

Ярошенко: Симбиоз. С одной стороны посмотрю – классик, с другой – родной человек. Почти что батя.

Омельчук: А что больше всего в Шукшине подкупает?

Ярошенко: Он же пишет о маме моей, о тете Шуре, земле, тех людях, среди которых я вырос и благодаря которым стал тем, кем стал. Обо мне в конце концов.

Омельчук: Шукшин – магистрально: поиск правды?

Ярошенко: Наверно, да. Поиск правды именно каждого человека, не глобальной, не державно. Каждый ищет свою правду. Его жизнь – его правда. Правда разная, человеческая – земная и голыми пятками по земле хоженая. Чувствуется через пяточки-то вся правда шукшинская.

Омельчук: А правда Ярошенко?

Ярошенко: Ой, даже не знаю...

Омельчук: Ищу?

Ярошенко: Главная правда – человек.

Омельчук: Я или человек?

Ярошенко: Человек. Человек.

Омельчук: Другой?

Ярошенко: Другой. Что я со своим эгоизмом, со своей правдой? Моя правда – она такая: живу правдами других.

Омельчук: А что, разве правда отрицает эгоизм?

Ярошенко: Наверное, не отрицает. Всего намешано, как можно одной краской жизнь писать: черной, белой, оттенков тысячи.

Омельчук: Найду свою правду?

Ярошенко: Буду стараться.

Что оставляет после себя писатель?

Что остается после писателя?

Книги. Да, несомненно. Но что такое книга, которую никто не читает?

Пожалуй, главное, что остается – читатели.

Поколение за поколением, век за веком.

Они читают твои книги не по обязанности современника, каждому из них важно прочесть самому именно Шукшина.

Лидер Союза журналистов России Всеволод Богданов честно пристрастен: он любит Сибирь, а в Сибири – особенно Тюмень. Не стесняется своей пристрастности. Наверное, знает, за что можно любить Тюмень. Время действий в России – это и вчера, и сегодня – Тюмень.

Омельчук: Всеволод Леонидович, мы с вами так давно знакомы, что думаю, у меня есть право задать дурацкий вопрос. Что есть правда?

Богданов: Правда – суть профессии журналиста. Журналист пишет и должен найти истину, открыть ее. Вот правда любви – самая сильная, человек никогда не заставит себя соврать. Признание самое искреннее, самое мощное. Истина плюс любовь – вот правда.

Омельчук: А журналистика похожа на философию? Поиск истины у философа, поиск правды?

Богданов: Она должна быть такой. Найдя, обретя правду, истину, классические отечественные журналисты помогли обустроить жизнь обществу. Сегодня многие ушли от этого. Это беда. Общественное сознание вмиг обеднело, обнищало.

Омельчук: Нет у человека стремления к правде – нет журналиста?

Богданов: Сто процентов.

Омельчук: Мы с вами на родине Василия Шукшина. Были были знакомы?

Богданов: Очень мало. Но когда его не стало, я поехал в Сростки, ходил по этой горе, плакал. Это тот человек, у которого все повязано на правде и на любви.

Омельчук: Других примеров в мировой литературе – страстное желание правды – не припомните?

Богданов: Наверное, есть, но крошечно. Люди предпочитают иметь много денег, гарантии своей жизни. Не потому, что ты, Омельчук, приехал из своей любимой Тюмени, я тебе скажу, что то строительство, которое было: Ханты-Мансийск, Сургут, Нижневартовск, Тюмень – там удачное совпадение в том, что пришли люди не только в поисках нефти, но и правды, с большой любовью опять же. Они и теперь верят, что это их земля, их жизнь, их счастье только от них зависит. За что я люблю вас? Вспоминаю первую фразу, когда впервые к вам приехал: Толя, ты ее помнишь? Затюменилась Тюмень, занепогодилась. Что будет дальше, неизвестно. Прошли годы, это были 60-е, ушел век, новое тысячелетие, и я вижу оптимистичных людей, как ты, которые ищут в Сибири свою истину, свое счастье, свою радость. Это важно, это хлеб в журналистике. Ощущаю нехватку Шукшина в современной действительности России. С живым Шукшиным и России было построже, и мне. Он задавал нравственные ориентиры. С ним было построже и посветлее.

Омельчук: Перечитываешь Шукшина?

Богданов: По настроению.

Омельчук: Глоток правды?

Богданов: Глоток правды. Любви.

Он совсем недавно удостоен звания лауреата Государственной премии России – главной литературной премии страны. Он – писатель, литературовед, литературный критик, а еще – ведущий колумнист «Российской газеты». Его литературную колонку в ведущей газете страны, понятно же, читает каждый уважающий себя русский писатель. Так что не будет преувеличением назвать Павла Басинского (речь именно о нем) «главным ответственным за отечественную литературу в России». Неоценимое качество Басинского – он не входит ни в какой литературный лагерь, не тенденциозен, оценивает пишущих современников только с точки зрения качества их шедевров. Критик не злой, но строгий. Особым его вниманием пользуется литература за столичным Садовым кольцом, литературная провинция.

Но на Алтае у Шукшина Павел Басинский впервые.

Омельчук: Павел Валерьевич, вас Шукшин пригласил лично или в Сроствах по литературным обстоятельствам?

Басинский: Конечно, Василий Макарович. Только к Шукшину могут вместе собираться кинематографисты, писатели, актеры, проходить солидный кинофестиваль «Литературный перекресток». Я не знаю другого случая, чтобы режиссер, актер и писатель были равновелики в одном лице. Только Василий Макарович.

Омельчук: Вы с ним – на ты, на вы?

Басинский: Конечно, на вы. На вы. Я перед Шукшиным преклоняюсь.

Омельчук: Что ищет Басинский, открывая книгу Шукшина?

Басинский: Характеры. Моя любимая книга – «Характеры». Он гениально изображал русские характеры. Это моя любимая книга. Ему удавалось, как впервые Тургеневу в «Записках охотника», показать образы русских крестьян. Была сплошная масса, Шукшину удалось показать русские характеры: смешные, трагические, пронзительные, трогательные. Я у Шукшина ищу характер, русский характер.

Омельчук: Павел Валерьевич, правда есть?

Басинский: Правда есть. Только видит ее один Бог.

Омельчук: Русская правда есть?

Басинский: Русская правда тоже есть.

Омельчук: Ее видит только русский Бог?

Басинский: Нет, русского Бога нет. Я не язычник. Бог один. Он видит и русскую правду, и немецкую, всю правду видит.

Омельчук: Шукшин – это правда?

Басинский: Шукшин – это правда. Но и ее у него нужно разгадывать. Полагаю, он сам не знал всего, что изображал.

Омельчук: А в чем для вас правда Шукшина?

Басинский: В русском характере. Он искал русскую правду, мечтал о фильме про Степана Разина, чувствовал, что где-то здесь находится средоточие русской правды, бунта против несправедливости извечной, которая в русском народе всегда была. И остается, кстати говоря, до сих пор. Эта тема и сейчас актуальная, современная. Он русскую правду искал. Именно русскую.

Омельчук: Далеко ли будет от истины, если мы скажем, что Василий Макарыч – «святой Василий» русской литературы?

Басинский: Я такого не люблю. Писатель – не святой. Я занимаюсь Львом Толстым, его тоже пытались в святого произвести. Не люблю. Не люблю применительно к литературе. Литература не святая. В Шукшине есть и святая Русь, и не святая Русь. Этим он велик как писатель. Он не жития писал.

Омельчук: Творческая правда Шукшина шире, глубже, чем русская правда?

Басинский: Если вы начинаете глубоко погружаться в метафизику своего народа, нации, духа национального, неизбежно выходите за пределы. Это произошло у Достоевского, его правда становится всемирной. Карамзин говорил: народы суть мысли божьи, они все равны, как мысли одни. Но если ты глубоко погружаешься и честно это изображаешь – выходишь за пределы.

Омельчук: Бог творцу дает ровно столько, сколько положено. Шукшин все успел сказать?

Басинский: Шукшин тот случай, ему дано было дара сверх меры, таланта, энергии, силы внутренней. Если бы он еще 100 лет прожил, все равно все не смог бы сказать. В какой-то степени это приемлемо, потому что Шукшин загадку оставил. Он умер не высказавшись до конца, это совершенно очевидно.

Омельчук: К Макарычу на Пикет поднимались когда-нибудь?

Басинский: Впервые.

Омельчук: Здравствуй, Макарыч!

Басинский: Я и с Пушкиным не на дружеской ноге, и с Шукшиным. Я поклонюсь. Преклоняюсь.

Омельчук: И все-таки литература – это же в том числе игра?

Басинский: В какой-то степени да. Писатель тоже артист, поскольку он перевоплощается, когда пишет своих персонажей. Он не лицедей, не играет, а уходит вглубь них. Но момент артистизма есть.

Омельчук: Василий Макарыч не слишком ли серьезен – у него не чересчур всуерьез?

Басинский: Я вас умоляю! Шукшин как раз и в жизни часто играл человека из глубинки, который покоряет Москву. Сам в свое время покорял Москву, я родом из Волгограда, но все же не из деревни. Конечно, он играл. Он играл как раз в своем внешнем поведении, безусловно.

Омельчук: Не всуерьез?

Басинский: Трудно понять, он иногда юродствовал.

Омельчук: Юродство – это же глубочайшая мудрость?

Басинский: Ну да.

Омельчук: Наша русская мудрость?

Басинский: Конечно.

Омельчук: Неразгаданная?

Басинский: Да.

Омельчук: Гениален в нереализованном?
Басинский: Похоже.

гора Пикет, Алтай, село Сростки.

Анатолий Омельчук: Над Сибирью дымное марево. Над всей Сибирью марево уже много дней – от Урала до Байкала и Саян, дымная туманная дымка. Застит белый сибирский свет. Вчера здесь, на Пикете, шел беспробудный проливной дождь. Я к чему о погоде на фоне Василия Макаровича Шукшина? Мы с ним встречаемся не первый раз. Всегда как-то везло, на погоду можно было не обращать внимания, и небо голубое, и на миллион километров окрест видимость. Сегодня я подумал – когда сталкиваешься с непогодой – вот сидит один страж Сибири, льют проливные дожди, промозглые осенние, задувает сибирская пурга, весенняя слякоть, осенняя сырость, туманы, когда не видно даже родного села Сростки, а он сидит во все погоды. Студено, душно, жарко, хорошо по-сибирски, в любую погоду сидит, сторожит нашу с вами Сибирь, чтобы с ней, кроме погоды, все было благополучно и хорошо.

Еще раз задумываюсь о гениальности замысла авторов памятника Шукшину на горе Пикет – это и выдающийся скульптор Вячеслав Клыков, и инициатор этого памятника, меценат Сергей Козубенко. Это ж надо выбрать лучшее на всю Сибирь до берегов Тихого океана место! Я бы сказал – гениальное место. Они здесь друг другу созвучны и соразмерны. Гениальный сибиряк, великий русский писатель Василий Макарович Шукшин и эта, казалось бы, обычная гора Пикет. Не было Шукшина здесь – была рядовая гора. Появился Шукшин, простой сибирский мужик, и гора приобрела сакральное значение.

Наверное, во всем мире невозможно найти такое естественное сочетание. Они встретились здесь так естественно. И не потому что Сростки – его родина, они должны были встретиться. Я догадываюсь и понимаю, что Василий Шукшин – такое же природное произведение сибирской природы. Часовой правды, вечный страж правды – в Сибири все должно быть хорошо.

Не стану советовать открыть или перечесть книги Василия Шукшина. Каждый делает это сам, если захочет. Книга – только по любви. Когда для человека приходит время правды, приходит и время открыть книгу писателя с Пикета.

А на Алтай надо съездить непременно. Помимо всего прочего, этот российский Эдем еще и родина отдельного сибирского человечества.

Вы сибиряк?

Родину надо знать.

По правде.

Александр МИЩЕНКО

Герои мемориального города

Нынешними мыслями я в мемориальном городе, в котором странно порою чувствуешь себя. Как в музее. Идешь мимо Главтюменьгеологии, в бронзе стоит он навечно у громады гранитного камня. А напротив изваяние на постаменте Бориса Евдокимовича Щербины. Два мемориальных ныне героя будто приветствуют друг друга и родной город. От постамента с бюстом Щербины рукой подать до бывшей его резиденции – обкома партии. Молва донесла до центра России, что на крыльцо его захаживали медведи. Но это молва.

В редакцию к нам пришла одна девушка с письмом от родителей. Мама писала: «До слез довела нас с отцом весть о медведях в Тюмени, что почитают обком партии. А тут еще у соседней горе. Санька их, ты его знала, попал после МГУ на Дальний Восток. Работал на метеостанции на Шантарях в Охотском море, и там его растерзал в тайге медведь. Остались целенькие лишь резиновые сапоги. Дедушка не выдержал, умер от разрыва сердца. Ты у нас одна, доченька, случись что – не переживем. Осторожничай там с медведями...»

Но вот факт доподлинный. Выходит Щербина из обкома после работы, и над ним заносит руку какой-то пьяный мужик. Борис Евдокимович резким ударом уложил его на асфальт, тот, отряхнувшись, трусливо засеменил прочь от опасного места, а Щербина спокойно пошагал домой. Ему не была потребна охрана от родного народа. Был он человек смелый. Широко известный факт, как Борис Евдокимович мужественно ринулся на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы. Три инфаркта после Припяти – все равно что три ордена Мужества (последний посмертно) великому тюменцу.

Но нам, писателям, Щербина особенно дорог как создатель нашей писательской организации. Во главу угла партийных дел своих ставил заботы писателей, самолично решая этот вопрос в Союзе писателей. Был он инициатором (вместе с Георгием Мокеевичем Марковым) и душой праздников советской литературы в Тюменской области, и многих именитых мастеров слова я встретил впервые на «тюменском меридиане».

О Борисе Евдокимовиче я сейчас часто вспоминаю.

В писательстве есть острые проблемы. Осязаеть предметно их. Прозабяют же ныне многие именитые даже писатели, кто не умеет вертеться в бизнес-делах. А в писательстве долюшка – кланяться спонсорам, добывая деньги на издание книг. Я лично на себе испытал все это.

Я написал эпический роман «Байкал: новое измерение» о нашей жизни, о Мироздании, радужном человеческом веществе. Государству, властям мы не нужны, хотя от писателей во многом зависит, какого человека вырастит страна. В Белгороде, где писателями рулит Володя Молчанов, товарищ мой по пицундскому семинару «пятидесятилетних», где нас чохом, человек сорок сразу приняли в Союз писателей России, проявляют истинную заботу о письменниках. По три тыщи рублей положили стипендию каждому члену Союза. А у нас, в самой богатой в России Тюменской области, передовой по отдельным государственным показателям кукиша с маслом только и можно дожидаться. Зато прожужжали уши про ИННОВАЦИИ... И ведь знают о такой проблеме у нас власти предрержащие. Один властитель без обиняков заявил: «Нас народ не поймет, если будем помогать вам, писателям, тратить государственные деньги...» – так оглуляют народ. А Щербину понимали...

Писатель, что воспринимает народные боли как собственные – достояние страны, и его надо беречь. Но не берегут, как не берегут природу,

пишу же я в своих романах о браконьерах, что ведут охоту на тех же лосей с вертолетов. Глядя, однако, на проблему шире, видишь, это идет охота уже на весь земной шар, он стал подранком... Хотя есть такая организация, как «Лукойл», которая во главу угла ставит заботу о сохранении и приумножении природных богатств. Но тут речь конкретно о писателях. Сейчас у нас новый губернатор – Александр Моор. Что ожидать от него? Некогда сам первый секретарь обкома КПСС Борис Евдокимович Щербина стал, по сути, основателем региональной Тюменской писательской организации. При нем бы писатели-пенсионеры у нас не прозябали и были бы мастера слова правой рукой властей в решении государственных дел нефтегазовой житницы страны. Выйди сейчас к трибуне Иван Михайлович Ермаков, один из отцов нашей организации, командир штурмовой роты, великий писатель, знаток и ревнитель звонкого русского слова – что бы он сказал? Он имеет право упрекнуть нас в ловком уходе от раздражающих душу проблем, нежелании заниматься судьбами своих современников, а Ермаков делал это великолепно.

Помню заботу Ивана Михайловича про огурцы. Смешно, да? За то душа его болела, что детишки героев труда на Самотлоре, который тогда только начали разрабатывать, огурчика не могут съесть. И писал он в прессе о том, чтобы там создавали тепличные хозяйства. Настолько заболел проблемой писатель, что снилось ему однажды, как рассказывал он нам, журналятам, что огурцы устроили восстание, что маршировали они стройными колоннами по Красной площади и кричали: «Хотим на Самотлор! Там мы нужны людям! Услышьте нас, правители». Услышали, слава богу, стали разводить огурчики и в Нижневартовске. А нам, молодым гвардейцам пера, он говорил: «Ребята, бросьте все свои дела и езжайте туда. На Самотлоре решается судьба Отечества». Тем, что поехал я туда и стал работать помбуром, а потом написал наделавший много шума и грома очерк «Жаркий Самотлор», который опубликовали в журнале «Молодая Гвардия», я обязан исключительно своему старшему другу. Этот очерк в конце концов, вырастая как бы сам из себя, стал романом «Самотлорский Спартак», в котором излил я свою боль, что стала Россия сегодня страной невостребованного интеллекта... Он надрал бы уши тем, кто присосался к власти и вышел в состоятельные люди. Он бы напомнил, что и в его времена близость к власти и холуйство вытраивала из писателя остатки божьего дарования. Он бы спросил, как мы допустили, что из школьной программы изгнан весь сбор великих русских писателей, но отведено место мелким и преданным...

Проснулся сегодня после долгих витаний во сне над кварталами Тюмени на птичьих высотах. Легко, по-чаячи сквозил через закаты, видел чайчиными глазами восходы, облака, звезды собственной судьбы и истории города, который жил вместе с бурной эпохой, что переливается ныне в строки мемуаралов, салютующих как бы недавнему прошлому и волнам нового времени.

Эрвье – эхо минувшего века, которое долго еще будет пролучиваться в новое тысячелетие. Это легенда Западной Сибири и всего Отечества нашего...

Мальчик стоял у окна и глядел на горы. Не раз это было, конечно. Его биография написала потом, что в яркой голубизне неба их вершины – бурые, серые, сизые – казались очень близкими. Даже до белоснежной шапки Казбека рукой подать... А дальше звучал банальный мотив «восхождения к вершинам»...

Он сам, Рауль-Юрий Георгиевич Эрвье, давал трактовку своей судьбы по радио в соответствии с духом времени так: «Предки мои (голос с пленки) в поисках лучшей доли приехали в Россию из Франции в 60-х годах прошлого века. Отец мой родился и вырос уже на русской земле. В семье кроме меня

было еще четверо детей». Потом он повествует, что как подросток в 20-е годы работал подмастерьем на мыловаренном заводе. Окончил затем рабфак и уехал в Узбекистан. На крыше вагона уехал. «В те годы меня постоянно тянуло в новые, неизведанные дали», – не дает увильнуть мне в фантазии пленка. Эта фраза – существенна. Да, речь идет о тяге к пространствам. Из Франции в Россию. Думаю, что на парижских меридианах материально род Эрвье не страдал. К такой мысли приходишь, знакомясь с тифлисскими его страницами.

Листаю старые, подлинные документы, из которых так или иначе явствует, что Эрвье – граждане уважаемые, состоятельные, водят дружбу с князьями, дворянами, влиятельные в делах купеческих, владеют участком нефтеносной земли, на котором развернули промысел, и качают нефть... Она изначальна в судьбе выдающегося геолога современной России. Судьба его пахнет нефтью...

В письме к императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, «верноподданный обыватель» города Тифлиса Иван Иванович Эрвье (Жан Эрвье) пишет: «Приехав и поселившись в России в 1850 году, проживая все время среди русских людей, я настолько с ними сроднился и полюбил Россию, что в 1896 году принял ее подданство». Еще до этого «его высокоблагородие» Жан Эрвье имел счастье оказать некоторые услуги своему новому отечеству, восстановить образцовый порядок ведения промышленности в Закавказье. Избран был в Гласные Городского собрания. Представлен Государю Императору Александру Николаевичу во время его приезда в Тифлис. Вознагражден за добросовестное исполнение обязанностей Гласного с «пользою для города и за производство значительной заграничной торговли» золотой медалью «За усердие» на ленте Св. Станислава. Лицезрел я и Грамоту его Императорского Величества Жану Эрвье, которой удостоверялось награждение его этим выдающимся знаком отличия в Российском государстве. Кроме того, Жан Эрвье, являясь французским подданным, был награжден Персидским орденом Льва и Солнца III степени, русским орденом Станислава 3-го класса и серебряной медалью на ленте Владимира 2-го класса.

В общем, как я понял, Жаном Эрвье владела тяга к простору для своей души, к пространствам. Их генно восприняли его сын Георгий, внук Рауль-Юрий Эрвье. Достатка во Франции роду Эрвье, ясно, хватало. Но тесно там было. Тесно и нынешним немцам-туристам, которые, плывя круизным теплоходом по Иртышу и Оби в Салехард, осознавать начинают, что пространства поймешь только там, где на десятки, а то и сотни верст человека не встретить, признаков жилья не увидеть. Пространство ж – пути вселенские. Этот, к примеру: «Туча в небе... разорвалась на пышные темные куски, и они медленно расплзлись в пространстве, открывая голубые пятна неба со звездами» (Горький).

И вот – Россия в судьбе Эрвье. Пространства ее и катаклизмы мирового, так сказать, уровня, которые и привели к тому, что попал в России советской Рауль-Юрий в мыловары... А гены свое брали...

Тюмень – знаковый город в моей личной судьбе, в которую вписаны неврозам застуженных сосудов (оттого и подволакиваю сейчас одну ногу) изыскания газопровода Игрим – Серов, а также областная молодежная газета, друг мой сокровенный поэт и геолог Ваня Лысцов, здание Геологического управления близ улицы Первомайской и встречаемый близ него иногда шагающий твердой своей походкой и с каким-то геологическим блеском темных глаз Юрий Георгиевич Эрвье. Романтики были мы, к черту на рога готовы лететь, идти и ползти. Об удобствах каких-то не думалось.

В друзьях у Эрвье были Георгий Мокеевич Марков, Борис Вахнюк, Ян Френкель и кавалерственная Алла Пугачева, которая при всем при том никогда не забывала поздравить семейство Эрвье с праздниками... Внимательным был Эрвье человеком, участливым и .. твердо-кремнистым. Думаю, какова же его роль как одного из ведущих первооткрывателей тюменской нефти? Он сказал, что богатства России приращиваться будут Сибирью? Нет, Михайло Ломоносов. Кто предсказал в 30-х годах, что на Западно-Сибирской низменности обязательно будут найдены месторождения углеводородов? И.М. Губкин.

Эрвье что? Его «позвали», «пригласили», ему «сообщили», что некие легендарные ныне скважины дали газ и нефть. Протыкали остриями долот слоеный пирог пластов Западно-Сибирской низменности как бы вслепую. Сеть опорных скважин, где чуялся запах «нефти», не он разрабатывал. И все-таки Ю.Г. Эрвье – «один из пионеров открытия месторождений нефти и газа в Западной Сибири», «стоял у истоков Открытия», «был одним из руководителей судьбоносных для России поисковых работ»...

В чем дело? Кстати, и Губкин говорил о «восточных склонах Урала». Да, он углядел, как аналитик закономерности распределения юрских отложений. Но опять же от «широты Орска через Челябинск до Надеждинского завода Богословского района и дальше к северу – за пределы Полярного Урала»... Несколько утрируя, естественно, обстановку, можно сказать, что с «тюменским меридианом», так или иначе, ствольным таким нервом древнего моря академик как бы «проштыкнулся»...

Эрвье – явление мировое, как и месторождения нефти и газа в Западной Сибири. О нем еще будут писать, говорить, вспоминать. Вот один лишь взгляд на руководимую Эрвье Главтюменьгеологию: «Это талантливо слепленная из обломков разрозненных геологических и геофизических служб организация, самая крупная в мире – по подготовке сырьевой базы нефти и газа. Такие известные международные нефтегазовые гиганты, как ШЕЛЛ, ЭКСОН, ШЕВРОН, АМОКО, БРИТИШ ПЕТРОЛЕУМ и другие выглядели по сравнению с Главтюменьгеологией карликами». Таково мнение академика И.И. Нестерова, я солидарен с мыслью Нестерова, что на грани смены тысячелетий «величайшей понимаются люди, обогатившие Россию и ее народ крупнейшими открытиями века, преданные своей Родине и глубоко верившие в ее будущее».

Познакомлю читателей и с суждениями об Эрвье лауреата Ленинской премии Альберта Григорьевича Юдина, земляка моего по городу техникумовской юности Саратову: «В пору расцвета Главтюменьгеология представляла собой мощную организационную структуру, в составе которой насчитывалось только по основным видам работ (бурение, геофизические работы) 9 объединений, в том числе два – по производству полевых геофизических работ, геофизический трест по производству промыслово-геофизических исследований скважин. Общее количество нефтеразведочных, геофизических экспедиций, экспедиций по испытанию скважин, вышкомонтажных контор достигало 50.

Ю.Г. Эрвье был не только талантливым организатором производства работ. Он отличался нестандартным видением и подходом к решению чисто геологических проблем.

В годы развития геологоразведочных работ в Березовском газодобывающем районе (1955–1966), была установлена одна особенность в геологическом строении месторождений. Практически все поднятия, к которым были приурочены месторождения газа, имели «лысый» свод, то есть в их сводовой части отсутствовал продуктивный пласт и скважины оказывались

пустыми, они вскрывали только породы фундамента (граниты, гнейсы). Газовые залежи вскрывались второй, третьей скважинами, когда добирались до песчаного пласта на погруженной части структуры.

Геологи все-таки продолжали действовать по классическому методу, закладывая первые скважины в своде структур. И Эрвье тогда справедливо критиковал, он первый обратил внимание на эту – в данных условиях – методическую несуразность и предложил бурить первые скважины в присводовой погруженной части, где вероятность вскрытия продуктивного пласта была выше».

Как вспоминает заслуженный геолог Российской Федерации, доктор наук Ф.Г. Гурари, Юрий Георгиевич был большим противником опорного бурения. Почему? Сам Эрвье пишет в своей книге «Сибирские горизонты», что скважины, задаваемые по этому плану, были не чем иным, как «дикими кошками»: они бурились вслепую, без геолого-геофизических обоснований. Такова была Покурская скважина, которую пробурили в 1953 году. «Если бы она задавалась по данным геофизики, она бы, – утверждает Юрий Георгиевич, – безусловно, открыла бы нефть. И случилось бы это за семь лет до открытия ее в Мегроне». Но что такое семь лет в бурной истории поиска тюменской нефти, разведав месторождения которой, геологи существенно повлияли не только на судьбу России, но и на судьбы всего мира? Думаю, что современная история могла бы иметь другое течение, другое русло могла бы пробить моя страна в эволюционном своем развитии, неостановимом движении в будущее. Но все в стране однозначно пошло по курсу смуты. И в этом есть влияние «переоценки значения опорного бурения и недооценки предварительного изучения территории региональными геофизическими методами» (Эрвье).

– Когда долбанул фонтан в Тарко-Сале, – рассказывал геофизик, заместитель Эрвье по общим вопросам Юрий Яковлевич Крючков журналисту Лене Ткачуку, – двести дней бушевало пламя. Пока Григорьев не утихомирил его боковой скважиной, без жертв. Много тогда таких происшествий было... Еще одну не затушили. Помню, как газануло в Тазовском у Подшибякина. Без возгорания, правда. Эрвье вертолетом – сразу же туда. И едва не приземлились прямо... в скважину. Буквально в последний момент отвернул пилот в сторону. Не подкинул искру. Чуть было не сгорели мы всей компанией вместе с заместителем министра, Эрвье и Подшибякиным...

Был и еще один памятный фонтан. О нем рассказал в газете Виктор Редикульцев, которому довелось встретиться с Эрвье в Сургутском аэропорту.

Юрий Георгиевич летел с Ямала, с аварийного газового фонтана. «Прилетел вертолетом, – рассказывал он Редикульцеву, – а до рейса на Тюмень еще есть время, вот пережидая. Из экспедиции не стал никого вызывать, дождусь один...» Благо, что подвернулся собеседник, с которым можно было скоротать время.

Поняв это, Редикульцев решил составить ему компанию. Эрвье стал рассказывать о фонтане:

«Это Пурпейское поднятие на реке Пяку-Пур. Все выполнялось правильно. Прошли бурением первые 700 метров – нормально. Стали входить в горизонты сеномана – он ведь здесь, в Сургуте, имеет водяные пласты, причем очень хорошие дебиты... Мы и не подозревали, что там может быть газ. Бригада без всяких остережений пошла с бурением глубже. И вдруг вышку затрясло. Вахта – врассыпную. Разбежались, один буровик успел сбежать за фотоаппаратом... И тут как рвануло... Все 750 метров труб выбросило наверх, где-то метров на 200... Это мне бурильщики и помбуры рассказывали...»

Юрий Георгиевич достал из внутреннего кармана фото и показал собеседнику: действительно, трубы разбросаны, искорежены.

«Вот так, – сказал Эрвье, – сеноман на Пурпейской площади показал свой норв. Авария сильнейшая, пожар бушует».

Сын Эрвье Саша был в числе тех, кто тушил газовые пожары. Показывал он мне фотоснимки. Впечатляют. На войне такое редко увидишь. Космичное клубление багрового огня и дыма. Вспыхнувший этот факел взвился метров на 150. Это был самый мощный и яростный аварийный фонтан. За сутки в нем сгорало до 10 млн. кубометров газа. И бушевал он шесть с половиной месяцев.

«Теперь полечу организовывать авиацию, – сказал Эрвье. – Надо завозить туда очень много оборудования, горючего. Бригаде Григорьева работы будет, наверное, на месяц-два».

Редикульцев видел, как переживал Эрвье и за бригаду, в которой произошло ЧП, и за бригаду, которой придется устранять последствия аварии. Он тогда переживал за всю геологическую службу – как же всех подкузьмил сеноман. Ему нужно было по-отцовски успокоить тех, кто был причастен к огненному фонтану, и организовать его ликвидацию. Уже садясь в самолет, Юрий Георгиевич сказал Редикульцеву: «Хорошо, что я тебя встретил, хоть разрядился немного».

Три константы являют основные особенности жизни, и это – обмен веществ, смена энергии и форма системы или «морфа», морфология. Космичное это явление митохондрия. Так вот задумана она во Вселенной...

На вечный плюс такой должны работать и мы, писатели! А от несовершенств всяких пусть крепче мускулатура будет у нас и наших героев.

Геннадий САЗОНОВ

Гении русского царства

О духе, философии, делах
благотворительного фонда
«Возрождение Тобольска»
беседа с руководителем –

Аркадием ЕЛФИМОВЫМ

Начнем, пожалуй, с радостного и яркого события, случившегося в Москве 3 июня 2019 года. На книжном фестивале «Красная площадь», который, к удивлению многих, подтвердил, что Россия остается страной читающей, подвели итоги общероссийского конкурса «Лучшие книги года».

Эксперты оценивали более 700 изданий из пятидесяти с лишним регионов. Выбрать наиболее значимые из книг, представленных на фестивале, было, поверьте, непросто.

В «поединке» издателей победу одержал фонд «Возрождение Тобольска» – ему присудили Гран-при конкурса «Лучшие книги 2018 года» в номинации «Книга, ставшая событием года» за четырехтомный выпуск альманаха «Тобольск и вся Сибирь» (№ 28), посвященный истории Северного морского пути и освоения русскими первопроходцами Арктики.

Награда – достойная. Это действительно великий труд коллектива единомышленников – писателей, историков, исследователей.

Ничего подобного у нас в стране до сих пор не было.

НАД КРУТЫМ ЯРОМ ИРТЫША

Подумалось: наверно, дело не обошлось без вмешательства «небесных сил». Тех самых «сил», что изначально помогли малому войску атамана Ермака одолеть тьмы ратников хана Кучума...

Над крутым яром Иртыша поднялся красивый Ангел. Он поражает воображение простотой, красотой и величием.

И, полагаю, Ангел незримо «сопровождает» всех, кто причастен к фонду, в их добрых начинаниях.

– Аркадий Григорьевич, как и почему возникла на берегу Иртыша чудная скульптура?

– На этом месте, когда мы взялись за создание ботанического парка «Ермаково поле», зияла большая яма. С архитектором Алексеем Витальевичем Белоусовым решили использовать ее и на площадке поставить беседку в двух уровнях. Почему в двух? Это символически отражает Тобольск: он имеет подгорную часть и верхнюю, на горе.

А вот Ангела придумали не мы, он идет от нашего великого сибирского ученого Семена Ульяновича Ремезова. В трудах Ремезова я познакомился со многими литературными образами – яркими, своеобразными.

Ученый отмечал, что называть Тобольск каким-то женским именем, то есть давать ему ласковые или нежные определения, – это «скотозаблудно и скверножительно».

И он сам, будучи творческой личностью, нашел оригинальное сравнение: Тобольск – Ангел, Ангел небесной красоты. Именно ремезовский образ мы постарались воплотить. На правой ладони Ангела лежит подгорная часть, бок Ангела – крутой яр Иртыша, одно крыло Ангела через Курдюмку – туда, другое – сюда.

У Ремезова образ простирается на всю Сибирь. Он считал, что Тобольск – Ангел всей Сибири, думаю, на самом деле так оно и есть.

– **Фигура Ангела своеобразная: ножки маленькие, талия длинная, мощный торс как бы устремлен высь. Как его оценили ваши гости?**

– Да, мне часто задают подобный вопрос. Я отвечаю: «Во-первых, Ангел – существо бестелесное, каждый представляет его по-своему. Во-вторых, фигура – творческое создание скульптора, он имеет право на свое видение».

Сюда приезжал Василий Дворцов, он же, кроме того, что поэт и прозаик, еще и художник, иконописец. Когда увидел Ангела, то воскликнул: «Как мощно! Низкая часть, и такой выстрел вверх!»

Писатель Анатолий Байбородин, он приезжал из Иркутска, главный редактор журнала «Сибирь», сказал про Ангела: «В скифских курганчиках как раз были женские фигуры, очень похожие на вашего Ангела».

Могу добавить к его мнению. Я был на Мальте, видел исторические раскопки, там были подобные фигурки.

Самая главная оценка Ангела для меня прозвучала неожиданно.

Приезжал из Омска Владимир Федорович Чирков, замечательный искусствовед, я ему помогал издавать словарь по искусству Сибири, он работал над ним 43 года. Уникальный словарь Чиркова был отмечен Золотой медалью Академии художеств.

Подожли к Ангелу, постояли. Я рассказал Владимиру Федоровичу историю создания скульптуры и беседки, поведал о Ремезове...

После, когда возвращались, он раз пять или шесть все оглядывался. «Ребята, как вы сделали! Как поставили! Слов нет!»

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Вспомню народную мудрость: «Нет худа без добра».

Так и тут получилось в «90-е лихие».

Нашлись в городе неравнодушные люди, создали общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». Его основателем стал Аркадий Елфимов, он прошел школу руководителя крупной строительной организации в Тюменском регионе, а также председателя исполнительного комитета городского совета народных депутатов Тобольска.

– Я не хочу, чтоб моим детям, внукам или правнукам пришлось жить в «духовном концлагере» или «в цифровом загоне», где только деньги, деньги, корысть, стяжательство и ничего светлого.

Такого допустить нельзя!

Для чего мы образовали фонд в слишком тяжелые дни? В те дни, когда многие в стране забывали собственную историю, стали превращаться в слепцов, потребителей, погруженных в суету и апатию?

Хоть кричи «караул» и посыпай голову пеплом!

Но за спиной у нас – великая страна, веками возделанная великими предками, они для нас – опора и источник надежд.

Отвечу однозначно: мы хотели противостоять разрушающей душу и сердце «массовой культуре», по сути, бездуховной и безнравственной. В то время, помните, хлынули потоки всяких мерзостей на страницы

газет, в передачах телевидения и радио, со всяких трибун поливали грязью русскую и советскую историю. Русофобия стала отличительной чертой повседневности едва ли не на всех уровнях общественного бытия.

Мы заявили о «Возрождении Тобольска». Но, конечно, разумели одновременно и возрождение всей Сибири, да и возрождение в целом России на родной почве. В то время, помните, все тащили с Запада: систему политического устройства, судебную систему, модель «рыночной экономики», заменяли свою систему образования иностранной, то есть, как говорил классик русской литературы Василий Иванович Белов, «впали в чужебесие».

И, как никогда прежде, встал вопрос: либо мы возвращаемся к национальным корням, русской самобытности, либо теряем себя как народ. Не допустить последнего – философская суть и магистральная задача фонда «Возрождение Тобольска».

– Когда искусственно расчленили Советский Союз, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, обращаясь к патриотам, писал: «Ныне главной задачей всех, кто болеет душой за поруганную Россию, должно стать восстановление преемственности русской жизни. На протяжении почти десяти веков русское общество развивалось (несмотря на многочисленные попытки помешать этому) последовательно и гармонично.

– Мне близки чаяния митрополита Иоанна, выдающегося русского церковнослужителя. Его мысли дороги еще и потому, что Тобольск – духовный центр, откуда шел свет Православия во все стороны – до Тихого океана, степей Казахстана и мерзлой тундры Якутии.

Поэтому, когда двадцать пять лет назад я возглавил фонд, то мы определили главную цель – просветительскую деятельность. Хотелось рассказать не только тоболякам, но и всем жителям России, об уникальном историческом и духовном наследии наших сибиряков, в том числе и жителей города Тобольска.

Как говорится, не одним днем строилась Москва, и у нас не все сразу получалось, как хотелось. Взяв за основу Устав Российского фонда культуры, я за день написал Устав общественного благотворительного фонда, а после предложил девяти уважаемым людям стать учредителями, а сам был десятым. Правда, когда уже прошла регистрация и мы взялись за конкретные дела, то я понял: «основную лямку» придется тянуть мне.

Хочу сразу подчеркнуть, что мы не рассчитывали на помощь властных структур, а полагались на собственные силы и поддержку благотворителей, в основном, наших местных предпринимателей.

– **Аркадий Григорьевич, ваша позиция напоминает мне фонд поддержки русской науки, который был создан на средства вологодского купца Христофора Леденцова в 1909 году и за десять лет существования вывел русскую науку на передовые позиции в мире практически по всем направлениям.**

Таких выдающихся ученых, как нейрохирург Иван Павлов, академик Владимир Вернадский, профессора-физики Николай Умов и Петр Лебедев, а также и многих других, леденцовский фонд привлекал «отсутствием опеки чиновников», то есть полной творческой самостоятельностью.

– Высокая честь для нас соотносить практику нашего фонда с «Леденцовским обществом», наши успехи намного скромнее. Это все-таки разные структуры, да и время иное. Хотя цель у «Леденцовского общества» и у

фонда «Возрождение Тобольска» одинаковая – служить Отечеству, русскому народу.

– Так сложилось, что я с государством «в игры не играю». Почему? У государства иная идеологическая политика. В течение четверти века, пока действует фонд «Возрождения Тобольска», в стране продолжалось разрушение того, что мы называем социокультурным кодом, ядром русской цивилизации – родного языка, веры, морали, нравственных принципов, исторической памяти, любви к Отечеству.

Если это кому-то нравится, то мне – нет.

– Да, я был бы рад привлечь средства из бюджета для благой цели, скажем, издания книги на русскую тему. Но знаю, что все равно не дадут. А ходить с протянутой рукой по чиновникам, сидеть в приемных – себе дороже. А про так называемые гранты даже не заикаюсь – устанешь собирать и писать всякие бумаги, чтобы оформить заявку...

– **Аркадий Григорьевич, вы очень точно заметили о разрушении традиционных русских ценностей, это происходило и продолжает происходить при поддержке правящих либералов.**

В частности, в моде грубое искажение истории Отечества. Так, моральным уродом, извергом изобразил режиссер Павел Лунгин первого русского православного царя Ивана Васильевича в фильме «Царь».

Для чего? Чтобы вызвать отвращение у русских к русскому великому деятелю.

Иван Грозный в несколько раз увеличил границы государства, разбил остатки Золотой Орды, основал более сотни городов и крепостей, боролся за истинное Православие. В октябре 2016 года в городе Орле открыли первый в России ему памятник, Орел был основан по Указу Ивана IV в 1566 году. Но в создании и установке памятника государство не участвовало (!!!), все было сделано на средства благотворителей.

Зато на Олимпиаду в Сочи государство потратило фантастические суммы...

– Я бы добавил к Олимпиаде и проходивший в 2018 году чемпионат мира по футболу. Во что он обошелся стране? О том почему-то умалчивают. Недавно услышал цифры, меня они просто потрясли. На парк «Зарядье», что разбили на месте бывшей гостиницы «Россия» в Москве, потратили 14 миллиардов рублей – годовой бюджет десятка субъектов Федерации. О том сказал в своем выступлении Н.Н. Платошкин, в частности, назвал годовой бюджет Рязанской области – 7 миллиардов, Смоленской области – 5 миллиардов рублей.

Запугивание людей «жестоким» Иваном Грозным – избитый прием русофобов. Достаточно было лишь победы войска Ивана Васильевича в сражении при Молодях с крымским ханом Гиреем и «представителями мирового сообщества» в войске хана, чтобы имя Ивана Грозного навечно было вписано золотом в историю России. Это великая битва!

Я уже не говорю о многих и многих других достижениях выдающегося деятеля Руси – царя Ивана Васильевича Грозного. Можно привести в пример Земские соборы, их созывали по инициативе царя. Они представляли всю «Землю Русскую», то есть верховная власть искала опоры в народе.

Давайте задумаемся в очевидную истину.

Если бы не было мощной, кипучей, результативной деятельности Ивана Васильевича на царственном троне, то и не было бы государства под названием «Великая Русь». Нас с вами и всех вместе просто не было бы!

Об этом забывают многие и многие!

Откуда у них «дремучее» беспамятство?!

– Беспамятство – опасное явление, мы слишком беспечны, о чем не раз предупреждал все общество Валентин Григорьевич Распутин. «Забываем, забываем, будто свай забываем, чтобы строить новый дом», – говорил о забвении ленинградский поэт Вадим Шефнер.

Но можно ли построить новый дом на «забвении»? Нет, разумеется, не построишь. Если свернуть с пути русских традиций, веками выработанных народом, то можно оказаться в глухом тупике.

С другой стороны, иногда в «герои» записывают литературных персонажей, возводя их на пьедестал. Так у нас поступают с Коньком-Горбунком Петра Ершова. Я очень люблю и саму сказку, и в целом творчество Петра Павловича. Тем более, что в Тобольске он обрел место вечного упокоения, а перед Тобольским кремлем стоит совершенно замечательный памятник работы М.В. Переяславца.

И все же, думаю, для тоболяков, для всех сибиряков главный герой – атаман Алексей Тимофеевич Ермак.

Не будь его, были бы мы, русские, в Сибири?

Очень сомневаюсь, наверное, и не были бы!

ДИВНЫЕ ГЕНИИ ИЗ РУССКОГО ЦАРСТВА

Тобольск – кладезь великих имен, каждое из которых оставило мощный неповторимый след в истории Руси. И, пожалуй, на первом и самом почетном месте сияет имя Семена Ульяновича Ремезова, про него тоболяки могут сказать: «Он – наше все!»

– **Аркадий Григорьевич, известно, что фонд изрядно способствовал увековечению памяти С.У. Ремезова и пропаганде его уникального наследия, расскажите подробности.**

– О Семене Ульяновиче Ремезове, великом представителе русского народа, могу говорить много и долго, хотя в моей жизни он появился неожиданно. От отца мне перешла книга Леонида Гольденберга «Семен Ульянович Ремезов: Сибирский картограф и географ», с надписью от родителя: «Книга заслуживает самого высокого уважения для повседневного пользования. Гр. Елфимов».

Известный академик Дмитрий Лихачев отмечал, что в начале XVIII века среди мировых ученых имен – С.У. Ремезов первый. Без всякого сомнения, его труды – памятники всемирного значения, теперь они введены в научный оборот – в том заслуга фонда.

Замечательные ученые из Новосибирска Елена Дергачева-Скоп и Владимир Алексеев предложили переиздать «Сибирскую летопись» С.У. Ремезова о походе Ермака, мы эту идею реализовали.

Помню, как в год 400-летия Тобольска пришли ко мне тоболяки: «Скоро 350 лет со дня рождения Ремезова, надо бы привлечь Олега Константиновича Комова, одного из лучших тогда скульпторов Советского Союза, и сделать памятник». «Хорошо!» – ответил я.

И вскоре в кремле Тобольска встал памятник С.У. Ремезову, созданный Олегом Комовым.

Горжусь тем, что это единственный комовский монумент от Урала до Тихого океана. В европейской части России есть немало скульптурных работ Олега Константиновича, а в Сибири наш – единственный.

Заслуживает отдельного большого разговора история того, как при содействии фонда были введены в научный и повседневный оборот главные труды Семена Ульяновича Ремезова. Кроме упомянутой «Сибирской

летописи», мы издали «Чертежную книгу Сибири» (1701 год), первый русский атлас, «Служебную чертежную книгу» (своеобразный рабочий дневник Ремезова) и, наконец, «Хорографическую книгу». Во времена Ремезова хорография означала географию конкретной территории. Двенадцать лет я ее доставал из США, вел переписку с Гарвардским университетом. Книга была украдена из молодой советской республики и вывезена в Европу известным в то время картографом Лео Багровым. Из Европы книга попала в Гуфтоновскую библиотеку университета в Гарварде. Американцы понимали, что хранят украденную вещь, долго не подпускали нас к ней даже близко. В итоге мы заплатили полмиллиона рублей за реставрацию рукописи и сканирование, и нам из Гарварда прислали полную цифровую копию. После этого еще два года велась расшифровка топонимии, содержащейся в «Хорографической книге».

– **Фонд «Возрождение Тобольска» не обходит вниманием и других именитых земляков...**

– Да, стараемся никого не забыть из тех, кто прославил Тобольск.

Имя великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева известно во всем мире. Но далеко не все знают, что он родился в Тобольске 27 января 1834 года в семье директора Тобольской гимназии и училищ Тобольского округа Ивана Павловича Менделеева и его законной жены Марии Дмитриевны 17-м ребенком.

Путь в науку для Менделеева был трудным, но он прошел его с честью. Дмитрий Иванович – истинный энциклопедист, его научные интересы – химия, физика, геология, метрология, а также экономика, причем конкретная.

Ну, и самое главное – великий ученый был государственным и философом, о чем многие сегодня просто забыли. Мы сняли «пелену забвения» с этой части творческого наследия Дмитрия Ивановича.

Фонд издал двухтомник «Философское наследие Д.И. Менделеева», а также изготовил памятную медаль в его честь.

– **На мой взгляд, издание философских трудов ученого – очень ценная инициатива фонда. У нас в школах и вузах ученикам и студентам до сих пор «забывают» головы философами-западниками, как будто они – «свет в окошке».**

Хотя наши отечественные мыслители, в том числе и Дмитрий Иванович Менделеев, более глубокие, более масштабные, они создавали «русский космизм».

– Ассамблея ООН назвала 2019-й Годом периодической таблицы, но забыли отметить, что это – таблица Менделеева. Я говорю в таком случае: если историко-культурный «код» русского человека – справедливость, то «код» человека Запада – выгода. А там, где выгода, там всегда рядом подлость.

Но мы-то на малой Родине великого ученого, конечно, отметили событие. При поддержке нашего крупного предприятия «СИБУР» открыли в ботаническом парке «Ермаково поле» скульптурную композицию, посвященную великому ученому и мыслителю и его выдающемуся открытию.

Вы, конечно, помните замечательного композитора Александра Алябьева, его романсы когда-то распевала вся Россия: «Вечерний звон» на стихи Ивана Козлова, «Соловей» на стихи Антона Дельвига, «Жаль мне и грустно» на стихи Ивана Аксакова и другие. Это настоящая великая музыка, а не примитивная музыкальная попса, что ныне заполонила эфир в России, на которую, как на иглу, подсаживают молодое поколение.

Александр Алябьев, боевой офицер Отечественной войны 1812 года, участвовал в штурме Дрездена и взятии Парижа, родился в Тобольске. Сюда же был сослан по недоказанному обвинению в 1825 году, провел в родном городе несколько лет, создал здесь симфонический оркестр «казахской музыки».

В ботаническом парке «Ермаково поле» есть беседка в честь Александра Александровича Алябьева и установлен ему памятник.

ПЕРВАЯ ЛИПА – ОТ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Если излить чувства, что охватывают, когда вступаешь на тропу в ботанический парк «Ермаково поле», то это удивление, радость, восторг, какой-то душевный подъем. Но ими не выразить до конца впечатления от всего увиденного. Нет, это не просто парк, пусть и уникальный, пусть и неповторимый.

Это целый мир символов, некий «срез» истории самого Тобольска и всей Сибири, деяний великих людей, «отпечаток» великой русской культуры.

Трудно поверить, что четверть века назад данное место было уютным и неприглядным.

– Наши царственные Романовы, как известно, закладывали парки в разных краях Российской империи. В дворянских усадьбах сажали парки, в основном, с масонской символикой; существовали парки, посвященные любви, словом, всякие парки отмечены в нашей истории.

Когда я осилил книгу Лихачева, то подумал: «А какой парк буду закладывать я?» Вопрос не простой! Поскольку я к тому сроку уже создал фонд «Возрождение Тобольска», то и решил: буду закладывать парк, посвященный истории Тобольска.

– И что получилось в итоге?

– Сами увидите! В коллекции – сотни разных растений. Я составил каталог парка «Ермаково поле», он есть в Интернете на сайте фонда, если заинтересуетесь, можете посмотреть. Не только я сам, но прежде всего ученые-специалисты признают нашу ботаническую коллекцию уникальной. Такой нет в крупных областных центрах – Тюмени и Кургане. Да, известны большой ботанический сад в Екатеринбурге, богатые ботанические коллекции в Томском государственном университете и в Барнауле. Но на территории Западно-Сибирской низменности, опять же мнение специалистов, моя коллекция – единственная.

Одна из «воспитательных задач» парка – пробудить душу человека, заставить вспомнить, что он часть природы, что природа такая же живая, как он сам, что у природы можно многому научиться.

Сейчас я буду показывать страницы истории Тобольска, отраженные в разных ландшафтных композициях.

– Странно слышать такое! Разве можно через ландшафт выразить события истории?

– Ничего странного нет! – заверил Аркадий Григорьевич. – Мы просто разучились понимать «язык природы». А он же существует! Когда я закладывал парк, то надо было начать с прихода первых русских людей в Сибирь.

Это дружина Ермака, пятьсот казаков.

Мне посоветовал мой консультант из Новосибирского ботанического сада Каракулов Анатолий Владимирович морозостойкие дубы, выведенные учеными Сибирского отделения Академии наук. Я посадил рощу из

25 дубов, главный дуб – «ЕРМАК», а частокол – символ первых русских острогов, тогда ставили бревна вертикально, заостренные кверху.

Дуб «ЕРМАК» и 25 дубков – по 20 казачков на дерево, вот и будет дружина – 500 казаков.

– А кто их здесь встретил?

– 10-тысячное войско хана Кучума, хан был наполовину узбекских кровей, пришел из Бухары, местных татар вырезал, на крови взял власть. Это жестокое насилие повторялось несколько раз.

Я насыпал курганчики, посадил ковыли, маки – они символизируют хана Кучума с 10-тысячным войском. А сам Кучум – полынь цитварная, ядовитое растение, в народной медицине им выводили глистов.

Хан Кучум напротив Ермака.

Между ними – красное поле барбариса-тумберга, он по весне уходит в зеленый листочек, а потом выбрасывает яркий пурпурный цвет.

Такое «красное поле» – противостояние двух враждующих сторон.

Мне жена говорит: «Тут дети, внуки бегают, а ты море крови налил».

А я ей отвечаю: «Это не кровь, а символ противостояния!»

Переходя от одной достопримечательности к другой в парке «Ермаково поле», понимаешь, что все они, без исключения, заслуживают большого внимания, отдельного разговора – ничего подобного нигде у нас в современной России нет.

Любая беседка, всякое деревце, каждый памятник – со своим поводом и со своей историей.

Было бы большой ошибкой умолчать о главной доминанте парка – храме-часовне. Она встала на холме и возведена в честь православного святого Дмитрия Солунского.

Русским духом и русским стилем храм неуловимо напоминает известную церковь Покрова на Нерли.

Оказывается, храм напрямую связан с историей покорения Сибири Ермаком с его дружиной.

...Во сне или наяву Алексею Тимофеевичу Ермаку открылось пророчество – он должен оградить русские селения от набегов хищных татар, силой привести Сибирь под руку Царя Московского.

Легко сказать! А как это сделать?

Отряд отважных казаков (пятьсот или чуть более), бесстрашных, как и сам атаман, приближался к многотысячному войску Кучума. Хан, говорят историки, имел «большие связи» на Западе и в Азии и готов был, разгромив идущий к нему отряд казаков, двигаться дальше, разорвать саму Москву.

На каждого казака приходилось, пожалуй, по сотне и более врагов, они к тому же были вооружены пушками.

26 октября 1582 года у Чувашского мыса, где ныне вознесен Тобольск, произошла битва, равной которой, наверное, и не отыскать за всю историю человечества. Отряд казаков обратил в бегство большую армию Кучума.

Произошло настоящее чудо!

– Доподлинно мы не знаем, сколько казаков сложили головы в той страшной битве, – говорит Аркадий Елфимов. – Хотя писатель Николай Коняев из Петербурга, который приезжал ко мне, недавно ушедший из жизни (Царство ему небесное!), уверял, что он подсчитал: Ермак потерял 112 казаков.

Правда, Николай Михайлович не стал объяснять, как он подсчитал. Но нам важно следующее.

На другой день оставшиеся в живых казаки сели на струги и поплыли вверх по Иртышу и заняли столицу Сибирского ханства – город Искер.

– Здесь мы подходим к большому символу. Взятие столицы ханства, которым управлял Кучум, произошло в день памяти святого подвижника Православия Дмитрия Солунского.

Красноречивое совпадение!

В мире ничего не бывает случайного!

«Случай – мгновенное и мощное орудие провиденья Господня», – отмечал еще Александр Сергеевич Пушкин.

Победа в день Дмитрия Солунского, на мой взгляд, означала: русские пришли в Сибирь

НА ВЕКА, НАВСЕГДА!

Поэтому мы так и назвали храм.

Автор – архитектор Алексей Белоусов – с душою работал над его созданием и сделал проект талантливо.

– Аркадий Григорьевич, когда возникла липовая аллея в вашем парке?

– Ко мне приезжал Валентин Григорьевич Распутин, классик русской литературы, он и посадил первую липу. Это было 3 сентября 2002 года. Мне потом говорили: «Тебе повезло – ты дружил с духовным губернатором Сибири!»

Да, это был человек!

Я считаю, что именно Валентин Григорьевич являлся и продолжает оставаться совестью русской нации, истинно русский характер – честный, правдивый.

«В Тобольске много неба!» – сказал Валентин Распутин.

Вскоре писатель сочинил эссе о городе, его можно считать гимном Тобольску.

Валентин Распутин дал название альманаху – «Тобольск и вся Сибирь», благословил на издание, что мы позднее и осуществили. Теперь выпустили уже много сборников, отражающих духовные, культурные, экономические традиции разных регионов Сибири от Тобольска и Тюмени до Омска и Красноярска и до Камчатки.

О РУССКОМ ПУТИ В АРКТИКУ

– Вернемся, Аркадий Григорьевич, к началу беседы. Хотелось бы услышать подробности создания четырехтомника об освоении Северного морского пути и Арктики, за что фонд получил высшую награду на книжном фестивале в Москве 3 июня 2019 года.

– Да, эта награда – Гран-при – значимая для нас. Очень рад за всех, кто был причастен к большой работе, выполненной под началом редактора-составителя, известного поэта из Омска Юрия Петровича Перминова, давно сотрудничающего с фондом, а также Сергеем Викторовичем Филатовым из Бийска.

Четыре тома альманаха (№ 28) «Тобольск и вся Сибирь» – это около трех тысяч страниц текста и не менее двух тысяч страниц иллюстраций.

Можете себе представить, какой объем, какой охват!

География уникального издания поистине кругосветная: от Хельсинки до Владивостока, от Камчатки до Сан-Диего.

Авторы представляли своим творчеством Москву, Псков, Архангельск, Мурманск, Ханты-Мансийск, Салехард, Красноярск, Иркутск, Нарьян-Мар, Курган, многие другие города.

Список их велик, как и велика наша Россия.

И меня радует, что была не забыта ни одна героическая или трагическая страница прокладки великой водной Северной магистрали, включая, конечно же, не имеющую аналогов эпопею советского освоения Арктики.

Книги со вкусом оформил талантливый художник Иван Лукьянов.

– Знаю, что было много откликов на выход четырехтомника и на успех на книжном фестивале в Москве.

– Отклики продолжают поступать. Приведу один из них. «Если бы мне в отрочестве попал в руки такой четырехтомник, я, возможно, стал бы полярником, – отметил в своем отзыве известный прозаик из Архангельска, редактор журнала «Двина» Михаил Попов. – Оттого, наверное, разглядываю его теми юными восторженными глазами, коим не довелось в свои поры такое узреть. Здесь много диковинок и для взрослого человека, но для отрока – целый океан открытий... Прежде всего приводят в изумление старинные карты, которых здесь великое множество. Даже мне, жителю приарктического Архангельска, связанного с морем, таких навигаторских изображений доселе видеть не доводилось.

А какие здесь изображения самой Ее Величества Арктики! Тончайшей выработки гравюры, офорты...

ЭТО «ЕВАНГЕЛИЕ» ЧИТАЛ ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ

Недалеко от храмов Кремля, в двухэтажном особняке, перед которым стоит стенд книжной серии «Славен град Тобольск», расположен офис фонда «Возрождение Тобольска».

Менее всего он похож на административное помещение, скорее напоминает музей и библиотеку сразу «в одном лице».

Аркадий Елфимов показывал нам коллекцию памятных медалей, связанных с историей Тобольска, разные книги.

Особенно поражает недавно осуществленный фондом издательский проект «Евангелие Достоевского».

Тут необходимо краткое пояснение.

Как известно, в молодости будущий писатель входил в кружок нигилистов-петрашевцев, из-за чего и пострадал – был сослан на каторгу в Сибирь. В пересыльной тюрьме Тобольска Достоевского посетили жены декабристов, в их числе – Наталья Фонвизина, жена одного из декабристов, и передали узникам Евангелие.

Поскольку никаких других книг заключенным не разрешали, то Достоевский в течение срока, который отбывал на Омской каторге, постоянно читал эту Священную книгу.

Наверное, можно утверждать, что это Евангелие и сотворило его как православного писателя и мыслителя.

– В Евангелии, которое Федор Михайлович читал в остроге в Омске, около полутора тысяч подчеркиваний ногтем, загибов страниц, – рассказывал Аркадий Григорьевич. – Как признавался сам Достоевский, эти четыре года переродили его, с подаренным Тобольским Евангелием он потом не расставался всю жизнь.

Мы подумали: а нельзя ли все это как-то увековечить? Памятник Достоевскому работы скульптора Михаила Переяславца в Тобольске есть. А почему бы не попробовать создать своего рода памятник в книжном варианте?

Так возник уникальный проект.

В специальном коробе в виде каземата содержится, во-первых, факсимильное издание Евангелия со всеми пометками великого писателя. Мельчайшие, порой невидимые пометки в оригинале устанавливали с помощью современной оптико-электронной экспертизы сотрудники Российской Государственной библиотеки во главе с В.Ф. Молчановым.

Второй том, почти в тысячу страниц, – подробное описание того, как Достоевский использовал «помеченные» евангельские сюжеты в своих произведениях. Комментарии сделал Борис Николаевич Тихомиров – это настоящий подвиг ученого. В этот же том включена и «Сибирская тетрадь» – первая дошедшая до нас записная книжка Федора Достоевского.

Наконец, в проекте есть и третий том.

Он знакомит нас со свидетельствами, критикой и богословием писателя.

Этот том – публицистический.

Иногда меня спрашивали: «А зачем он нужен?»

Я отвечаю так: «Чтобы показать из стихии сегодняшнего дня и самого Достоевского, и его творчество, а главное – попытаться понять: как же Федор Михайлович сумел предугадать и описать то самое бесовское время, которое догнало сегодня Россию. И не только наша страна – весь мир живет ныне в этой бесовщине.

– Как бы, Аркадий Григорьевич, выразили общий дух того, что делаете вы и ваши многочисленные помощники?

– Вернусь к покорению Сибири атаманом Ермаком. У знаменитого художника, сибиряка по рождению Василия Сурикова есть картина с таким названием, ее знают все. Но мало кто обращает внимание на то, что на знаменах казаков – Спас, незлобивый и тихий.

Это политика!

Именно она позволила Руси сохранить все народы, дать им письменность и культуру, в отличие от политики Испании и Португалии, которые вырезали коренных жителей Южной и Средней Америки, а англосаксы уже «зачищали территорию» от индейцев, уничтожая их. А затем восемь миллионов рабов завозили из Африки.

Если Россия будет следовать «планам Запада», ее ждет та же участь, что и индейцев в Америке.

Поэтому огромная наша общая и личная ответственность перед предками за сохранение Великой государственности, которую они создали, равной ей по славе, мощи не было в истории человечества.

Нельзя допустить уничтожения великой государственности и геноцида народа.

Русь не должна терять свой национальный и исторический облик.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Надежда АНТУФЬЕВА

Военморы Убекосибири

*Посвящаю работу светлой памяти
профессора Виктора Ефимовича Копылова*

Несколько лет назад довелось мне работать в Омском государственном архиве. Цель командировки одна – найти новые документы по освоению Северного морского пути. Тема довольно изучена, описана, имена полярных исследователей названы. Но архивные документы, бывает, лежат в неожиданных папках и неожиданно открываются. На это и рассчитывал профессор В.Е. Копылов, направляя меня в Омск. Найденный документ должен был стать частью музейной экспозиции.

Как и полагалось в первый день работы в архиве, просматривала описи фондов, дел, делала выписки. Вдруг читаю «Убекосибири». Что-то смутно вспоминается, причем не по делу, а в стихах: «...Вещать не любили, подобно Сибилле, капитаны Убекосибири...». Это омский поэт и журналист Леонид Мартынов описывал свое общение с капитанами-военморами. Он встречался с ними в старом здании гауптвахты в Омской крепости. Где-то рядом в 1850–1854 годы находился в ссылке Ф.М. Достоевский. «Записки из мертвого дома» написаны там. Вблизи на Иртыше была стоянка верных помощников капитанов – кораблей «Иней», «Анна», «Орлик», «Шуя»...

Получив дела из фонда, просматриваю отчеты, телеграммы, списки, акты, отражающие будни полярных исследователей второго десятилетия XX века. Сначала замерла от описания простых бытовых подробностей, изложенных на постаревших от времени листочках: сломалось ведро, растаяла пайка выданного сахара, прохудилась оленья шкура, служившая несколько лет... Просят списать, просят прислать новые. И это за Полярным кругом у людей, кто наносил на морскую карту уточненные побережья Ямальской и Тазовской губы, ставили радиостанции, вели промеры глубин, наблюдения за погодой, принимали и отправляли грузы. Убековцы, папанинцы, челюскинцы – отважные люди, специалисты разных профессий: гидрографы, капитаны, штурманы. Все убековцы независимо от профессии именовались военморами. Их имена открывали бумаги почти столетней давности.

История донесла до нас имена и даты более удаленных времен, связи европейцев с Югрой, использовавших для походов Студеное (Белое) море и Северный Ледовитый океан. Еще в 1187 году новгородцы предприняли поход в земли Югры для сбора дани. Имеются изображения полуострова Ямала и реки Оби, Гыданского полуострова и Тазовской губы на древних картах Исаака Массы (1612), Федора Годунова (1614), Николая Витсена (1687).

Исследования морских и речных путей, прилегающих к Ледовитому океану, описаны в документах, имеются и обработанные издания¹. Около

десять старинных лоций, или, как называли их поморы, «Книг мореходных» или «Росписей мореходства», описано в литературе².

Совершенно особое место в истории плаваний через Карское море принадлежит знаменитой русской Большой Северной экспедиции. Эта превосходно организованная экспедиция, продолжительностью без малого десять лет (с 1734 по 1743 год) по масштабу и обширности выполненных заданий огромной научной важности может быть смело названа величайшей из всех когда-либо предпринятых (в ней участвовало 580 человек).

Чертеж, озаглавленный «Меркаторская карта Северного океана с назначением берега от реки Печоры до реки Оби», подписали лейтенанты С.Г. Малыгин и А.И. Скуратов. На этом чертеже отмечены глубины у берегов Ямала в проливе между островом Белым и материком. Очертания южного берега Карского моря, как они были ими же и положены, без изменений вошли в сводные карты Великой Северной экспедиции, а оттуда попали во все карты мира. Кроме того, это была первая карта полуострова Ямала³.

Результаты гидрологических и метеорологических исследований изложил в своей фундаментальной работе «Лед Карского и Сибирских морей» (1909 г.) полярный исследователь, адмирал А.В. Колчак. Работы эти он проводил во время Русской полярной экспедиции на шхуне «Заря», снаряженной Академией наук. Экспедицией руководил Э.В. Толль, известный полярный исследователь.

В 1914 г. началась и в 1915 г. благополучно завершилась экспедиция под руководством Б.А. Вилькицкого. Результатом ее было крупное арктическое открытие XX века – архипелаг Северная Земля (первоначально названный Землей Николая II). Изучением глубин, состоянием льда, ветров, течений, картографированием Карского моря исследователи занимались в 1915 году⁴.

В 1918 г. Верховная коллегия главного управления водного транспорта начала подготовку морской экспедиции для гидрографических исследований и оборудования портов от Мурманска до Чукотки. Весной стали готовить морскую экспедицию, которая должна была доставить в устья Оби и Енисея промышленные товары и сельскохозяйственные машины и вывезти хлеб. Начальник гидрографического управления Е.Л. Белокоз давал обоснование необходимости экспедиции: «...должно быть обращено внимание на огромные пространства Сибири, прилегающие к Ледовитому океану, до сих пор почти не исследованные».

В правительстве решился вопрос о снаряжении экспедиции к Северному Ледовитому океану. Было выделено 22 судна с механическими двигателями и 16 гребных судов, передавались гидрографические суда ледокольного типа «Таймыр» и «Вайгач», а также ледокольный пароход «Соловей Будимович» (впоследствии «Малыгин»). Экспедиции выделены морские двигатели, 12 радиостанций разной мощности, 6 комплектов транспортных и автомобильных саней, имущество и продовольствие⁵.

Огромное пространство от восточной части Баренцева моря до мыса Дежнева было разделено на 2 участка: Западно-Сибирский (от восточной части Баренцева моря до восточной границы Таймырского полуострова) и Восточно-Сибирский (от моря Лаптевых до Чукотского включительно). Начальником Западно-Сибирской экспедиции назначен гидрограф Б.А. Вилькицкий. За первые два года требовалось выполнить неотложные гидрографические работы, оборудовать береговые гидрометеорологические

станции, построить авиабазы в Югорском Шаре и на Диксоне, а также провести другие мероприятия.

В марте 1918 г. из Петрограда в Омск прибыли служащие картографической части: картографы, чертежники, граверы, литографы, фотографы. Среди оборудования – более 3000 медных досок с гравюрами карт, картографическое оборудование, фотографические камеры и оборудование для фотоальфаграфии⁶. Все эти структуры подчинялись профессору геодезии Н.Д. Павлову.

Совет народных комиссаров постановлением от 2 июля 1918 года, подписанным В.И. Лениным, ассигновал на гидрографические работы в западном районе Арктики миллион рублей. Экспедиции дополнительно передавались ледокольные суда, парусно-моторные боты, лихтеры, катера, самолеты, радиостанции разных мощностей, тракторные и авиационные сани, значительные количества горючего, топлива, продовольствия, снаряжения⁷. В стране шла гражданская война, разорившая население, промышленность и транспорт. Обеспечение западных районов страны продовольствием советское правительство решило за счет запасов Сибири, а переправить их – морским путем.

За первые два года требовалось провести неотложные гидрографические работы, оборудовать береговые гидрометеорологические станции, построить авиабазы в Югорском Шаре и на Диксоне и выполнить другие мероприятия.

Осуществление экспедиции было сорвано начавшейся иностранной интервенцией. Суда, инвентарь, люди оказались на оккупированной территории.

Две противоборствующие стороны: новое российское правительство и правительство Сибири использовало неисследованную транспортную артерию вдоль побережья Северного Ледовитого океана для доставки различных грузов. Все опытные моряки были наперечет. Они изучали северные моря при самодержавном строе. Их привлекали на службу и советское правительство, и правительство А.В. Колчака, опытного морского исследователя. Подготовка и проведение первых товарообменных операций проходило почти одновременно.

Ожидая подкрепления в военной силе и оружии от западных армий, 24 декабря 1918 года была создана Обская и Енисейская гидрографические партии при дирекции маяков и лоций гидрографического отделения Морского министерства А.В. Колчака. Военные специалисты-гидрографы имели своей задачей съемку и обследование берегов, промерные работы в районе Обской губы, Енисейского залива и низовьев реки Енисей. Работы проводились с июля по сентябрь.

Морским министерством А.В. Колчака активизировалась подготовка к навигации 1919 года в Карском и Баренцевом морях. Сибирскому правительству оказывало содействие в получении материалов и снабжении для установки трех военных радиостанций: двух по 10 киловатт каждая в Маточкином Шаре и на мысе Желания и одной двухкиловаттной в Карских воротах. Одновременно заканчивалась постройка мощной французской радиостанции в Омске, способной общаться с Диксоном, Юшаром и Архангельском⁸.

В Енисейском заливе и устье реки Енисей гидрографические работы в 1919 г. велись под руководством гидрографа Машковцева. Все материалы (отчеты, отчетные карты, планшеты и т.д.) работ как Обской, так

и Енисейской партий погибли зимой 1919–1920 гг., так что результаты экспедиции остались неизвестными и неиспользованными⁹.

В конце лета 1919 г. паровая шхуна «Мария» доставила с Иртыша в устье Оби около 500 тысяч пудов хлеба урожая 1919 г. Одновременно из Архангельска 10 августа вышел караван судов с различным военным грузом, тремя генералами и ста офицерами. Руководил караваном Б.А. Вилькицкий. Паровая шхуна «Мария» с Д.Ф. Котельниковым на борту встретила морские суда у острова Белого и сопровождала в бухту Находка на западном побережье Обской губы. Навигационные условия на трассе Северного морского пути в 1919 году были удовлетворительными, проводка судов не составила затруднений. Однако работая около Маточкиного Шара, «Таймыр» выскочил на камни и получил серьезное повреждение подводной части.

Успешно преодолев опасности морского пути, приступили к перегрузке, чему мешали штормовые погоды, слабая техническая оснащенность экспедиции и особенно отдаленность стоянки морских судов (иностранные суда стояли в 28 километрах от бухты Находка, переход от баржи до базы занимал несколько часов). Сложная политическая обстановка, крайнее истощение рабочих, недоверие сторон привели к тому, что весь обмен грузами не превысил 6,5 тысячи тонн. Морские суда прибыли назад в Архангельск 28 сентября. Д.Ф. Котельников доложил А.В. Колчаку о завершении экспедиции 21 октября¹⁰.

В 1920 г. удалось провести первую товарообменную операцию, несмотря на то, что у Беломортранса почти не осталось судов, приспособленных к условиям ледового плавания. Не хватало угля, отсутствовали точные карты и лоции. Кадры моряков-полярников были крайне малочисленны. Тонны хлеба, жировых товаров, пушнины, шерсти, конского волоса, льна и других товаров забрали в бухте Находка 18 морских судов, оставив в Сибири машины, инструменты и промышленные изделия. Разрушенный железнодорожный транспорт не в состоянии был справиться с перевозками, поэтому и далее расчет был на Северный морской путь.

Проведение экспедиции, вошедшей в историю освоения Северного морского пути под названием «Карская операция 1921 года», было осуществлено несколькими организациями – Наркомвнешторгом, Наркомпути, Сибревкомом. Общее руководство оставалось за Народным комиссариатом внешней торговли и контролировалось лично В.И. Лениным.

Положительному результату Карской операции способствовало планомерное изучение южной части Карского моря, начавшееся в 1920 году. Отдельный Обь-Енисейский гидрографический отряд, в который объединились Обская и Енисейская гидропартии, подчинялся главному гидрографическому управлению и работал по его заданиям и в контакте с Комитетом Северного морского пути. Экспедиционные работы продолжались с июля по сентябрь и проводились в Обском и Енисейском районах под руководством К.К. Неупокоева.

Константин Константинович Неупокоев (1884–1924) – опытный гидрограф, исследователь Арктики. По образованию военный моряк. В возрасте 22 лет принимал участие в плавании по Тихому океану. В 1914–1915 гг. был в составе экспедиции в районе Владивосток – Архангельск через Северный Ледовитый океан. Руководил гидрографическими работами на ледоколе «Вайгач». Его труд «Материалы по лоции Сибирского моря» был издан в 1922 г. Скончался К.К. Неупокоев в 1924 г. Через несколько лет его именем гидрографы назвали остров между Гыданским и Енисейским

заливами, точное расположение которого К.К. Неупокоев установил в 1921 году.

В 1921 г. начинал службу в этом отряде и продолжал начатые еще на «Вайгаче» гидрологические исследования Н.И. Евгенов, заметивший неизвестный архипелаг, названный Земля императора Николая II (с 1926 г. – Северная Земля). Впоследствии он руководил семью Карскими экспедициями.

В 1922 году Обь-Енисейский гидрографический отряд в Омске реорганизован в управление по обеспечению безопасности судоходства в Карском море и устьях рек Сибири (Убелосибири). Обскую партию формировал Алексей Иванович Осипов. Он прославился гидрографическими исследованиями на Дальнем Востоке еще в XIX веке. В заливе Петра Великого есть мыс Осипова, названный в честь старшего штурмана на клипере «Джигит» А.И. Осипова. Он был потомственным дворянином, родился в 1859 г., окончил Морское техническое училище в г. Кронштадте. До революции занимал должность в Морском министерстве, имел чин генерал-майора. После отставки в 1910 г. избирался на общественную должность городского головы г. Нарвы. Владел движимым и недвижимым имуществом. В Обско-Енисейский отряд поступил по собственному желанию. В анкете от 18 апреля 1920 г. указал семейное положение – «холост, детей нет, родители умерли»¹¹.

В Обском районе А.И. Осипов со своим молодым помощником Сергеем Дмитриевичем Лаппо 8 сентября 1920 г. произвели экерную съемку вновь избранного места перегрузочных операций, названного Новым Портом. Для приема окончательных строительных работ в Новом Порту начальником облдистанции Прохоровым создана комиссия¹². 11 сентября 1923 г. состоялось торжественное открытие порта¹³.

В начале апреля 1921 г. штат исследователей Северного морского пути пополнился специалистами, принятыми на должности военморов 1-й береговой гидрографической партии. На довольствие зачислены А.Я. Кудеберг, Н.М. Курганов, Андреев, Альфред Пювп, Н.В. Богданов, Левитан, Селин, Мазин, Куссель. Из Енисейского гидроотряда прибыли военморы Берг и Миронов. С 1 марта на должность помощника астронома партии назначен Н.В. Секач. Приняли на работу и зачислили на довольствие также двух лошадей для развозов специалистов гидроотдела и гидропартии. Апрельские приказы по 1-й береговой партии подписывал военмор Романов.

Весь апрель шло формирование штата. Штурвального матроса Терентьева зачислили военмором на баржу «Пур», рулевым команды гидрографического судна назначался Каменский. «Орлик» в зиму 1920/1921 находился в Березово, с началом навигации его надлежало вернуть к месту дислокации отряда¹⁴. Медикаменты рекомендовалось получить в Омске, так как там сделать это было легче.

Для гидрографов 1922 год оказался самым трудным. Не хватало плавсредств. В помощь гидрографическим судам «Орлик» и «Анна», катеру «Чайка» и барже «Пур» с большим трудом удалось зафрахтовать колесный пароход «Мельник». Карская экспедиция ограничила свои исследования районом Обской губы. Гидрографические работы здесь возглавил Ю.М. Петранди. В том же году прибыл астроном А.Н. Нефедьев.

В 1921 г. начальником радиостанции «Обдорск» был Титер Иоганович Тушкин, старшим мотористом – Виктор Константинович Ржевский, мотористом – Леонид Викторович Коган, поваром – Аркадий Михайлович

Поспеев, сторожем – Андрей Борисович Баржов. На станции Маре-Сале наблюдателем служил Орларион Осипович Белевич, лекарем – Александр Исаевич Кузнецов, мотористом – Сергей Георгиевич Измайлов, сторожем – Денис Лукич Бушевец.

В 1923 г. на станции находилось восемь человек. В должности начрадио был Борис Карлович Луппиан 1984 г.р., уроженец г. Великие Луки Псковской губернии. Его жена София Георгиевна 1900 г.р. из г. Тобольска работала радиотелеграфистом. Второй радиотелеграфист – Петр Степанович Гурьев (1895 г.р., Архангельская губ.). Метеонаблюдатель Иосиф Иванович Кулль 1889 г.р. (умер на станции от цинги весной 1925 г.), уроженец Эстонии, его жена Ольга Федоровна, уроженка д. Горной Архангельской губернии, служила коком. Моторист С.Г. Измайлов и лекарь А.С. Кузнецов, возможно, обслуживали обе станции.

В 1923 г. из Петрограда в Омск на службу в Карских экспедициях прибыл Всеволод Иванович Воробьев, привезя с собой три теплушки гидрографического оборудования. В 1925 г. он провел г/с «Иней», исполняя обязанности помощника командира, используя новое средство определения местонахождения в море по радиопеленгам. Он проводил гидрографические работы, затем овладел навыками девиатора – специалиста по компасам. В 1926 г. заменил А.Н. Нефедьева на астрономических работах и определил на побережье Карского моря более тридцати астропунктов. В 1931 г. он возглавил гидрометеорологический отдел Убелосибиря и одновременно Обской отряд.

Для работы береговой отдельной партии использовался очень простой инвентарь, о чем можно судить по плану получения и распределения его поквартально. Так, на ноябрь–декабрь 1923 г.: бродней 20 пар, непромокаемых брезентовых плащей – 14 штук, рабочих костюмов – 13 штук, 1 ружье с принадлежностями. Сложные климатические условия не особенно учитывались для обеспечения людей необходимыми предметами и продуктами питания. Приведу список на январь–март: «Валенок 20 пар, полушубков 20 шт., кружек эмалированных 5 шт., чашек обеденных алюминиевых 7 шт., рукавиц кожаных 20 шт., рабочих сумок 1 шт., фонарей 2 шт., ниток парусиновых и иголок, оленьих шкур 20 шт., варежек 20 шт., чулков теплых 20 пар, чулков нитяных 20 пар, портянок 20 пар, ведер оцинкованных 4 шт., сапожных инструментов 1 набор, кожи для починки обуви, баков 3 больших и 2 малых, ножей кухонных 4 шт., чайников медных 4 шт., лопат 2 шт., чумичек 2 шт., брезент, лодку-тоболку 1 шт., обласок остякский 1 шт., камельков с трубой 2 шт.», в смету закладывался ремонт инвентаря и вознаграждение 18 вольнонаемным рабочим в размере 1 190 рублей за три летних месяца¹⁵). Документ скреплялся гербовой печатью и подписью К.К. Напалкова.

На инвентарь, пришедший в негодность, составлялись акты. Как гласит документ от 6 сентября 1923 г., составленный военными моряками левой береговой партии П.Н. Саньковым, А.Н. Мироновым, С.Н. Рыбиным, Б.А. Егоровым, «...полученная старая, поношенная брезентовая шинель с порванными рукавами и местами прожженными полами, надеваемая военморами при работах на полушубки, ввиду ее узости и влажного состояния из-за климатических причин во время работ изопрела и порвалась, придя в полную негодность. Три брезентовых мешка распоролы и починили две палатки. Два мешка распоролы и сшили одно полотно

для расстилки на землю перед установкой палатки, когда шли на шлюпках, то им же закрывали имущество»¹⁶.

Этими же специалистами днем ранее списывались 6 жестяных кружек, которые помялись, распаялись и заржавели. Ведро, которым выливали воду из шлюпок, так разбилось, что не подлежало ремонту. «Шкуры оленьи – 2 штуки, служащие постелями для военморов, от сырости, ежедневной перегрузки и заливаемости шлюпок при подходе к берегу волнами, повывезли шерстью, местами подгнили, порвались и пришли в состояние, негодное к употреблению»¹⁷.

В рапорте К.К. Напалкова начальнику Убекосибири сообщалось об одном из неординарных событий. В конце октября 1923 г. при усиливавшемся северо-восточном ветре водой залило стоящую на якоре шлюпку. Имущество спасли, но 2,4 кг сахара из личного пайка рабочего съемочной партии Николая Кошелева растаяло. По распоряжению из Омска в Обдорск сахар был выдан. За инициативу, умение, проявленное тем же Н. Кошелевым на острове Шокальского при сооружении плотов для перехода через глубокие речки выдали «рабочее платье и плащ». Подчеркнут и веселый характер Николая, неистощимый юмор, бодрое настроение, которое поддерживает товарищей.¹⁸

В «Кратком предварительном отчете о работах Убекосибири в навигацию 1924 года» сказано, что были «зажжены некоторые огни», проводка морских судов осуществлялась лоцмейстерскими судами. Местом перегрузочных операций являлся Новый Порт. «В настоящее время, – говорится в «Отчете», – здесь нет никаких построек, кроме домов радиостанции, которая до текущего года функционировала лишь во время навигации, ныне построено два дома и баня, поставлена метеорологическая станция, оставлен постоянный штат людей для непрерывного действия радиостанции»¹⁹.

Для закрепления вех, знаков, створов и более точным определением конфигурации береговой черты проведена триангуляция и съемка. Для навигационных целей вблизи бухты сооружено два знака на косе Маре-Сале и приметном холме мыса Островского. Неудобства бухты Новый Порт заключались в том, что из-за ее мелководности судам приходится стоять на открытом месте, где не всегда возможны перегрузочные операции.

По западному побережью установлен знак на мысе Боткина, в районе которого обследованы глубины. Для исправления существующих карт северной части Обской губы определен ряд астрономических пунктов на мысах Трехгорный, Таран, Дровяной и около устья реки Тамбей. Рекогносцировка пролива Малыгина дала основание утверждать, что его могут использовать только мелкие суда, где найдется место и для укрытия от ветров. Промеры в районе мыса Таран привели к заключению, что район радиусом в 6 миль следует считать опасным.

Служба погоды в Новом Порту ежедневно оповещала суда, находящиеся в море, составляла синоптические карты, вела наблюдения за колебаниями уровня моря. Обдорская радиостанция принимала и отправляла депешы по семи маршрутам, являясь некоторое время узловой, после вышла из строя станции Югорский Шар. Эта огромная работа проводилась во временных срубках, а не в настоящих полярных домах. В Обдорске дом арендовали или пользовались предоставленными, проводя в них ежегодные ремонты, «коим нет числа, что выражается в конопатке здания, перестилке полов, перекладке печей и т.п.»²⁰.

Оснащение радиосвязью северных территорий началось еще в 1909–1911 гг. Особым совещанием в Санкт-Петербурге при Министерстве путей сообщения принято решение о строительстве радиостанций на побережье Ледовитого океана.

В 1912–1914 гг. на западном берегу полуострова Ямал, в глубине Байдарацкой губы, оборудована радиотелеграфная станция и метеостанция для наблюдения за состоянием льдов. Она передавала сигналы на соседнюю станцию в Югорском Шаре. Высота радиовышки на последней превышала 71 метр. Подготовка к обустройству радиотелеграфной станции на Марре-Сале началось в 1913 г. и контролировалось лично тобольским губернатором и начальником Архангельского почтово-телеграфного округа. В начале июня 1914 г. радиотелеграфисты Иванькин и Батрак, наладив аппаратуру, вышли на связь с радиостанциями Югорского Шара и острова Вайгач.

В 1916 г. открыта радиостанция на Диксоне, где начальником был Н.Ф. Тимофеевский. В 1920 г. вышли в эфир радиостанции в Обдорске и Усть-Порте. В ее организации помогал радиотелеграфист Н.Р. Дождиков, который в ноябре 1917 г. из Царского Села передавал в эфир первые ленинские декреты. В 1921 г. он возглавил обдорскую радиостанцию, потом зимовал в Новом Порту и работал на полярных радиостанциях в других районах страны.

В целом работы 1924 года дали обширный картографический материал, который впоследствии послужил основой к переизданию существующих карт и совместно с наблюдениями по определению элементов земного магнетизма, метеорологии, гидрологии, материалы по лоции Обской губы.

В отчете начальника Убелосибири Николая Федоровича Тимофеевского за 1924 год звучат тревожные слова о специалистах, проделавших все исследования: «...недостатки специального снабжения сильно отражались на здоровье команды, в особенности при работах в воде и тундре, при постановке знаков береговой съемки и работах по снятию с мели плавающих средств. Кроме простудных заболеваний на некоторых радиостанциях в связи с ослаблением питания, недостаточной нормы полярного пайка появилась эпидемия цинги (один смертный случай на рации Мааре-Сале)²¹.

Начало следующего года ничего не меняло в норме и наименовании берегового пайка. Раскладка продуктов на апрель 1925 г.: «мука пшеничная – 28 фунтов, 12 зол.; мука ржаная – так же; крупа гречневая – 3 фунта, 32 зол.; крупа пшеничная – так же; гороху – 3 фунта, 32 зол.; мяса 15 фунтов; масла слив. – 1 фунт, 80 зол.; растительного – 1 фунт; луку – 60 зол.; картофель – 9 фунтов, 6 зол.; капуста квашеная – 9 фунтов, 6 зол.; соли 2 фунта, 18 зол.».

В мае 1925 г. Реввоенсовет СССР установил новые нормы полярного пайка как для специалистов, так и для их семей «ввиду исключительных бытовых условий и оторванности от остального населения». К прежнему наименованию добавилось топленое масло, шпик, рыба, грибы сушеные, сыр, молоко консервированное, яичный порошок, клюквенный экстракт, кондитерские изделия. И весовая норма увеличилась: мяса в 5 раз, масла в 10 раз.

Конечно, это облегчало необычайно трудную работу в Заполярье. Гидрографы, метеорологи, радиотелеграфисты, моряки, рабочие начали описания берегов, установку астро- и метеопунктов, радиостанций,

навигационных знаков. Они основали новые порты и составили карты с указанием маршрутов для безопасного кораблевождения.

Самоотверженный труд не всегда был оценен по достоинству, хотя именами полярников и их кораблей названы многие географические точки Карского моря и всего Ледовитого океана. Исследования полярных специалистов обрабатывались, использовались для дальнейших изучений, становились доступными для мореплавания, способствовали экономическому развитию страны.

¹Грандстрем Э. Вдоль полярных окраин России. Путешествие Норденшельда вокруг Европы и Азии в 1878–1880 гг. / Э. Грандстрем. – СПб., 1895; Житков, Б. Морской торговый путь в Сибирь / Б. Житков. – М., 1910; Норденшельд А.Е. Экспедиции к устьям Енисея 1875 и 1796 годов (пер. со швед.) / А.Е. Норденшельд. – СПб., 1880; Путешествие П.И. Крузенштерна к Северному Уралу в 1874–76 годах для исследования водяного сообщения между притоками Печоры и Оби. – СПб., 1879.

²Попов С.В. Автографы на картах / С.В. Попов. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1990. – С.13.

³Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века / М.И. Белов; под ред. Я.Я. Гаккеля, А.П. Окладникова, М.Б. Черненко. Аркт. науч. исслед. ин-т. гл. упр. Север. морского пути. М-во морского флота СССР. – С.286.

⁴Евгенов Н.И. Научные результаты полярной экспедиции на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» в 1910–1915 гг. / Н.И. Евгенов, В.Н. Купецкий. – Л.: Наука, 1985. – С.12.

⁵Новиков В.Д. К истории освоения Северного морского пути в первые годы советской власти // Летопись Севера. – М.-Л., 1949. – Вып.1. – С.11,12.

⁶ГУ ГАОО. ф. 2915.оп.1.д.50. л.8.

⁷Болотников Н.Я. Сибирская хлебная экспедиция 1920 г. // Летопись Севера. – М., 1957. – [Вып.] II. – С.35.

⁸Марголин А.Б. Международная интервенция 1918–1920 годов и Северный морской путь / А.Б. Марголин // Летопись Севера. – М.-Л., 1949. – Вып.1. – С.159.

⁹ГУ ГАОО.ф. 31.оп.1.д.268. л.31.

¹⁰Петрушин А.А. На задворках гражданской войны. Кн. первая / А.А. Петрушин. – Тюмень: Мандр и Ка, 2003. – С. 169.

¹¹ГУ ГАОО Ф.31.Оп.2.Д.36.Л.29-30.

¹²ГУ ГАОО. ф. 31.оп.2.д.27.л.96.

¹³Попов А.С. ...С. 95.

¹⁴ГУ ГАОО. ф. 31..оп.2. Д.7. Л.8-20.

¹⁵ГУ ГАОО. ф. 31. оп. 1. д.48.л.1.

¹⁶ГУ ГАОО ф. 31.оп.1.д.48.л.101.

¹⁷ГУ ГАОО ф. 31.оп.1.д.48.л.109.

¹⁸ГУ ГАОО ф. 31.оп.1.д.48.л.112.

¹⁹ГУ ГАОО. Ф.31.д. 108. Л.7.

²⁰ГУ ГАОО Ф.31. Д.108. Л. 3.

²¹ГУ ГАОО Ф.31. Д.108. Л. 2.

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЕВА

Юрий Рыбьяков. Ностальгия. Гений места

«...Зрители часто спрашивают, почему у меня серые пейзажи. Я им всегда отвечаю: солнечных дней в Сибири мало и к тому же я не в Армении и не в Туркмении. Пишу только с натуры. Люблю работать в туманную или дождливую погоду. Здесь есть какая-то особенная, трепетная красота, она в мерцающих переливах серебристых и жемчужных тонов. Передать эту трепетность, созвучие тончайших нюансов – задача невероятно сложная, но заманчивая. Люблю писать сложные цветовые и тоновые отношения. Создаю ту цветовую гармонию, которая присуща только мне. Мне нравятся диалоги, которые возникают между мной и прохожими зрителями в момент работы в городе или деревне. Получаю много интересной информации об улицах и домах. Люблю писать старую архитектуру городов и деревень. От них идет живая, здоровая энергетика. В этих домах жили великие и известные люди. Все, что я умею и знаю, благодаря природе. Природа – мой лучший учитель. Как говорил японец Басе: «Учись у сосны рисовать сосну, у бамбука бамбук...»
С любовью, Юрий Рыбьяков

В «Толковом словаре» Владимира Даля слово «ностальгия» обозначает тоску по Родине, душевную болезнь. Именно ностальгическим чувством, душевной болью и тоской по стремительно уходящему, исчезающему облику старинных русских сибирских городов и сел пронизано все творчество талантливого сибирского художника Юрия Рыбьякова. На протяжении вот уже нескольких десятилетий сибирский пейзаж становится постоянным источником его творческого вдохновения, эмблемой его поэтики.

– Я родился в Тобольске – городе с великолепными архитектурными памятниками. Красота Тобольского кремля – одно из самых ярких впечатлений детства. Видимо, это и определило направленность моего творчества. Потом объездил почти всю страну и понял: каждый город, село имеет свое лицо, свой характер. Передать их неповторимое своеобразие – в этом вижу свою задачу.

Во время частых поездок по стране (Байкал, Урал, Крым, Средняя Азия, города средней полосы России и севера Тюменской области) или во время почти ежедневных путешествий по улицам своего родного города художник никогда не расстаётся с кистью и карандашом. Одной из характерных особенностей Рыбьякова-пейзажиста является острота мгновенного восприятия окружающего. Художника занимает передача собственных впечатлений от увиденного, стремление создать на холсте и листе бумаги общее эмоциональное и живописное состояние понравившегося ему мотива. Не случайно свои многочисленные этюды, акварели, гуаши он создает непосредственно с натуры, на одном дыхании, в технике «алла-прима».

Я уверен, этюды надо всегда писать с натуры. В такие моменты тебя обволакивает удивительное состояние природы и пространства, ты чувствуешь его каждой клеточкой! Подобные ощущения никогда не достигнут

в мастерской... Мне тесно в мастерской, мне всегда нужно пространство, где мне помогают снег, дождь и люди....

Эта всепоглощающая и взволнованная влюбленность в природу полнее всего сказалась в серии гуашей и акварелей, отмеченных богатством и насыщенностью тона, бархатистостью поверхности листа, изысканно тонкими цвето-световыми нюансами и рефlekсами – «Серебристый день» (1980), «От причала к кремлю» (1985), «Речной вокзал. Салехард» (1984), «Покинутый дом» (2005).

Начиная с 1960-х годов Юрий Рыбьяков с любовью пишет убегающие вдаль улочки Тюмени, не парадные, но очень характерные и выразительные ее переулки и перекрестки, уютные, ничем не примечательные домики старого города. Портрет города художник создает в серии графических и живописных работ: «Майский день», «Серебристый день» (обе – 1980), «Осень в Тюмени», «Весной» (обе – 1982), «Покинутый дом» (2005). Пейзажи художника, кажущиеся такими простыми, непритязательными, вызывают какое-то щемящее предощущение близости тайны и невозможности в нее проникнуть. Часто в центре графических листов он изображает улицу, окаймленную фасадами домов. Улица или уходит вверх, или сбегает вниз, или заворачивает за угол, и взгляд вслед за художником то внезапно останавливается, то совершает длительное «путешествие» вглубь пространства листа. Городские пейзажи часто безлюдные, пустынные, иногда оживлены миниатюрными фигурками людей, что придает им особую интимность и камерность.

Юрий Рыбьяков всегда стремится к слитности городских улиц и домов с природой. Поэтому часто город воспринимается художником через сложную вязь стволов деревьев, графический узор из ветвей, сплетающихся в своеобразный ковер. Деревья, стоящие на переднем плане или фланкирующие композицию, «держат» не только «каркас», но и цвет, который во многом определяет и эмоциональную выразительность, и всю поэтику работ художника.

Главную роль играет оттенок неба, чаще всего дождливого, пасмурного. Не случайно художник использует серый, серебристый, палевый, пепельный цвета, которые точно передают колорит «портрета» старого города.

В целом работы Юрия Рыбьякова обладают некой настойчивой притягательностью, горько-нежным очарованием.

Биографические сведения о художнике

Юрий Антонович Рыбьяков

1940 г.р.

Живописец, график. Пейзажист. Окончил художественно-графический факультет Нижнетагильского педагогического института (1971–1976). Член СХ СССР с 1989 года. Участник городских, областных, зональных, республиканских, всероссийских, международных выставок. Произведения в музейных и частных российских и зарубежных собраниях.

Андрей РАСТОРГУЕВ

История особого рода

Даже археолог, раскапывая давно скрытые от человеческих глаз пласты культурного слоя, отнюдь не замыкается мыслями на прошлом. Писатель, воскрешая пласты времени и помещая в него своих героев, – тем более.

Вот и Александр Кердан ранее, когда писал свою «Землю российского владения» – эпопею об открытии, освоении и утрате Русской Америки, тоже размышлял о современной России, ее людях и отношениях между ними. Но кроме того, как минимум поначалу авторское вдохновение пробуждал сам исторический материал, в ту пору мало кому известный, а то и вообще скрытый практически ото всех.

«Роман с фамилией» – тоже историческая эпопея. Но особого рода.

До Рождества Христова

Время рубежа нашей эры, к которому обратился автор в первой части романа, не раз перелопачено как историками, так и литераторами. Правда, последние, повествуя о римских междоусобицах после убийства Цезаря, следом за Тацитом и Плутархом живописуют преимущественно жизнь и деяния императоров и полководцев. Без оных, неизбежно включаясь в общую традицию, не обходится и Александр Кердан. Главный герой, которому автор передал свою фамилию в качестве имени, не просто попадает в дом победителя этих междоусобиц Октавиана Августа, но и учит его детей, в том числе одного из будущих римских императоров – Тиберия.

Ученые в поисках новых методов исследования уже давно интересуются не только властью преобладающими. И литературные исторические произведения, что обходятся без властителей, тоже можно отыскать. Но если писатель не задался целью сосредоточиться на частной жизни своих героев, а бросает хотя бы мимолетный взгляд и на общество, сильные мира сего все равно возникают в тексте – по меньшей мере, в качестве фона.

Если же автор глядит на прошлое и настоящее с большей высоты, то тесное соседство выдуманных персонажей и фигур, имеющих реальные прототипы, становится просто неизбежным. Вот и вторая часть «Романа с фамилией» лишь упоминает папу Урбана II, который в 1095 году провозгласил первый из крестовых походов. Но Петр Пустынный, поднявший в этот поход бедноту, и многие предводители рыцарского воинства в ней представлены весьма зримо.

Без главного с точки зрения отечественных летописцев исторического суверена – царя Алексея Михайловича – обходится и третья часть, повествующая о событиях, что происходили в XVII веке на украинском разломе между Московией, Речью Посполитой, Османской Портой и татарским Крымом. Но столь же оправданно в ней выведены Богдан Хмельницкий, его сыновья, Иван Выговский и многие другие деятели того времени.

Присутствие главных героев – они же рассказчики – в окружении этих деятелей выглядит естественным. Издалека и в реальной жизни о таком не узнать и не поведать. Но что, кроме авторского произвола, помогает им в этом окружении оказаться?

В первую очередь, конечно, происхождение. Раб, а затем вольноотпущенник и философ Кердан является продолжателем одного из княжеских

родов Парфянского царства. Крестоносец Джиллермо Рамон – старшим сыном и законным наследником испанского графа де Кердана. Разве что отец Николая-Мыколы Кердана, женатый на дочери русского стрельца (оттого и сын зовется по-разному) – всего лишь запорожский сотник, да и то бывший. Однако ему и его отпрыску по воле автора отчасти помогает давняя родовая дружба с Хмельницким.

Образование тоже способствует. Кердан-парфянин в отцовском доме впитал знания едва ли не всей римской Ойкумены. Граф Джиллермо провел детские годы в одном из монастырей, которые в Средневековье были оплотом тогдашней учености. Казацкий сын Николай, правда, учился только на хуторе у дьячка. Однако необходимый стартовый капитал, получается, все-таки набрал, затем добавив к нему талант и упорство.

Незаурядные личные качества – это третье. Они, безусловно, понадобились и парфянскому пленнику, чтобы он не сгинул в рабстве и стал полезен римлянам в качестве книжника и философа. Проявляет эти качества, но уже на воинский лад, и Джиллермо в Сирии и Палестине.

Кстати, чем ближе к нашему времени, тем менее известными могут оказаться читателю события, о которых идет речь. По личному ощущению, знатоков превращения Римской республики в империю у нас теперь гораздо больше, чем любителей рассказов о крестовых походах. Хотя сегодня, конечно, можно добыть немало информации о многих периодах мировой истории – было бы желание. И автор «Романа с фамилией» этой возможностью успешно воспользовался.

Однако о том, как метались между своими стремлениями и соседями украинские гетманы и народ, большинство из нас ведаёт еще меньше. В советское, да и в последующее время публичный упор делался все-таки на Переяславскую раду, которая в 1654 году соединила Гетманщину и Россию. Однако этой радой история украинского выбора отнюдь не завершилась. И судя по нынешним событиям в современной Украине и вокруг нее, конца и краю этой истории по-прежнему нет.

Впрочем, время и вправду не останавливается. И свою собственную историю при известной доле воображения можно протянуть гораздо дальше родительских рассказов и даже церковных метрик, в том числе обращаясь к глубинным языковым созвучиям. Для твердых выводов почва, которую они хранят, зыбка. А для вдохновляющих предположений вполне подходит.

Из таких созвучий, как можно понять по авторскому зачину, и возникли в романе Парфия и Рим на рубеже нашей эры, и только что отвоеванная у мавров Испания времен Реконкисты. И даже корни повествования о Запорожской Сечи XVII века растут не только из родословия самого Александра Кердана.

От первого лица

Так что замысел «Романа с фамилией», как подчеркивает его заглавие, связан все-таки с историей сугубо личной. Конечно, тому, кто тянется к историческим перипетиям (надеюсь, такие читатели еще остались), авторские предварения каждой из частей могут показаться досадной помехой, особенно по молодости. Лично я в «Воине и мире» тоже поначалу пропускал картины светских салонных сборищ и философствований главных героев, стремясь добраться до батальных сцен. Потом отношение к ним столь же типично выровнялось – благодаря как собственному опыту, так и умным наставникам.

Хотя толстовский роман припомнился, скорее, к слову и ситуации, традиция та самая – классическая. Задачи, которые ставит перед собой Александр

Кердан, по рецептам бульварного чтения не решишь. Занимательная фабула имеется и может вполне удовлетворить просто любопытного читателя. Но если он уже перерос сознание собственной уникальности и вместе с автором желает увидеть себя в цепочке времен и поколений, ему наверняка покажутся интересными и те самые вступления от первого лица.

Философ. Воин. Поэт. Эти заглавия трех частей романа отражают представление автора о собственном триединстве. А если еще и припомнить, что в своей философской ипостаси писатель предшествует Христу...

Сдержим, однако, порыв критической фантазии и оставим в стороне дерзкую параллель со Священным Писанием. Остановимся на том, что вполне подтверждено биографией автора. Кандидат философии и доктор культурологии. Полковник запаса. Сопредседатель Союза писателей России. Весомо, но ведь любые «корочки» удостоверяют лишь формальные результаты вложенных усилий и пройденный путь. А в сердце всегда – ощущение множества оставшихся вершин, на преодоление которых надо бы еще две-три жизни...

Прожить эти сверхурочные жизни писатель способен только в своих текстах. Отсюда – три главных героя. Военскому делу, способности мыслить и поэтическому чувству они, подобно своему создателю, все не чужды. Но в каждом из них в конечном счете выходит на первый план одно из этих занятий.

Истоки предрасположенности или способности к этим занятиям автор находит в своих ближайших предках и родичах. Правда, преподавателем военно-политической академии имени Ленина, статус которого предполагает близкое знакомство с философией, стал только один из них. Однако XX век так проехался по их семьям, что как минимум народной мудрости потребовал и добавил неимоверно.

Как квинтэссенцию этой мудрости сам Кердан вспоминает фразу своей бабушки Ефросиньи: «Будем жить, как набежит...» Наверняка сегодня под этим подпишется далеко не каждый. Да и примерить на себя дальнейшее описание ее жизни вряд ли согласится.

«Так и жила, полагаясь на волю свыше, которую надобно принять смиренно, без ропота, как должное, пестуя в душе терпение, способность не унывать, радуясь каждому выпавшему на долю дню. Следуя традициям, почитать родителей, растить детей, работать от зари и до зари, стараться не делать людям худого, а придет беда, перемогать ее – вот исповедуемые бабушкой уроки крестьянской мудрости...»

С иной стороны, «из десяти бабушкиных детей восемь дожили до преклонного возраста... всех выучила, четверым дала высшее образование...» Тоже, между прочим, показатель способности сопротивляться обстоятельствам. И многие ли из тех, кто сегодня осознает величие собственной личности, могут подвести такой итог своей жизни?

В общем, есть о чем пофилософствовать. Хотя этим выводом автор перекидывает мостик уже к началу второй части, показывая затем, что воинскими качествами в его роду обладали не только дяди, но и мама, которая всю жизнь боролась с болезнью, приобретенной по дороге в сибирскую ссылку, ведь настоящий воин – это воин духа.

Поэтическая ипостась Александра Кердана, оказывается, тоже имеет вполне конкретное семейное объяснение, поскольку склонность к сложению песен и стихов он заимел в роду отнюдь не первым.

Приведенные им образцы семейного творчества не претендуют на звание высокой поэзии, однако свидетельствуют: в любые, самые тяжкие времена

народ сохраняет свою способность к этому творчеству, меткому не только слову, но и образу. И эта способность, поэтический потенциал, отмечает автор, «...копится в людях от поколения к поколению, возможно, даже передается по наследству и... прорывается в ком-то, позволяя ему выразить в образном слове некие смыслы и идеи, давно витающие в ноосфере и терпеливо ждущие своего часа...»

Не раз имел возможность убедиться, насколько живой отклик находят стихи самого Кердана у самых разных слушателей. Так что прорывается, не отдаляясь.

Власть над собой

Главные герои всегда вбирают в себя как минимум частицу писателя. Здесь же открытая, едва ли не мемуарная проекция просто провоцирует переносить на него судьбу и размышления героев.

Тому, кто лично знаком с автором, такая взаимосвязь, безусловно, приоткрывает новые стороны его пути и характера. Другому же читателю она, возможно, помогает ощутить: как ни далеки от нас описанные события, дела и мысли их участников относятся и к нынешнему дню.

Пришедшее в голову сопоставление нынешнего Екатеринбурга с вечным городом на берегах Тибра наверняка покажется чрезмерным. Однако и современный нам переселенец, живущий в любом из крупных городов, вполне может произнести двойственный внутренний монолог вольноотпущенника: «...незаметно я привык к Риму, так враждебно встретившему меня вначале и ставшему теперь моим вторым домом... Рим так и не стал для меня второй родиной, хотя много лет я мечтал, что однажды это случится...»

И замечание о погружении в римский, скажем так, литературный процесс отнюдь не покрыто патиной времен: «...я вскоре отлично разобрался в том, кто из людей искусства тяготеет к какой партии, был в курсе того, о чем говорят на публичных собраниях и литературных вечерах...». А двухтысячелетний Гораций, оказываясь низким льстецом, вообще практически снова обретает живую плоть.

Хотя две эти ссылки относятся к первой части романа, его разделение отнюдь не прерывает единства авторских размышлений. Джиллермо, к примеру, будучи воином, в конце концов вполне философски задумывается о смысле войны, в которой участвует. Он не чванится своим происхождением, перед решающим сражением производя в рыцари своего простолюдина-оруженосца Пако. Хотя здесь же, объясняя этот сюжетный ход, автор неожиданно использует прием сериального зрелища. Пако, судя по его родовым пятнам, оказывается бастардом епископа, приходящегося главному герою дядей, и стало быть, двоюродным братом Джиллермо.

Тема предательства и верности своим идеалам в разных вариациях возникает во всех трех частях и отчасти неожиданно связывается в том числе с темой детей. Они, по словам Октавиана, главные предатели каждого родителя... Тоже, между прочим, вполне философская мысль, подтвержденная естественным ходом жизни, когда потомки выбирают собственную дорогу, не желая продолжать родительскую стезю. И лишь через многие годы обнаруживают в себе неизгладимые унаследованные черты...

Кстати, по версии, вложенной в уста опять же Октавиана, виновной в таком развитии событий оказывается та же философия, которая совращает неокрепшие умы. Тоже есть над чем подумать.

Впрочем, дети в «Романе с фамилией» играют еще одну важную роль. «Давая уроки наследникам Октавиана, – говорит Кердан-философ, –

я незаметно привязался к ним и даже полюбил, забыв, что это дети моего врага...» А Николая-Мыколу от убийства останавливает десятилетняя дочь недруга, виновного в гибели такой же девочки – его сестры Оксаны...

Собственных потомков герои «Романа с фамилией» при этом не оставляют. Бездетным выпивает чашу с ядом Кердан-философ. Так и не возвратясь в оставшийся без владельца родовой замок, гибнет на стенах Иерусалима Джиллермо. И на Николае, распятом поляками, фамилия прерывается.

Остановить это досадное повторение, конечно, могли бы женщины. Но с ними героям явно не повезло. Философа к гибели приводит одна из его учениц – Юлия, ставшая легендарной распутницей. Джиллермо отправиться в крестовый поход подталкивает непристойный случай с его мачехой. А в «Поэте» взаимоотношения со второй половиной человечества как-то вообще оказываются в тени бурных украинских перипетий.

Так что светлые женщины предстают в романе преимущественно в образе матерей или недоступных прекрасных дам. «Возможно, по-настоящему я мог полюбить только женщину знатного происхождения, образованную и воспитанную, чей внешний облик пленял бы красотой, а душа излучала нежность и благородство...» – размышляет бывший парфянин, искупая тем самым пришедшую ранее на ум цитату одного из мудрецов: «Удачно жениться – все равно что вытащить с завязанными глазами безобидного ужа из мешка, полного гадюк...»

Умирая подобно Сократу, он соглашается с эллином: «Именно любовь лишает человека страха перед смертью, дает власть над собой, а значит, делает его подобным богам...» Хотя отсчет новой эры, начавшейся с приходом провозгласившего свое учение Христа, еще не пошел...

Не только о мести тем, кто виновен в гибели отца, но и о любви задумывается накануне гибели и Джиллермо: «...Я снова хотел любить и быть любимым, любимым той единственной женщиной, без которой не мыслил своего счастья...» И цена, уплаченная им за эту мысль, тоже лишает любовь конкретных телесных очертаний, переводя ее в духовное состояние.

Лишено осязаемых черт и наследие Николая-Мыколы. Но пожалуй, именно он перед смертью уверяется в том, что жил не напрасно. Ибо из осаждаемого поляками русского гуляй-города, к которому не пришли на помощь изменившие запорожские казаки, доносится сложенная им и переданная в народ песня.

Надежда на продолжение

Как бы я ни стремился уйти от жесткой привязки к личности автора – эпилогом он снова возвращает читателя к себе. Ибо надежда, вложенная в концовку третьей части, очень важна и самому Александру Кердану.

Автор видит, что именно сейчас «век нынешний, двадцать первый, куда более циничный и жестокий», вполне может сделать то, чего не добился предыдущий, двадцатый, поскольку «нацелен не столько на физическое уничтожение человека, сколько на разрушение его духовно-нравственных устоев, без которых сама человеческая жизнь становится бессмысленной, никчемной».

Впрочем, эту надежду на продолжение – не романа, но человеческого рода и собственной древней фамилии – он возлагает на тех самых обычных людей, которых все это вроде бы и призвано разрушить. На потребителей, обывателей, не изводимых ни в какие времена. Тех, что не особенно отрываясь от почвы, «сеяли, строили, воевали, женились, рожали и растили

детей». Но при этом – и возможно, по этой самой причине – сохраняли в себе совестливую душу и «способность мыслить, чувствовать, сопереживать».

Еще одной песней – тихим гимном таким обывателям – и становится в завершение «Романа с фамилией» невеликий сказ «Родова». Присказка такая, довесок вроде бы – то ли присохнет, то ли впоследствии отпадет. Хотя по некоторым военным рассказам помнится, довески такие иногда очень много значили – в ленинградскую блокаду, например.

Параллель с той войной подкрепляется еще и тем, что сказ этот весьма напоминает известную в свое время короткую «Балладу о маленьком человеке». Правда, Роберту Рождественскому в ней для контраста все-таки потребовался пафос – мол, «на всей земле не хватило мрамора, чтобы вырубить парня в полный рост». Александр Кердан переламывать интонацию не стал, тем более что его маленький человек вернулся с войны живым и прожил больше века. Ему важно другое – что у этого обывателя было три сына, не забывших его.

«Один из них, говорят, был Полковником, второй – Философом, а третий – Поэт...» Может, для автора это они и есть – теперь сведенные издательством под одну обложку?

Станислав ЛОМАКИН

Философия сходится с верой и поэзией

Отечественная философская традиция связана не только с умственной конструкцией, но и чувственным восприятием мира, живой реальностью, где едины земное и небесное, вера, мысль, поэзия. Эта зиждательная связь пронизывает всю русскую литературу в лучших ее проявлениях.

*Я – русский. Я порою до боли грубый,
В кармане Слово, за плечами вечность,
И нищему в картуз я брошу рубль
И напою его водкою из речки...
Я – русский, я ищу повсюду Правду
И водкою усопших поминаю.
Я верю в то, что русским нету равных,
Когда они грустят или страдают.*

Эти строчки из книги стихов философа по профессии Алексея Шлякова, который давно прикипел к поэзии, и наконец со смирением и молитвой начинает своей первой поэтической книгой, путь философствующего поэта. Философ одновременно является лидером рок-группы «НЕва», автором многочисленных песен, солистом, музыкантом. Подобная бинарная сущность поэта не может не отражаться на восприятии мира, но отождествлять две деятельности (философию и музыку), две стези, происходящие или идущие параллельно, было бы грубым, на мой взгляд, заблуждением. Каждый вид деятельности проявляется особым образом на органы чувств или органы мысли.

Иногда задумываешься над тем, что наши жизненные приоритеты зависят не от нас, а определяются случайными или необходимыми, внутренними мотивами наших действий. Так и хочется сказать: на все Божий промысел. Поэт-философ прогнозирует:

*Я присяду, немного устал,
А еще предстоит ночью битва.
И приемлю слова Христа:
«Род сей гнать лишь постом и молитвой».*

Почему-то возникает в памяти строчка Федора Тютчева: «По высям творенья как Бог я шагал». Нечто подобное наличествует у философа-музыканта. Алексей Шляков решает исключительно сложную и важную для него задачу – задачу о том, как человек воспринимает мир посредством музыки и философии в обновляющейся России.

В одном из интервью он откровенно, не навязывая никому свои идеи, говорит: «Есть чувство, определяющее духовное переживание, которое меня тревожит, и его я хотел бы зарисовать словами, складывающееся в смысл. Русская рок-культура состоит из богоискательства, мы ищем Бога. Человек наделен полномочиями избирать себе музыкальные и поэтические пристрастия». Эти полномочия не отторгают веру, Алексей Шляков устремляет своих современников к вере, захватывающей все человеческие дарования, разнонаправленность их устремлений. Наша духовная природа состоит из немислимого, из того, что не подчиняется физическим законам мира. Умную, тревожную написал философ книгу. В стихотворении «Напоминание» он пророчествует:

*А меня забудут послезавтра.
Завтра я напомню о себе,
И еще один ненужный автор
Крест поставит на своей судьбе.*

Напрасно этой книгой автор сказал, что таланты неисчерпаемы на Руси. Книга стихов Алексея Шлякова покажется небезынтересной как многочисленным любителям поэзии, так и узкому кругу читателей-специалистов.

Этнограф рассказывает...

*«В молодости мы постигаем мудрость.
С возрастом ее проявляем».*

Жан-Жак Руссо

Книга известного профессора Томского государственного университета Владислава Кулемзина «Записки этнографа» (издательский дом Томского государственного университета, 2018), отражает многочисленные экспедиции по Сибири, встречи этнографа с представителями малых народностей, проживающих в районах Крайнего Севера, встречи с учеными разных стран во время международных конференций.

Автор коротких рассказов воспринимает жизнь малых этносов как бесчисленное количество уровней бытия во всех проявлениях, причем эта реальность простирается в разном временном измерении, и действуют персонажи разного поколения, несмотря на контрасты жизни не в замкнутом, хотя в традиционно противоречивом, иногда очень жестоком мире. Движение времени не проходит бесследно для людей, как, впрочем, и для самого автора.

Его общение с малочисленными этносами – ханты, селькупы, манси, эвенки – позволило ему, как он пишет в предисловии, выявить: «несколько специфических этнографических срезов, позволяющих уловить некоторые особенности различных сословий современной Сибири, а значит и России». Рассказы, написанные с юмором, высвечивают серьезные проблемы, например, почему северные народы не всегда принимают блага современной цивилизации. Почему язычество так глубоко пустило корни, и нужно ли их вырывать, и можно ли просвещением цивилизовать детей природы? Какие трудности испытывают малые народности в процессе христианизации?

В данном случае не последнее слово в этом вопросе остается за исследователем, который изначально призван служить посредником между людьми. Ученый, не уклоняясь от своей наипервейшей обязанности – создать целостную концепцию, где здравому смыслу отведена позитивная, самостоятельная роль, открывает возможности для многостороннего подхода в изучении малых народов с их традициями и верованиями.

Малые этнические народы полагают, что все в мире повторяется, мир представляет сложившуюся систему, и разрушать ее нельзя, и соответственно, мир со сложившимися устоями и традициями. Отсюда – отсутствие страха у них перед смертью, они относятся к ней как к чему-то обычному, естественному, обязательному.

Для народов, живущих в районах Крайнего Севера, природа является святыней (глава «От бересты к пластмассе»), с которой они связаны с детства, это своего рода благоговение перед величием природной данности, которую они наделяют человеческими чертами. У этих народов существует

генетический код, он останавливает их (экзистенциально), не нарушая веками сложившееся трепетное отношение к природе.

Этнограф в своей книге знакомит читателя с обрядами рождения детей и смерти, ритуалами, традициями народов природы. Подробно автор знакомит читателей со способами добывания рыбы, ее хранения, долбления лодок, использования бересты коренными народами Сибири. При чтении книги «Записки этнографа» иногда закрадывается мысль: может, народы природы по своему укладу, отношению к природе, стилю жизни стоят в нравственном отношении выше современных цивилизованных народов, особенно тех, в которых приняты законы о браках людей одного пола?

Не все этносы повторяют пути, пройденные в свое время человечеством, точно так же как приобщение культурно отсталого социума к более передовой культуре не влечет за собой повторения всех этапов культурного развития. Знаю автора книги со студенческих лет, он представляется читателю как незаурядный рассказчик, проявивший не только декламаторские, но и артистические способности, особенно в знаменитом рассказе «Иконка». Я слышал «Иконку» несколько раз и почти запомнил ее дословно. Кулемзин перенес свои байки с устного повествования на вербальный (письменный) уровень.

Автор, передавая сказание «из пятых уст», добивается художественного впечатления правдивости описываемых событий, устанавливая для себя жанровый поведенческий признак, который с умилением принимается зрителями, воздействуя словом и мимикой на самые глубокие струны человеческой души. Юмор не может что-либо обесценить, он подчеркивает равенство, совместимость, коммунальность, теплоту взаимоотношений.

Шокирующее переплетение сакрального и юморного кажется смелым новаторством в процессе чтения книги «Записки этнографа». Конечно, письменные истории ученого-рассказчика частично утрачивают представление в лицах, тонко чувствующего аудиторию, умеющего угадать любые вкусы, запросы, настроения.

Мало того, я не раз слушал разные байки своего сокурсника, смеялся и восхищался, когда он, имитируя какого-либо персонажа, становился соавтором, сохраняя сюжетную канву. Помню, как Владик перед началом лекции по истории средних веков имитировал преподавателя, но заметил, что никто не смеется. А когда сел на свое место, обнаружил рядом ректора университета (пришедшего до лекции к коллеге) Александра Ивановича Данилова, выдающегося историка-медиевиста, депутата Верховного Совета СССР, будущего министра просвещения РФ, который сказал севшему рядом студенту: «А вы знаете, похожи...»

Рассказы-байки Владислава Кулемзина вызывают смех, радость узнавания, тревогу за состояние сибирской природы, изумляет то, что скрыто за горизонтом. Преимущество рассказчика прежде всего в том, что он озабочен не только раскрытием авторского замысла, сколько стремлением донести до зрителя свое собственное понимание, адекватно передать то, что слышал из уст, скажем, старика ханты – охотника или рыболова, причем в основании авторской постановки уже изначально присутствует элемент зрительского восприятия.

Сила этой позиции заключается в том, что она позволяет найти себя в жанре сказителя, самореализоваться как творческой личности. Байки Владислава Кулемзина полны восхищения нестандартными поступками людей, перед многообразием неведомого для нас мира, нескончаемого любопытства и любви ко всему живому на земле.

Человек и история. Зиждательная связь

*«На земле, где все изменно,
выше славы блага нет».*
Федор Тютчев

Книга «Это наша с тобой биография», составленная ученым А.Л. Вычугжаниным (издательский дом «Слово», г. Тюмень), до сих пор вызывает неподдельный интерес у читателей и специалистов разных направлений, связанных с освоением и развитием северных территорий Тюменской области, а значит всего Тюменского края.

Главный персонаж этой книги – Геннадий Павлович Богомяков, посвятивший большую часть своей жизни развитию Тюменского региона. Его государственная деятельность независимо от социального статуса отличалась дальновидностью, прогностической прагматичностью. С присущей ему мудростью, мужественно отстаивающему свои идеи, определяющие направленность важнейших проектов для области, он осмысливал профессиональное, специфическое, мировоззренческое их значение.

Рассматривая рассудочный вариант обоснования необходимости освоения природных запасов нефти и газа Тюменской области, мы имеем дело с реальностью объектов, скрытых сил природы, отличных от нашей логики, так как реальные основания не всегда совпадают с принципом целесообразности природы и одновременно с принципом человеческой природы. Сочетая характеристику жизни и творчества Богомякова с изображением героической эпохи, автор книги с не меньшей любовью повествует о людях, окружавших руководителя области, своей деятельностью утверждавших веру в свои силы, грядущие социальные преобразования, духовную красоту и величие человека, проявляющиеся иногда в экстремальных условиях жизни. Об их деятельности написано много книг и статей, созданы документальные фильмы.

Владимир Высоцкий написал два стихотворения, посвященные нефти и революции в Тюменской области:

...В борьбе у нас нет классовых врагов –
Лишь гул подземных нефтяных течений,
Но есть сопротивление пластов,
И есть, есть ломка старых представлений...

Убежден, по прочтении книги «Это наша с тобой биография» многие читатели укрепят и оживят память, придут к признанию истины о существовании великого поколения людей, свершивших нравственный и духовный подвиг. Но иногда можно обнаружить людей, страдающих в повседневной жизни от преступного незнания того, что было содеяно предшествующими поколениями. Но особенно губительно отражается такое незнание на воспитании юношества, так как нельзя иметь надлежащей нравственной разумности, если в основу ее не положено широкое объективное знание великих дел своих предков, являющихся опорой, укрепой последующей жизни новых поколений.

Книга, о которой идет речь, дает глубокое осознание героических будней. Молодые люди в процессе чтения проникаются совершенно новым воодушевляющим пониманием своей жизни, вырабатывая по отношению к себе мировоззренческий вектор, ориентир на всю последующую жизнь.

В заключение этого краткого моего восприятия от прочитанной прекрасной книги «Это наша с тобой биография» замечу: я не был праздным созерцателем великих дел, происходящих в жизни СССР, Тюменско-

го края тех лет. Студенческому строительному движению я посвятил 14 лет, был первым командиром студенческого отряда Томского университета, первым командиром Тобольской зоны в 1975 году на строительстве нефтехимкомплекса, много читал статей, репортажей, книг о славных делах соотечественников. С лекциями по линии областного общества «Знание» я побывал на всех крупнейших газовых, нефтяных, газонефтяных месторождениях и воочию наблюдал мятежный дух объединившихся в братстве единого идеального содружества людей, совершающих подвиг во имя и на благо будущих поколений.

Книга «Это наша с тобой биография» Александра Вычугжанина вносит свой вклад в понимание специфики постановки и решения проблем освоения северных территорий Тюменского края, и следуя за автором, мы проходим по лабиринтам его размышлений, начинаем понимать, что смысловое значение книги будет полезно для развития других регионов России.

Всеусердный стихотворец

«Ничто так не освобождает человека, как знание».

Иван Тургенев

Недавно разбирая книги в поисках нужного мне автора, наткнулся на детскую книжку стихов Григория Кайгородова. Мои редкие встречи с литератором, бывшим по специальности врачом, носили тихое ощущение приятности, удовлетворенности от краткого общения во время писательских собраний. Конечно, я читал его неоднократно переизданные детские книжки, и особенно «Аленький цветочек» по сказке Сергея Аксакова в поэтическом изложении, который прошелестел своими смыслами на моем письменном столе.

Книга «Азбука шахмат» стала любимой книгой моего внука Тимоши, и я солидарен с оценкой, данной ей и другим книгам Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, народной артисткой СССР Татьяной Дорониной, чемпионом мира по шахматам Анатолием Карповым. Наблюдая за внуком, его повышенным вниманием к шахматам, прихожу к выводу, что шахматы могут влиять не только на мысли и поступки, но и физические и душевные функции.

Постоянное стремление Тимофея играть со мной в шахматы изменяет его характер, перестраивается поведение, мысли с рассмотрением шахматных этюдов, непонимание их замыслов приводит к сдерживанию чувств, когда он проигрывает партии. Трудно определить границы различных периодов социализации ребенка, сфера разума непрерывно растет, глубины познания возрастают, когда он погружается в содержание стиха, контрастирующего с обыденной речью. Например, в стихотворении «Зоопарк» Кайгородов повествует:

Я в зоопарке был и два часа смотрел, бродил...

Я видел разноцветных рыб, похожих на осколки глыб,

Цветного чешского стекла, рубины, яшмы, янтаря.

Сколько в этих строчках неизвестного, загадочного для ребенка. Фрагментарное употребление смыслов связано со второй доминантой: альтернативное слово попадает в поле зрения, однако значение его намеренно минимизируется. Когда мой внук читает стихи о кроликах, ежах, варанах, лягушках, тритонах, черепахах поэта Кайгородова, он заучивает их с одного прочтения, у него возникает потребность узнать о них больше.

На столе внука появляются энциклопедии, словари, и меня это радует.
Тритонов видел и рачков, лягушек, мелких грызунов,
Варана, спящего в песке, а черепаху на доске,
Колючий ежик все пыхтел – себя он трогать не хотел.

Серьезное знание о тритоне и варане я узнаю из уст внука Тимофея. Время структурирует смысловую и образную ткань стихотворения, образность и эмоциональность становятся эстетической детерминацией текста. Все стихотворения рецензируемой книги «Стихи» для детей носят познавательный характер, являются синонимом любви, чистоты и мудрости; синонимом души.

Современная цивилизация сделала одно из любопытнейших открытий последнего времени, чуткие «уши» уловили новые, порождаемые негативные последствия от использования электронных носителей, регистрирующие радиоизлучения, возникшие в конвульсиях радиоволн. В Японии, Германии, Франции учащимся школ не рекомендуется пользоваться мобильниками до определенного возраста. В стихотворении «Мобильник» поэт предупреждает:

Мобильник – это не игрушка,
В себе опасность он таит:
Микроволнами портит ушко,
Здоровью нашему вредит.

Прочитав эти строчки, внук задумался, попросил дать разъяснения и почти перестал пользоваться мобильником, поверив поэту. В безграничном океане поэзии с ее разнообразием стихотворных жанров, воспевающих радости жизни, поэтические детские книги тюменского поэта занимают достойное место в сибирской литературе. Книга «Стихи» для детей Григория Константиновича Кайгородова, как и десятки других, показывают талантливого автора, очищают и озаряют детские души, даруют блаженство от узнавания нового, неизвестного, пробуждают любовь ко всему живому на Земле.

Эдуард АНАШКИН

В сторону доброты

Однажды ее встретил в коридоре правления Союза писателей России известный советский детский поэт и прозаик Георгий Афанасьевич Ладонщиков. Остановил и сказал: «Я читал ваши публикации в газете. Это хорошие, добротные зарисовки о природе и животных. Сразу ощущается по ходу повествования, что автор – добрый человек. А это очень важно в литературе для детей. Попробуйте писать для детей. Уверен, у вас получится!» И она попробовала... Кто знает, может, если бы не та судьбоносная в творческом смысле встреча, не имели бы сегодня мы в лице Светланы Васильевны Вьюгиной одного из самых добрых и светлых писателей, пишущих для самого «трудного» читателя – для детей.

Если человеком, который направил Светлану Вьюгину в детскую литературу именно в преддверии того, как этой литературе особенно понадобится свет доброты, был Георгий Ладонщиков, то первым журналом, который отметил приход Вьюгиной в детскую литературу, напечатав рассказ, был знаменитый журнал «Мурзилка». Почин «Мурзилки» в отношении публикаций Светланы Вьюгиной подхватили знаменитые журналы «Юный натуралист», «Веселые картинки», «О русская земля», «Простоквашино»... От них не отстают и журналы, где печатается литература для взрослых читателей – «Дон», Русское эхо», «Север», «Балтика»... Даже по названиям журналов видно, насколько широка география публикаций Вьюгиной! А названия ее книг настолько «вкусны», что каждое название – замечательный добрый образ, который питает детскую душу, развивает и неназойливо учит доброте и заботе о ближнем. Вслушайтесь в эти замечательные названия книг – «Коноpastик», «Сибирский Валенок», «Рыжий снег», «Черемуховое крылечко»! И вы словно сами окунетесь в детство, которое является для каждого ребенка тем золотым запасом человеколюбия, который согревает человека всю жизнь.

В творчестве Светланы Вьюгиной, светлой, улыбчивой и скромной женщины, есть ощущение таинства первооткрытия мира и свежесть детского восприятия окружающего. Этому не научат ни в одном литературном институте. С этим надо родиться, ведь это – дар свыше. Вот мнение известного писателя Михаила Гюденко о неповторимости вьюгинского литературного почерка:

«Далеко не всем удастся так искренне и просто писать для малышей о красоте и сложности нашего бытия, о его многообразии. Каждая мелочь волнует автора, словно впервые увиденная глазами ребенка. Вот на травинку опустился тяжелый жук... А вот на ладонь вспрыгнул изумрудный лягушонок – и целый мир отражается в его выпуклых глазах. Кто-то в спешке не заметит, пройдет мимо, а то и раздавит. А у писательницы из каждой такой встречи рождается рассказ. Вроде бы легко и просто написано, никаких «художественных ухищрений», а так и видишь перед собой тихий деревенский пейзаж, любопытную птицу или лесного зверя, чувствуешь тепло деревянного крылечка или горьковатый запах черемухи. А все дело – в особом чувстве слова... Рассказывая о природе, писательница на самом деле говорит о людях, какие они: добрые, отзывчивые, внимательные или, наоборот, злые, равнодушные, бестактные. Светлана Васильевна живет в

Москве – городе шумном, переполненном людьми и машинами. Но даже здесь, гуляя с любимым псом Диком или спеша по делу, она всегда увидит нечто такое, что остановит ее внимание: умную ворону-москвичку, первые желтые цветочки мать-и-мачехи или только что прилетевших селезня и уточку на городском пруду. А уж сколько радостных событий ждет летом на даче! Здесь и добрые соседи, и своенравная корова Зозуля, и деревенские собаки, кошки, куры. Думаю, вы с удовольствием познакомитесь и с юными героями рассказов: Вовой, Ваней, Машей – и подружитесь с их домашними питомцами: попугайчиком Ромой, щенком Диком, филином Угошей и другими...»

Вот уже много лет ни одно литературное событие в курском соловьином крае (это малая родина ее покойного мужа – писателя Ивана Тертыхного) не обходится без участия Светланы Вьюгиной. Литературные праздники на родине предков Вьюгиной в Судже, встречи с земляками покойного супруга-писателя в Обоянском районе, международный фестиваль литературы и искусства славянского порубежья в Курске, книжная ярмарка, съезды курских литераторов... Однако особая забота Светланы Васильевны – это литературный лицей при Доме литератора. Всякий приезд Вьюгиной в этот лицей означает, что книжные библиотечные собрания ощутимо пополнятся!

Недавно говорили по телефону с одной поэтессой, речь зашла о премудростях литературного процесса. И собеседница моя сказала мудрую вещь, что мы живем, по сути, в одном доме. Литературном доме! А в доме всякое бывает. Но при этом мы не должны понимать, что не все, что говорится и делается на кухне, в спальне и в туалете, должно доноситься до слуха в гостиной. Про детскую комнату поэтесса не упомянула почему-то, а я сразу подумал именно про детскую комнату! Ведь и до слуха в детской далеко не все, что говорится и делается в спальне, туалете и кухне, должно доноситься. Взрослая жизнь непроста и противоречива. Когда в детской комнате слышен мат-перемат, доносящийся из кухни, где взрослые пьют пиво, ничего хорошего дом и семью не ждет.

Но очевидно ведь и то, что ребенок однажды покинет детскую, и ему надо будет жить во взрослом мире. И это налагает на взрослых особенно непростую задачу – научить ребенка отличать добро от зла. Чтобы присоединяясь к добру – он творил благо для себя и окружающих. Чтобы все его движения души и поступки были в сторону доброты.

Об этом думается, когда берешь в руки новую книгу Светланы Вьюгиной «Волшебное словечко». Книга вышла в московском издательстве «Ихтиос» в 2019 году. Я бы определил ее, как книгу для самого непростого читателя – для подростков, которые выходят из золотого детства, пронизанного доверием к миру. И открывают для себя мир взрослый – непростой, трагический, противоречивый. Мир, который требует от них нравственного выбора в самых непростых ситуациях. Тут даже дело не в том, что надо уметь отличать зло от добра, потому что и зло, и добро – понятия относительные.

В рассказе Светланы Вьюгиной «Папа не пил...» перед подобным выбором – предать или не предать одного самого близкого человека – отца – другому самому близкому человеку – матери – сталкивается девочка, которая примерно возраста Павлика Морозова. Мама отправляет дочку сопровождать папу в магазин, наказывая, чтобы дочь не позволяла отцу выпивать с друзьями. Но у отца свои резоны. Накануне праздника Победы отец, недавний фронтовик, считает обязательным встретиться с друзьями, со многими из которых он прошел трудными дорогами войны. И вот уже дочка сидит в

пивной и ждет, пока папа выпьет и поговорит с друзьями. Она не осуждает отца. Хотя, конечно, ситуация ее удручает, она думает, что же скажет потом маме, которая велела ей не позволять отцу выпивать?

В пивной, где ребенку, конечно же, не место, дочка видит фронтовиков-инвалидов на колясках. По росту они, поскольку сидят в колясках, равны девочке. И тут она вдруг осознает, что видит окружающее с их ракурса, как бы их глазами, глазами инвалидов-фронтовиков. Читаешь и думаешь: «Какой же тонкий психолог Светлана Вьюгина! Как филигранно она небольшими деталями может сказать о таких глубоких философских вещах, о которых иногда и в целой книге сказать не скажешь?»

И вот уже папа, радостный после встречи с друзьями, идет с дочкой домой. А дома мама, увидев, что папа вроде бы слегка навеселе, начинает допытываться у дочки – пил ли папа? Вот тут девочке и приходится сделать выбор, который непросто даже для взрослого человека, а уж для ребенка -- тем более. И выбор этот в нравственном отношении даже потруднее выбора Павлика Морозова. Потому что сказать правду о папе, значит, фактически предать папу. А не сказать правду, то обмануть маму. Ребенку приходится делать выбор даже не между добром и злом, как ни размыты эти понятия в наше время. Ей приходится выбирать между большим и меньшим злом.

Девочка, видевшая фронтовиков и понимающая своего отца не просто как главу семьи, но как защитника родины, для которого фронтовое братство не просто поход в пивную, твердо говорит маме: «Папа не пил...». И стоит на своем так крепко, как, наверное, в свое время насмерть стоял на рубежах родины отец, защищая свою будущую, еще не родившуюся дочь...

В другом рассказе «Пионер» все дети тоже так или иначе делают свой личный выбор в момент, когда с одноклассника срывают пионерский галстук за то, что он, советский пионер, справлял Пасху вместо того, чтобы собирать металлолом. Видимо, речь идет о том времени, которое можно назвать православным социализмом. Времени 70-80-х годов, когда вера в коммунизм не мешала советским людям на Пасху красить яйца и печь куличи. Но вот, как видим, некоторые особо идейные пионервожатые не дремали, проявляя атеистическую бдительность... Повествование ведется от имени девочки, которая с недоумением примеряет ситуацию на себя, зная, что многие дети едят на Пасху крашеные яйца и помогают маме печь куличи. Девочка, которая могла отмолчаться, как все, делает свой выбор – пытается, пусть неловко, оправдать одноклассника. И все дети, как мы видим из повествования, делают аналогичный выбор – в сторону добра. В противном случае возникла бы ситуация почти библейского смысла – Распни его!

Жаль, что я не работаю в Министерстве образования. А то бы непременно постарался, чтобы рассказы Светланы Вьюгиной стали предметом чтения и темой дискуссий в подростковой среде. Ведь от того нравственного выбора, что сделают наши внуки и дети, зависит не только будущее наших семей, но и будущее страны. Очень бы хотелось, чтобы этот выбор был в сторону доброты.

Ольга ОЖГИБЕСОВА

Палка, палка, огуречик...

Разбирая рукописи

Палка, палка, огуречик – получился человек. Это, пожалуй, вершина моего живописного творчества, так что персональные выставки и членство в Союзе художников мне не светят. Разве что выдать свою мазню за какой-нибудь новоявленный сюр-примитивизм и попробовать прорваться... Но... боюсь, что профессионалы все-таки меня не поймут.

Очень хочется в конце предыдущего абзаца поставить смайлик (интернет нас испортил), но тема разговора в действительности очень серьезная и, я бы сказала, печальная. Сейчас озвучу прописную истину: всякое дело требует определенного уровня знаний, мастерства, навыков и, конечно же, таланта. Но складывается у меня такое впечатление, что правило это неоспоримое относится к любому виду деятельности – за исключением... литературы вообще и поэзии в частности.

В редакции газет и журналов круглый год поступает просто огромное количество «литературных» произведений, по большей части пенсионеров, которые не знают, как использовать свое свободное время. Многие решают заниматься литературным творчеством, даже не ведая, что, как любая профессия, писательство требует широчайшей эрудиции, хорошего образования и таланта или хотя бы способностей. И невдомек этим людям, что существует наука «Поэтика», которой две тысячи лет, что есть правила русского языка, есть такое понятие, как стилистика, основы стихосложения и многое, многое другое, без чего нельзя браться за ремесло. Назовем это хотя бы таким словом.

«Поэтов» у нас развелось столько, что скоро яблоку упасть будет негде.

Кавычки не случайны. По моему, и не только моему, глубокому убеждению людей, которые, научившись рифмовать и складывать четыре строчки, считают себя поэтами, таковыми назвать не только нельзя, но еще и преступно по отношению к русскому языку и великой русской литературе.

Нет, я не против тех, у кого душа поет и слова сами собой складываются в стихи. Это замечательно, когда в человеке живет творец! Но! Должно же быть какое-то элементарное осознание того, что между твоими стихами и настоящей поэзией расстояние такое же, как между зонтиком, с помощью которого пацаны прыгают с крыш, и орбитальным спускаемым аппаратом.

Нет, наши доморощенные пииты рвутся в школы выступать перед учениками, выдавая свои беспомощные тексты за поэзию, мнят себя чуть ли не классиками, пытаются вступать в Союз писателей, требуют денег на издание своих произведений и творческих туров по городам и весям – разумеется, не за свой счет, причем ставят такие условия, о которых не помышляют признанные еще в советские времена писатели – люди с завидной скромностью и запросами.

За примером далеко ходить не надо. Передо мной – рукопись очередного претендента на звание поэта всех времен и народов Николая III. Мы не знакомы, так что зла я на него не держу и счеты с ним сводить не собираюсь. Ничего, как говорится, личного.

Начнем с техники: наличие рифмы и размера в стихотворном произведении пока никто не отменял. Нет, есть, конечно, белый стих, но там свои правила, поэтому ограничимся классической формой. Итак...

Узнав, что ранен капитан,
Матросы дрались еще злей.
Они запели Интернационал,
Громя непрошенных гостей.

Или вот это...

Они освободили от рабства все народы,
А вместе с рабством горе нес фашизм с собой.
Чтоб вы могли бы жить, смеяться и любить,
И чтоб никогда не было третьей мировой.

Или...

Мальчишка бороды подрисовал героям,
А их портреты висели на стене.
Увидел я исчерченные лица,
И что-то вдруг так грустно стало мне.

Автор имеет хоть какие-то элементарные знания о том, что такое стихотворный размер?!

И это если только говорить о форме, а уж если о содержании... Что такое поэтические образы? Метафоры? Гиперболы? И прочие поэтические заморочки... Наш автор не имеет о них ни малейшего представления! Да и зачем они, если можно вот так, в лоб, без долгих раздумий – главное, что рифмы появились:

А во дворе смеются веселые девчонки,
Как мы с тобой когда-то, красивы, молоды.
Прекрасно все одеты, короткие юбочки...
Желаю, чтоб в их жизни не было беды.
А вот еще:
Что-то я так сильно похудела –
Тут... и тут... Так стало меня мало!
Я бы срочно холодца поела,
А вдобавок – небольшой кусочек сала.

Николай Ш., уверенный в своей гениальности, рвется к славе – хотя бы и районного масштаба, потому что городскую, а уж тем более российскую ему явно не потянуть. И ничего, что русский язык хромает, сюр-примитивизм зашкаливает, талант прикрылся дерюжкой и носа не кажет. Главное – не наличие таланта, а умение себя подать. «Бездарности пробьются сами...».

Я знаю поэтов, которые, начав писать в сорок лет, упорно работая и непрестанно совершенствуясь, в короткие сроки добились таких высот, что с первого захода стали членами Союза писателей России и печатаются в толстых российских журналах. Талант плюс трудолюбие – вот залог успеха. Знаю авторов, в которых поэтическая жилка забила после шестидесяти: начни они лет на 20-30-40 раньше – и вышел бы толк, а так... Радуют своими несовершенными, но очень искренними и по-настоящему интересными стихами родных и друзей. И очень четко осознают свой «потолок».

Эта писанина для близких, для друзей, но отнюдь не для широкой публики. Давайте все же разделять поэзию от любительского сочинительства! И призыв мой адресован не столько самим новоявленным «пиитам», сколько облеченным властью людям, от которых зависит организация встреч с читателями в школах и библиотеках, финансирование сборников.

НАШИ ГОСТИ (БОЛГАРИЯ)

Литературный журнал «Знаци» выходит в городе Варне и является главным изданием Славянской литературной и художественной академии. Главный редактор – известный болгарский поэт и общественный деятель, президент Славянской литературной и художественной академии, организатор ежегодного поэтического фестиваля «Славянские объятия» Елка Няголова.

Бойка АСИОВА

ЯЛОВАЯ ВДОВА

Роман, 2007, издательство «Жанет-45»

В микрокосмосе небольшого болгарского городка Бойка Асиова дает портрет макрокосмоса Балкан. Своими пронизательными описаниями болгар, турок, помаков (болгар-магометан) и албанцев она изображает картину многоэтнической общности, которая сожигательствует мирно (хотя не всегда в полной гармонии) и которая вместе страдает.

Роман построен по всем правилам современной литературной композиции. Действие разворачивается не только в родном краю автора, а переносится далеко за границу: Анатолия, Албания, Румыния, Греция, Святая Гора, Сирия, Гроб Господень. Основной сюжет, стержень «Яловой вдовы» – общая судьба двух человек: несчастной Враницы, оставшейся после войны молодой вдовой, и албанца Адема, скрывающегося в небольшом болгарском городке от преследующей его кровной мести – неумолимого закона у него на родине. Образ Враницы с характерными чертами болгарской идентичности является одной из главных жемчужин повествования.

Отрывок из романа «Яловая вдова»

БЕРЛОГА АДЕМА

О ней судачили, что она извела ласки многих мужчин. Не иначе как из зависти. Но никто не знал, что неимение собственного мужа ей в тягость. Другое дело, когда каждый вечер твои ноги сплетены с мужскими. Ее же долей всегда было урвать ласку украдкой. Она помирала со страху и когда заманивала кого-нибудь к себе домой, и когда ей самой выпадало забраться в чужую постель. Ей не хотелось пересудов, она сторонилась сплетен. А так – умела очищать себя от тяжелых мыслей. В первую очередь не допускала, чтобы в ней застряли дурные слова, брошенные вслед. Не лезла промеж их острых зубцов, а обходила стороной, проскальзывала мимо, как форель между подводными камнями. Но страх очутиться в какой-нибудь ловушке преследовал ее по пятам, и это ущемляло ее гордость. Адем раскусил ее сразу и попытался ей объяснить, что нет надежнее места, чем его лежанка.

Дом албанца принадлежит богу и гостю. Так предписано Кануном.* Потому и Адем смотрел на переступивших порог его кондитерской не как на клиентов, а как на гостей. Она, эта кондитерская, была по сути и его домом, благодаря комнатке, расположенной в самой ее глубине.

В Албании за смерть, причиненную отцу, тебя могут и простить, но за гибель гостя – никогда. Допустить, чтоб гостя загубили в твоём доме – тяжелейший грех. Гость превыше всего, в согласии с Кануном. А этот неписанный свод правил – величественная, моральная конституция. За пролитую кровь отца прощают, однако за кровь гостя прощения нет.

Албанец знал от своих бабки и деда и помнил всегда, что гость не имеет права на две вещи: подбирать остатки еды кусочком хлеба и прикасаться

*«Канун» – свод правил, своеобразный закон, дающий право албанцам жить патриархальным укладом, в том числе проводить кровную мечь, названный именем Лека III Дукаджини, албанского князя XV века, одного из самых почитаемых исторических деятелей Албании. – Прим. пер.

к очагу. Почему – не уточнялось. Таков порядок – и все. В Адеме это неукоснительное подчинение порядку залегло еще до рождения. Враница вошла в его дом как гость. Вот почему, когда она норовила очистить тарелку хлебом, он резко отводил ее руку. Она не могла этого понять. Только смотрела удивленно, затаив немой вопрос в глазах, смущенная и изумленная его неожиданным рывком. Ежели она начинала мерзнуть и, привстав с постели, собиралась подкинуть в печку поленце, он вздрагивал во сне и тотчас вскакивал, чтобы предостеречь ее от греха.

В цехе для изготовления бозы* всегда царил прохлада, по-видимому, необходимая для поддержания пряного вкуса бозы. Жара здесь нежелательна как зимой, так и летом. В передней части длинного темноватого помещения размещалась кондитерская, выходившая окнами на главную улицу, а задняя часть упиралась в хозяйский двор. Дно помещения было перегорожено и служило ему каморкой. Труба жестяной печки-буржуйки, выходившая в прорезь маленького окошка, которое таращило свой выколотый глаз на поленицу под навесом, выпускала дым мягкими клубами. Лежанка, сколоченная, по-видимому, собственноручно. Сундук с металлической оковкой, уступленный, наверно, хозяевами дома. Под лежанкой – зимние башмаки. На двух вбитых в дверь гвоздях висит что-то вроде пальто и шапки. Вот и все хозяйство.

Адем обвел взглядом комнатку и впервые был изумлен ее убранством. В этой полукаморке, полуберлоге он ухитрился кое-как перезимовать, встречал весну, дожидался лета, провожал осень, а потом все начиналось заново. Он давно позабыл, сколько лет промелькнуло в одной и той же круговерти. И как до сих пор он не замечал, в какой дыре живет?

Воскресный день он посвятил уборке своего жилища. Выставил весь скарб во двор и принялся белить. Ведро извести и маховая кисть. Побелил стены раз, подождал, пока они высохнут, и что же увидел? Черные разводы, словно рваные тучи, раскинулись от угла до угла и залили обильно серыми мутными слезами стены. Прошелся повторно по ним кистью. Так себе. Затем третий, четвертый раз...

И на том спасибо, что погода теплая, все быстро просыхает, а то к затравшнему дню, когда пора будет открывать кондитерскую, он бы никак не управился. Протер окно. Когда все высохло как следует, внес обратно вещи. Сам удивился, сколько скопилось барахла, которое надо выкинуть. Без сожаления расстался с ним. Поправил скособочившиеся трубы жестянки. Окинул их взглядом, как будто видя их впервые, и решил, что завтра сходит в лавку и купит краски, заодно надраит и печку.

От всех этих хлопот он вдруг повеселел. Показался себе таким вяхирем, меняющем по весне перья, чтобы приглянуться горлице. Крутится он направо-налево, выщипнет перышко, за ним другое, воркует, хорохорится. Ждет, когда она сядет рядом с ним, чтобы спариться.

Такие вот дела.

У Адема водились деньги. Он не был бедняком. Ежели посмотреть со стороны, бак для бозы не такая уж роскошь, а все равно даже если не течет, то хотя бы капает, причем беспрерывно. Потому-то он всегда мог дать друзьям взаймы. Обычно мало кто возвращал ему долг, но это статья другая.

*Сброженный солодовый напиток, который характерен главным образом для стран Балканского полуострова. Его делают из кукурузы и пшеницы в Албании, из пшеницы и проса в Болгарии и Румынии. Густая по консистенции и сладко-кислая на вкус боза содержит в себе около одного процента алкоголя. – Прим. пер.

Ни к чему душа не лежала. Ни разу до сих пор ему не приходило в голову обустроить свой дом, как все люди. Он как бы смирился со своей жизнью одинокого переселенца, и тайна, схороненная в его сердце, не позволяла ему заглядывать вперед.

Да уж, какое это жилье – дыра дырой, внезапно загрустил Адем. Ну да ладно, какое есть; ни прибавить, ни убавить. Враница обещала ему прийти сегодня вечером. Он еще не знал, что она сразу же займется обживанием его обиталища. Более того, она, боясь его спугнуть, не торопилась делиться с ним своими планами. Собиралась помочь ему побыстрее созреть для решения, но чтобы оно, это решение жить вместе, принадлежало ему. Ну а потом, конечно, не оставаться же им вовеки в цехе для производства бозы.

Гладко застеленная чистая постель и запах бурлящей на печке кастрюли с отварной курицей всколыхнули сердце этого сурового мужчины. Женщина бесшумно хлопотала в тесном пространстве, и это наполняло его спокойствием. Ее мягкий глубокий взгляд, которым она его одаривала, что бы ни делала, размягчал его, разнеживал и обволакивал все его существо любовью, исторгал из его глубин подавляемое столько лет желание.

– Как же я не околел без нее до сих пор? – подумал Адем чуть ли не вслух.

ВРАНИЦА УЗНАЕТ, КТО ТАКОЙ АДЕМ

В этот вечер Враница узнала, кто такой Адем.

Набралась смелости спросить у него о том, о чем на прошлой неделе поведала ей Рабие. Женщина по простодушию своему забыла о происшествии в городской бане. Она не таила зла на Враницу за то, что в желании заткнуть ей рот та пригрозила, что соблазнит ее мужа. Рабие узнала важную новость, и ей не терпелось поделиться узнанным с вдовой. Она ее предупредила: чтоб твоей ноги не было в доме Адема, пока не узнаешь, что дорога к нему свободна.

У этой женщины глаза ястребиные, подумала тогда Враница. Не только с воздуха высматривает на земле и мельчайшую тварь, которая ползает в траве, как удастся это птице. Даже сквозь землю видит. Ее взгляд просачивается меж корней, меж камушков, и в темноте, как крот, проникает к цели. От нее ничего не утаить.

Рабие быстро узнала (каким образом – для других осталось тайной), что к Адему приехал какой-то молодой мужчина, и что он его сын, и даже то, что явившегося с Албанских гор зовут Илир. То, что у Адема сын, она как-то восприняла. Ну и ладно, сын так сын. Пускай себе! Что он, маленький?

Но то, что этот сын явился сюда, дабы отвезти с собой отца для приведения в исполнение некой кровной мести, ее сильно напугало. Это никак не укладывалось в ее голове. Тревожно скрипело там, словно сверло. Вот этим-то, последним, она никак не решалась поделиться с Враницей. Испугалась. Накатила на нее жалость. Не к Адему, нет. Бог его знает, каких он дров наломал, прежде чем попасть в их город.

Невесту Враницу пожалела. Она догадывалась, что одинокая женщина нашла свою половинку, что душа ее обрела защиту, а тело – ласку, и тут неожиданно, как гром среди бела дня, небо вдруг разверзлось, и направленная из глубин страшного просвета божья стрела грозила обуглить вдову.

Этот сын Адемов, Илир с Албанских гор, о которых Рабие и ведать не ведала, ни где они находятся, ни как выглядят, но бросая взгляд на раскинувшуюся вдали горную цепь, ей казалось, что где-то позади нее, –

как появился, так и исчез. Неделю, не больше, маячил тут, – и испарился, как весенний туман поутру.

Вечером Рабие побежала к Вранице. Постучала в окошко, хозяйка открыла его, и та, словно верная вестительница, запричитала:

– Невеста Враница, сплыл он. Нету его. Уже чисто, – услышала вдова горячий шепот Рабие сквозь приоткрытую створку окна.

– Так у тебя сын? – как бы между делом чуть слышно спросила Враница, избегая смотреть ему в лицо.

– Да, у меня сын, – ответил ей Адем. По правде, ее вопрос застал его врасплох. Он помедлил и добавил: – Я и не знал.

– Так-таки не знал? – выгнула удивленно брови ночная гостья с еле заметной горечью – скорее в глазах, чем в голосе.

Адем не утруждал себя пустыми словами. Не только теми, из здешнего языка, которые он не так-то легко находил в своей голове. И на родные слова он был скуп. Но откуда другим было знать? Он словно разучился разговаривать, потому что ему не с кем было и словом перекинуться на материнском языке. А может, он просто родился таким нелюдимым угрюмцем. Уже и самому не понять.

Помимо остального, он привлек ее и своей молчаливостью. Неизвестность, обволакивающая его темным ореолом, таила в себе какие-то возбуждающие тайны. Язык его был убогим. Походил на склеенные осколки речей тех, кто перекидывался, будто игральными костями, своими былыми историями в его кондитерской. К ним можно было добавить и слова из обихода скромной торговли, сопровождавшие неизменно выдвигание и задвигание ящика под прилавком, кое-где и кое-когда расцвеченные речью горных жителей. Зато его голос, звонкий, мелодичный, с подъемами и безднами, будто отлитый по сокровенно хранимому тайному рецепту для литья церковных колоколов – бронза, медь и немного серебра. Сколько? Тайна великая есть. Глаза его, черные как ночь, а также голос сломили и без того весьма сомнительное целомудрие Враницы.

Она тоже не отличалась разговорчивостью. Но слова, продуманные и подобранные, лились медоточивой струей с ее сочных, словно обведенных кармином губ. Она была раскованной в своих словах, как бы двигалась внутри них самих. Они распяляли ее собственное желание быть с этим мужчиной. Воспламеняли ее лоно. Обжигали кожу. Он внимал ей и напрягался, пытаясь проникнуть в их глубину, куда она ныряла, как угорь. Извивалась в лучинах их извечной силы, спускалась стремительно ко дну, к потаенным расщелинам в камнях – и воспаряла над поверхностью за глотком воздуха.

Его желание распялялось ее глазами. Тем извечным, всеобъемлющим, невидимым потоком, который набирает силу, бурлит в жилах человека, взлетает высокой волной, сносит все плотины на своем пути, пока не польется через край со всех сторон и не захлестнет существо одной из половинок, а она в свою очередь не повлечет и другую половинку навстречу слиянию. Как раз это произошло еще в первый вечер, когда он впустил ее в свой дом.

Переселенец. Иноземец. Пришелец. Нездешний. Чужак. Сколько слов придумали коренные жители, чтобы отмежевать от себя прибывших из иных мест и попытавшихся вписаться в их мир и жизнь.

Сам же Адем был похож на одно из деревьев, чьи кроны бросали тень на водоем посередине городской площади, мимо которых проходят все, но не

замечает никто. Вечные и ничьи. Торговец бозой, ирисками и белой халвой в канун Масленицы.

Враница напоминала ему форель. В постели была неуловимой, ныряла, как рыба, в самую глубь омота, затихала там, чтобы затем внезапно взвиться над водой, сверкая серебряной чешуей. На улице уподоблялась ели. Стройная и гибкая. Шла покачиваясь. Подобно тому, как еловые ветки покачиваются даже от легчайшего дуновения ветерка в лесу, передавая друг дружке свой шепот, так покачивался и ее стан. Волна брала начало с шеи, передавалась плечам, пояснице и завершалась в бедрах, достигнув предела и выплеснувшись единым импульсом горячей дрожи. Будто в ее косах буйными потоками бродили весенние соки.

Когда она проходила в дверной проем, то изгибала свой стан так, чтобы не прищемить дверью подол юбки. По ночам ее кожа, белая и нежная, мерцала как свет, просочившийся сквозь узкую щель. В темноте всходили попеременно грудь, щиколотка, бедра... От ее лица веяло сдобным хлебом. Словом, она была тем, что Рабие называла невеста – кровь с молоком.

Каким образом среди людей разпространился слух, что приезжий – его сын, он более или менее себе представлял. Но каким образом выяснилось, зачем он приехал и чего потребовал от отца – над этим Адем напрасно ломал голову. Кроме как с ним, сын больше ни с кем не встречался. Заночевал раз в маленькой комнатушке за цехом для бозы – и был таков.

От человека к человеку, с ушка на ушко – конечно же, среди завсегдатаев, околачивающихся на базаре, понеслась жгучая молва, что Адему надо возвращать долг кровной мести.

– Так говоришь, не знал? Не знал, что у тебя есть сын? – повторила свой вопрос Враница с возрастающим сомнением.

– Нет. Не знал, – ответил Адем ясно и без обиняков.

Он наклонился, выдвинул из-под лежанки старый деревянный сундук, стянутый железными шинами и по углам с металлическими выгнутыми ножками. Приподнял его тяжелую сводчатую крышку и принялся рыться в нем. Достал со дна какую-то одежду с пришитой к правому рукаву черной лентой, какими у нас вошло в моду обдаривать на похоронах мужчин, близких покойнику. Оторвал ее и поднес к глазам Враницы.

Определенный возвращать долг кровной мести носит на рукаве черную ленту в знак того, что он обречен. Но согласно Кануну, если так решат главные сельские старейшины, ему можно дать отсрочку, попытался объяснить Адем. Сутки или месяц. Если его уже сосватали, в это отпущенное ему в дар время он даже может жениться. В его роду он, Адем, был единственным оставшимся мужчиной, на которого ложился долг кровной мести за очередное убийство. Но в то время он был еще подростком. Канун позволяет дожидаться совершеннолетия, и только после этого входит в силу закон кровной мести.

Как только ему стукнуло восемнадцать, его бабушка, старая Исмаилиха, подыскала ему девушку и сосватала. Таким образом, они выиграли одномесячную отсрочку для подготовки свадьбы. Однако она не ограничилась этим. Сразу же как только увидела исподнюю рубашку невестки и убедилась в том, что ее внук сделал свое главное мужское дело, она его надоумила, поддержала и заставила сбежать, не уточняя, куда именно. Она сама этого не знала. Знала только одно: как можно дальше отсюда, от родных гор и от пули, немилосердно дожидавшейся его вступления в совершеннолетие. Адем хранил черную тряпицу в течение всех этих лет отсроченной своей жизни.

Враница поняла, что мужчина, чью постель она согревала с некоторых пор, помечен знаком смерти. Вернее, прочитала в его глазах, хотя и не услышала из его уст, что он принял твердое решение соблюсти жестокий, но священный порядок, установленный его предками.

Наставления как бы некого албанского Моисея были записаны в памяти племени, и его избранная часть строго следила за их соблюдением.

Не проронив ни слова, она поняла, что по зову крови его тянет туда, откуда он прибыл. И не затем, чтобы жить, а затем, чтобы умереть. Как бук, подумала женщина. Так в лесу иные дровосеки топором делали зарубку на коре дерева, прежде чем его срубить, чтобы другие знали, что оно помечено ими для себя.

Адем хотел рассказать Вранице все. Хотел, но как это сделать? Между ними колыхалась со страшной силой какая-то дымка, насколько тонкая и легкая, настолько и непреодолимая. Она мешала выяснению правды – чтобы оба увидели ее такой, какая она есть. И хотя он много лет жил здесь, все равно оставался чужаком на этой земле, а его болгарская речь была скудной. Сложную связанность с установленным веками долгом, стоящим выше любого бога, он не был в состоянии объяснить полусловами, исковерканной речью.

От нее требовалось понять непонятное: дело не в том, чтобы просто пустить пулю в лоб другому человеку или самому подставить лоб и принять в него кусок свинца, а это порядок, соблюдаемый строже записанного на бумаге закона, обязательный для всех, называющих себя народом.

Он хотел, чтобы Враница посторонилась с его дороги. Ему предстояло выбирать между ней, своей большой любовью, обрушившейся на него с таким опозданием, – и жизнью единственного сына, которого он увидел впервые неделю назад. Более того – на него и только на него, на сына, надеялись там, среди его родных гор в Албании, как на продолжателя рода. Точно так же, как когда-то его бабка, старая Исмаилиха, тряслась над ним самим, как над последним семечком. Если ему остаться, пусть и вдали от своих кровных родственников, он бы чувствовал себя мерзостно, ощущая за девятью горами их презрение к нему как к трусу и родоотступнику.

Жар, пожар, огонь, очаг, уголек, пепел, искра, жара, солнце, горелище, пуля... Раскаленные угольки слов об одном и том же, с той тонкой разницей между ними, делающей их разными, противопоставляющей их друг другу, исключаящей их взаимно и склоняющей их к выяснению человеческой мысли.

Эти слова сейчас обжигали сердце Адема и мutilи его сознание на материнском языке. Он лихорадочно подыскивал им «сородичей» среди чужеродных слов, которыми давно уже пользовался свободно и общался с местными людьми, пусть и через прилавок или в не столь частых беседах за чаркой вина с покупателями.

Адем любил выслушивать других, он понимал тревоги и скупые радости своих друзей, которыми они делились с ним на своем языке. Он даже вникал в их смех и колкие шуточки, в добродушную или злую иронию, которой они обменивались, но самому как-то не приходилось прибегать к этим тонким пластам общения на неродном для него языке.

Когда Враница забралась в его одинокую постель и всколыхнула всю его душу, он вдруг почувствовал, что ему не достает слов. Тех, которые знал, не хватало, чтобы высказать расправившее его изнутри. В нем, по натуре скупом на слова, накопилось столько молчания, что теперь оно грозило ему удушьем. Он не то чтобы вынужден был молчать, сколько не испытывал потребности разговаривать, он промолчал большую часть своей жизни в этом

городе и привык воспринимать его как последнюю гавань, превратившуюся для него в надежное убежище.

Адем хотел рассказать Вранице, кто он такой. Подыскивал самые точные слова – и никак не успевал их найти. Она смотрела на него, словно сквозь пропотевшее стекло. От его глаз, напрягшихся рук, от его кожи в ее сторону исходили мощные потоки любви и какая-то неистовая просьба поверить в его искренность.

Не владел он словами на ее языке, которыми мог бы рассказать ей обо всем, случившемся там, в его горах, чтобы дошло до нее, как это у него есть сын, а он и ведать не ведал. Что это за кровная месть, которую отменить нельзя, и почему это вопрос чести, которую все мужчины должны блюсти, ежели они настоящие наследники своих предков, и как этому их учат еще в его колыбели?

Нравится кому-то или нет – такова душа албанцев. Чтобы сохранить себя под чужим гнетом, они создали свои незыблемые правила, имеющие силу беспрекословного закона.

Вранице иногда хотелось, чтобы люди узнали о ее прелюбодеяниях, чтобы неповадно было трепаться, да и свести счеты со судьбой, выбравшей ее на роль кукушки и заклеившей ее прозвищем яловой вдовы. Назло каждой женщине, которая слывет целомудренной только потому, что пошла с мужчиной под венец. Но сейчас она тряслась от страха, как бы не узнали о ее связи с Адемом.

Удивлялась себе, как это вдруг – неожиданно-негаданно – он запал ей в душу. И когда внезапно появился его сын, она испугалась острой боли, которую вдруг испытала, не подозревая, что уже таит в своем сердце любовь к этому человеку. Почувствовала дикий страх, что потеряет его.

ВРАНИЦА БЕРЕМЕННА

Адем не знал, что Враница сегодня вечером пришла к нему с новостью. Она ждала, пока его сын уедет, да и откладывала с некоторых пор свое признание, дабы увериться в его истинности. Не раз уже женщина поддавалась самообману в неумном своем желании занять ребеночка. Испуганная, обескураженная, суеверная, безбожная, она ожидала, когда плод шевельнется в ней, чтобы сообщить Адему, что в своей утробе, прозванной некогда ее свекровью яловой, она зачала ребенка от него.

Позапрошлой ночью как бы в полусне она почувствовала, как в ней что-то шевельнулось. Сжала веки в темноте и снова прислушалась к своим недрам. Это движение пришло откуда-то из-под самого сердца. Оно повторилось. Однако до утра... ничего больше не последовало. Уже три месяца как у нее не было месячных, но это больше ее напрягало и пугало, чем наполняло надеждой.

День тянулся долго. Медленный, ленивый, нескончаемый, пустой. Ей то и дело казалось, что будничные свет вокруг со своим шумом и гамом заглушает ее, закупоривает, и она не в состоянии почувствовать то, что в глубине себя не осмеливалась назвать словами из страха не спугнуть его. Когда наконец вечер окутал мраком ее окно, неслышными шагами Враница подошла к постели и тихо легла, укрывшись. Замерла в ожидании услышать легкий стук – тот самый, ради которого женщина сотворена на этом свете. Легкий, но простой и ясный стук по стене утробы, который будущая мать слышит сначала сердцем, а затем он начинает звенеть в ее ушах, как хор херувимов.

Перевод с болгарского Нади Поповой

Елка НЯГОЛОВА

Волчья метель

В ночи столетняя метель
Являлась волком-альбиносом.
Он сон кромсал... Он страшным носом
Сминал мне детскую постель.
Тогда я к папиным рукам,
Заплакав, прижималась молча.
Метель ревела... Злая... Волчья...
И ужас плыл по облакам.
В ночи черешня под окном
Стенала и стучала в стекла.
А у меня подушка мокла...
Я жалась к папе... В горле – ком...
А волк луну и грыз, и тряс,
И ночь, как белую таблетку,
Вдруг проглотил... Сломалась ветка...
И в целом мире свет погас.
Спасенье – в папиных руках...
Волк злобно выл перед порогом...
Перед метелью и пред Богом
Ношу в душе извечный страх.
И не могу себе помочь,
Когда метель раскинет лапы...
Я все ищу ладони папы...
Но папы нет... Лишь волк и ночь.

Перевод Анатолия Аврутина

Ангельский хлеб

*«Хлеб ангельский станет
хлебом человеческим...»*

В суматохе, на тротуаре,
под гирляндой из золотых роз
предрождественское благословенье:
среди толпы появился Христос...

Подошел к перевернутой шляпе
музыканта, который был слеп,
тихо звездным сияньем окутал.
Человек себе купит хлеб!

И в огромной вселенной оглохшей
Зазвучит старой скрипки песнь.
Все застынут, молитву услышав,
словно взятые в ангельский плен.

Мне до боли ладонь сжимает
мой внучок. Или боль левей?
И молитва: пока не стемнело,
человек себе купит хлеб!

Суэта. Пред витринами – люди...
Легкий, тихий падает снег.
Будто чья-то рука роняет
ангельский хлеб...

Перевела Евгения Шарова

Галлюцинации

Наде Поповой

*«Свеча горела на столе...
Свеча горела...»
Борис Пастернак*

Когда не жду – меня находит
Сначала мрак.
А вслед за ним ко мне приходит
сам Пастернак.

Он видит свечки свет на стенах
Сквозь тьмы покровы.
И то, как жадно пляшут тени
Огня слепого.

А может, снег еще он чувствует,
что к окнам близко.
И хлеб. И ангельское чувство.
И сладкий привкус.

В его глазах ночных растаю.
Мгновенье зимнее.
Когда стихи его читаю –
Зовет по имени.

Я сплю или нет. Какая разница?
Ведь яви нет уже...
А снег идет. И даль бескрайняя
Звенит монетами.

А небо с мелочью расправится,
Как ростовщик,
Беззвучно шепчет он, и плавится
Весь воск свечи.

В мир опоздала. Бесполезно
Мне слезы лить.
А снег идет по всей вселенной.
Косая нить...

Мы разошлись. В душе морозно.
Всем окнам – плакать.
А снег идет, и строчки мерзнут
Без Пастернака.

Перевод Максима Замшева

Армянские глаза

Любовь моя детская... Смутное воспоминанье
Проснулось в мелодии вальса, знакомой до боли,
Душа моя – клетка, свобода – все то же изгнанье,
И клавиши плакали, что-то шептали бемоли.

Он был музыкантом, мечтательный мальчик, подросток,
И все не решался сказать что-то важное очень.
В печальных глазах его черных читалось все просто,
Он что-то шептал мне и был, словно вальс, непорочен.

Глаза его – черные клавиши на фортепьяно,
Печаль в них такая – совсем как стенанья бемолей.
Пьянящая музыка, странное это признание...
Из запертой клетки душа моя рвалась на волю.

А вальс все безумствовал, в кости мои пробираясь.
Планета вращалась. А в мыслях – последний автобус.
Все в вальсе кружилось, вселенная мнилась мне раем,
Мы дети, подростки, и мне по душе твоя робость.

Мелодия вальса мне нравилась больше признанья.
Прости меня, мальчик, я музыку больше любила.
Вращалась планета. Иллюзией были страданья.
Чайковский ушел за кулисы, и клавиши приуныли.

В армянских глазах было столько тоски и печали!
А день был так ясен, он тоже был весел и молод.
А ноты все капали с неба, светились в тени и молчали,
Вращалась планета, и надвое день был расколот.

Перевел Гурген Барени

Воспоминание
о квартальном сапожнике

Следы петляют на снегу...
Иду по ним... Почти без цели...
В душе все песни отзвенели –
Молчу, но смолкнуть не могу...
При чем здесь песни? Босиком
Спешу по вьющейся дороге.
Мне волчий ветер лижет ноги,
Снося с вершины снежный ком...
Мой друг-сапожник языков
Ни птичьих, ни иных не знает.
Вспорхнет орел... И снег растает...
А он сидит себе, суров,
В низине... Опустел квартал,
Собою вечность начиная.
Чужую обувь починяя,
Сапожник все пути познал.
И я спешу к нему сквозь ад
Ночной неторенной дороги.
Пусть все поэты босоноги –
Он лишь поэтам дарит взгляд.
И взглядом просит: «Расскажи,
Когда взойдешь на все вершины,
Что лучше – горы или долины,
Обрывы или виражи?..»
Вот и спешу, не видя дня.
Вскарабкаюсь... Вернусь... Не скрою,
Как обняла босой душою
Волчонка, что влюблен в меня.

Перевод Анатолия Аврутина

Сон об одной золотой пуговице

**«Как же я не видал прежде
этого высокого неба?
И как я счастлив, что узнал его наконец. Да!
Все пустое, все обман, кроме этого
бесконечного неба.
Ничего, ничего нет, кроме него».**
Л.Н. Толстой «Война и мир»

Необъятное русское небо
Беспокоит сегодня мой сон...
В облаках в этом сне моем не был
Князь Болконский, в душе моей он.

Облака пробегая глазами,
Злату пуговку ищет одну.
Небеса – наш мундир несказанный,
Застегнешь – и забудешь войну.

Только пуговики нет, это странно:
Мир изранен кручиною зимнею...
Наша песня – открытая рана:
„Позови меня тихо по имени”...

Князь Андрей... Небо полнится синим.
Пламя едкое заживо жжет.
Словно тихая церковь – Россия
Только пульсом Господним живет.

Злата пуговка, где ты потеряна?
Или просто с небес сорвалась?
Ведь не поздно прозреть еще, верю я,
Что об этом лишь думает князь.

Мир измучила хворь безобразная.
Вот два облака – мир и война.
Если слеп – не увидишь в них разницы...
Распознай их на все времена!

Шар земной беспрепятственно вертится.
Всех укроет безумья туман.
Жаль, умрем мы до праздника светлого,
Недочитанным бросив роман.

Даже звездные крестятся россыпи.
Поднимись ради Господа, князь!
Спит планета на облачной простыни,
Снится ей, что опять родилась...

Перевод Максима Замшева

Ели ВИДЕВА

Пастораль

Упал листок на мокрый зонт.
А ветер дул, крепчая...
Так грустным осликом уйдет
И жизнь с горбом печали.

С последним сорванным листом
Уйдут и плоть, и мысли...
Над этим сломанным зонтом
Жизнь света вспыхнет в мыслях.

Перевод Лидии Жаровой

Позиция

Много камня и терна растут в поэтической ниве.
Нам удастся ли вычистить это за целую жизнь?
Мы встречаемся грязные, грустные с вами, но живы
С верой в то, что добро сбросить камень поможет с души.

Будем каждый орать свой клочок поэтической нивы.
Мы впряжемся в плуги, не взирая на страхи и боль.
Будем семя сажать, семя звонких идей совестливых,
С верой в то, что от них к нам приходят и свет, и любовь.

Остановит когда-нибудь бег наш упорное время,
И просеет сквозь мелкое сито и слово, и стих.
И оставим потомкам, когда упокоимся в землю,
Кроме грешной души некий цвет, некий миг.

Перевод Владимира Стафидова

Жизнь

Один отец мой пьет вино.
Печален он – меня нет дома.
Мне ж за двоих судьбой дано
Идти по тропам незнакомым.

Со мной он рядом каждый день –
Идем дорогой общей.
Отец мой, суть моя и тень...
Дорога, жизнь... И что короче?

Перевод Лидии Жаровой

Арифметика

Умножила ночи.
Разделила дни.
Прибавила детей,
Возвела в степень забот.
Вычла судьбу...
Кто рассчитает корень
нашей любви?

Перевод Лидии Жаровой

Сезон великих озарений

Сезон великих и не очень озарений
Ведет себя по собственным законам,
Когда душа без всяких ухищрений
Уловит суть в пространстве законном.
Когда душа – тончайшая мембрана,
Не так легко на все махнуть рукой,
Сбежать тревог, обиды и обмана,
От коих холод веет вековой.
К утру придут, сомнут тебя в комочек,
Других и не заметят измерений.
Кофейный по палитре вечерочек,
Как отпечаток наших скудных мнений.
И с каждым днем иному хуже спится.
И он не раз меняет потные рубахи,
И он нам хлеб к утру испечь стремится,
Чтоб не замерзли в зиму бедолаги.
Ее иначе не переживешь...

Перевод Владимира Стафидова

Февраль

Опять в феврале налетят белоснежные бури.
Наивные почки к несчастью в саду заметет.
Холода налетают и как всегда бедокурят.
Надеюсь, огонь мне озябшие руки спасет.

Во дворе за забором воеет собака соседа,
От ветра глаза закрывая, кружится в снегу.
Как боль прозвучит мой вопрос в пустоту без ответа:
Почему я, как пес, без тоски даже дня не могу?

Потихоньку огонь исходит во двор за ворота,
Возьмется за снег, и когда все снега отстроят,
Тронется в путь, подгоняем взволнованным ветром,
Зажигая цветы, и цветы до утра устоят.

Перевод Владимира Стафидова

Иван СТРАНДЖЕВ

О маленьких вещах

Поцеловать твое плечо,
пока ты переходишь
между воздухом
спальни и коридора...

Молчать, смотреть друг другу в глаза
и опять молчать,
молчать, пока вдруг
произнесем в один голос одно и то же слово.

Раскрыть лист с задачами у телефона,
чтоб не было даты,
чтоб не было никакого напоминания,
а лишь: „Прошу тебя, не опаздывай вечером!“

Найти сумку твою на кровати,
разлитую водой раноцветного озера,
с целым миром женских тайн и ненужностей...

В темноте не говорить о свете,
При свете – не вспоминать вечера
и распустившихся цветом кустов ласок.

Пока утром гладишь рубашку снов,
удивиться капелькам крови
и обеим дужкам губной помады.

Как пересчитать все маленькие вещи,
которые ничего не переворачивают?

Комната

У меня нет времени входить в комнату.
Вернее – нет времени
посмотреть, что в комнате меняется,
когда вхожу в нее:
как предметы размещаются по полкам
на пятна без пыли,
абжур опускает безразлично свои плечи,
кровать начинает ласкать меня,
разбухшая от одиночества,
окно превращается в преграду...
Вернее, у меня нет времени
понять, как все обманчиво – такое же,
как вчера,
год назад
или вообще,

когда у меня нет времени входить в комнату.
А вещи продолжают случаться.
Мне уже за пятьдесят,
а я опоздал:
луны сменяют солнца,
вода – сушу,
сытость – голод и жажду.

Прохожу мимо комнаты,
а следов не остается.

Мои ли эти дороги,
покрытые осенней печалью
и восторгами,
забинтовавшие землю,
как раненую птицу,
развевшие свои изорванные в бою хоругви –
смятые и влажные
любовные платки,
вытянувшие грудь,
миг перед тем, как прокричать
„Ура!”,
или от боли?

Мои ли эти следы,
полные птичьих домов
и слез дождевых,
песен странников,
разорванных страниц –
разбросанных облачков бронзовой пыли
под ногами быстрых коней,
слов любви и тайн,
зернышек веры, рассыпанных в них?

Полдень осенний за бугор сползает.

Дуга моего горба
на заходящее солнце похожа.

Луны мордочка хитрая
суется в рукав облака белого.

На черноземе лиловом неба звезды всходят.

И вместо крыльев
возвращаюсь
на плечах
с эполетами.

Река

У нее нет имени,
и нитку голубую
ее тела
ни на какой
из карт мира
не найдете.
Истекает
между камнями темными
и травами
дыхание прозрачной воды;
выскальзывает
под мостом деревянным
и руками прачек,
подоткнувших юбки,
как воздушные облака;
журчит под сердцебиением паучка водного
и голосом птиц –
истекает перед моими глазами,
бормочет...

...говорит сама себе –
сама себя слушает...

Стою на берегу,
засмотревшись на воду,
и не важно,
река большая
 или малая,
велись ли войны за нее,
или же песни о ней сочинялись,
если не могу я вместе с ней
 побежать вниз
и ниже,
и еще ниже –
вплоть до моря,
к прозрачным теням
давно уж мертвых,
к тайнам
живших до меня:
без-именный,
без-словесный,
до окон очков
полный моря.

Ночь

В час, когда полутьма (сумерки) нарастает
с каждого угла и после каждого шага,
когда крадется через заборы
и на улицы как черная собака бросается
когда она – крыло от птицы, сон
и еще что-то незнакомое,
вон (снаружи)
сквозь серебряные губы тромпета кто-то пытается
выдуть тоску до конца,
женский смех по тротуару рассыпается – это ад,
но его возможно перепутать с раем...

Не знаю –
но хочу, чтобы этот час продлился,
чтобы смотреть на вечер, и как ее платье
вспорхнет в саду напротив,
и как яблоки горят восковым цветом,

а в травах
светятся лун золотые животы,
О, теперь рано, очень рано,
и желание еще дремлет,
и прячется в глазу филина. Время нужно....

Нужно время,
чтобы девственный стыд лопнул,

и тогда
не важно кто ты и ты ли это –
бьется душа, как белая летучая мышь
о белые стены.

Нить алая скользит телом змеи –
все узлы отсекаются
в лунной траве...

И полетает с неба звон...
(Только филин подмигивает смешно:
это сон,
сон...)

Рассветает!
На ногах моих пестреет кровавая роса,
Как будто я возвращался пешком
с верхней
на нижнюю
землю.

Красимир БАЧКОВ

Первоклассная спортивная рыбалка

Для меня русские всегда были загадкой. Открытые, спонтанные и с широкой славянской душой, готовые и рубаху с себя снять, чтобы помочь. При определенных обстоятельствах, однако, они могут превратиться в полную противоположность, особенно после употребления бутылки-двух водки. Англичане – совсем другое дело! Внимательные и тактичные, они просто образец европейской интеллигентности.

У такого сомнительного балканского субъекта болгарского происхождения, как я, было достаточно возможностей для общения с представителями этих двух великих наций. Семь летних сезонов я работал экскурсоводом в фирме, предлагающей индивидуальный туризм – собственность Вадима и Марины. Русское семейство, недавно поселившееся в Болгарии, пыталось разбогатеть на туризме. Я как учитель по изобразительному искусству знал достаточно о культурном наследстве своей страны, более или менее говорил по-русски и английски и был абсолютно свободен в продолжение всего лета.

Кроме узенького офиса, спрятанного на одной улочке в Варне, у фирмы в собственности был еще микроавтобус «Фольксваген». Довольно старенькая немецкая бричка бегала безупречно и вмещала девять душ. Но этого оказалось недостаточно для группы спортивных рыбаков из Англии, которых мне предстояло встретить в софийском аэропорту. Было начало июля, но лето все еще не чувствовалось, слишком много дождей выпало в последние дни. Перед тем как отправить меня в столицу, Вадим вручил мне солидную сумму и помахал угрожающе пальцем:

– Смотри, как деньги тратишь! Если эти туристы останутся довольны, будет навар и нам, и тебе! Не напивай их, как шведов и финнов, не знакомь с проститутками, как германцев прошлым летом, и не пытайся их женить на какой-нибудь болгарке! И вообще шевели мозгами! Люди приезжают, чтобы познакомиться с красотой твоей страны, и их нельзя разочаровывать! Будь гибким и следуй их желаниям! Только так ты добьешься успеха и хороших чаевых!

– Ну конечно, Вадим! Когда я не справлялся со своей работой? – ответил я беззаботно, что заставило моего шефа прищурить глаза и пробормотать:

– Ну конечно, справляешься, как кот со сметаной, и в конце концов успеваешь обворозжить несчастных людей, чтобы чаевые получить! Вы, болгары, просто факиры в обдуривании!

После этого в высшей форме высказанного восхищения от моих способностей нельзя было его разочаровывать, поэтому в Софии я взял в аренду два абсолютно новых индийских джипа «Тата-Сумо», сделанных по лицензии «Мерседеса». Один из них я собирался водить сам, для другого позвал своего сына. Как раз неделей раньше он получил права.

Получение документа на вождение автомобиля было долгой одиссеей, но в конце концов закончилось успешно. После того как его семь раз срезали на экзамене, а также двух разбитых учебных машин мне пришлось немного намять бока его инструктору. Этот подход определенно возымел

воздействие, и теперь новоиспеченный водитель каждые пять минут доставал права, чтобы полюбоваться ими.

Еще в самом начале я почувствовал, что с джипами что-то не так. Они трудно передвигались и развивали скорость не более 80 километров в час. Я позвонил собственникам, и они мне все объяснили. Поскольку машины были новыми, их необходимо было разработать, но ни в коем случае не насиловать и не перегревать мотор. Таким образом мы должны были ползти, как улитки, но, как говорится, назад дороги нет! «Ох и работаем же мы их, сами увидите, когда вернемся!» – гневно нажимал я на педали джипа, отправившегося по направлению к Родопам.

Англичане погрузили удочки и оборудование для рыбалки с искусственной приманкой и молчаливо следили за дорогой, близкими горами и всем тем, что можно было охватить взглядом. На моей родине никто из них не был, но до этого все вместе посетили более ста стран для того, чтобы ловить форель на искусственную муху. Это были богатые, удовлетворенные жизнью люди, которые могли позволить себе подобное дорогое удовольствие.

Мы уже свернули с пловдивской магистрали и продолжили поездку по шоссе с острыми виражами, ведущему к Смолян, когда я понял, что у туристов появилась нужда облегчиться. «Никаких проблем! – успокоил я их. – При первой же возможности сделаем остановку!»

Приблизительно через полчаса я наконец-то припарковался рядом с двумя грузовиками и тремя легковыми машинами на одной импровизированной стоянке.

– Ну выходите! – сказал я англичанам, но их предводитель Лесли, совсем как конь, поднял голову и замотал ею вверх-вниз:

– Здесь нет туалета!

– Большое дело! Идите во-о-он туда, за камни и деревья! Смотри, как другие делают!

– Мы лучше потерпим, пока доедем до какой-нибудь заправки!

– В большинстве случаев на болгарских заправках или нет туалета, или он не работает! – попытался я объяснить ему ситуацию по-человечески, но он опять закачал головой и заявил, что будут ждать заправку.

– Ну тогда ждите! – в недоумении поднял я плечи и облегчился рядом с джипом.

Англичане воспитанно отвернулись, чтобы не быть свидетелями моего ужасного поступка. Однако заметили прелестное создание, показавшееся из-за большого камня, на ходу застегивающее джинсы. Девушка подождала, пока я сделаю свое дело, и перепрыгивая через пузырчатую лужицу, бросила мне:

– Эй, красавчик! Если едешь в Пампорово, приходи вечером на дискотеку, познакомимся поближе!

– Ничего не получится! – отклонил я приглашение – Еду в Смилян. Будешь проезжать, бельем поменяемся, обещаю!

Засмеявшись, она послала мне воздушный поцелуйчик и скрылась в одной из стоящих машин. Мои англичане переглянулись, удивленно покачали головами, но от комментариев воздержались. Мы продолжили свой путь и после остановок на двух заправках, когда стало ясно, что туалеты там не работают, Лесли заявил:

– Если и на следующей туалет не работает, обещаю, что мы все выстроимся вдоль дороги и облегчимся так же, как это делаете вы! Но было

бы хорошо, чтобы и там появилась какая-нибудь красивая девушка, вроде той, что предложила тебе встретиться!

– Значит, уже догоняешь, – ухмыльнулся я довольно. – Делай, как я тебе говорю, и увидишь, что не пожалеешь!

– О кей! – ответил англичанин и после третьей заправки без туалета все построились на обочине и расстегнули ширинки. Внизу вдоль дороги рокотала распенившаяся и мутная переполненная река, волочившая вырванные с корнем деревья и крупные камни, а мимо нас проезжали машины и весело нажимали на клаксоны. Так начался процесс оболгаривания спортивных рыбаков из Англии.

Когда стемнело, я сделал остановку, чтобы поужинать в ресторане моего знакомого со времен службы в армии. Не задавая вопросов, заказал всем по ассорти на решетке с бутылкой «Мавруда», чтобы легче проскальзывало через горло. Двое из них попытались прикинуться вегетарианцами, но Лесли так строго на них посмотрел, что они моментально стушевались. Интересно, но вегетарианцы опустошили свои тарелки первыми!

Только в полночь мы прибыли в Смилян. Уставшие от дороги и истощенные незнакомыми им эмоциями, англичане едва выползли из джипов. Мы собирались ночевать в лучшей гостинице села. Здесь предлагали даже ванну с молоком для восстановления сил. Конечно, молока было десять процентов, а остальное – сыворотка, но туристы об этом не знали.

Я предложил Лесли попробовать ванну Клеопатры, а он решил, что это моя очередная шутка. Когда я привел его в помещение с ванной и дал знак налить молоко, он просто ошеломился. Потом, совсем как робот, повернулся и позвал остальных. В эту ночь англичане отдохали в свежем молоке и попивали охлажденную троянскую ракию. По их взглядам было ясно, что они оставили себя в руках судьбы или точнее в моих руках. Подперев стену, мой сын устало позевывал. Общими силами мы с большим трудом успели разнести по номерам вдрызг пьяных, уснувших в ванне рыбаков.

На следующий день ребята должны были ловить форель. Мы тронулись, но через несколько километров пришлось остановиться. Горная река подмыла асфальт, и половина шоссе сползла. Все-таки осталась полоса дороги, достаточная для машины высокой проходимости.

Отдав распоряжения англичанам, чтобы перешли пешком на неповрежденную часть дороги, я поднял капот джипа. Сорвал пломбы на дизельном насосе и воздушном фильтре. Дал газ и с облегчением почувствовал, что мотор усилил свои обороты. Потом позаботился о втором джипе. Сказал сыну, чтобы смотрел и учился, как делается офф роуд. Дал немного назад, форсировал мотор и даже к собственному изумлению с небольшим буксованием выполз на сохранившийся асфальт к англичанам. От удивления они восторженно зааплодировали. Стоящие на дороге туземцы наблюдали зрелище с молчаливой завистью.

Мой сын попытался повторить операцию, но джип занесло, и его задняя часть повисла над рекой. Если бы он остался в этом положении, то совсем скоро вода поглотила бы его. Я устремился к машине и вытащил крюк лебедки. Включил электромотор для раскрутки стального тросса и, когда он долетел до джипа, зацепил его за дышло. Сын форсировал двигатель, лебедка начала натягивать тросс, и постепенно джип пополз к нам. В тот момент, когда он уже был на шоссе, электромотор лебедки выпустил облако дыма и умолк. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что навсегда.

– Хорошая машина, но индийская! – объяснил я англичанам. Мы опять сели в джипы и поехали. Сделали остановки в нескольких местах у берега реки, но места, подходящего для рыбалки, так и не нашли. На мое предложение отвезти их на озера Доспат, Батак или куда-нибудь еще они ответили категоричным отказом. Хотели ловить форель только на реке. Сказали, что через день-два, когда реки успокоятся немного, попробуем опять. А до тех пор предоставили мне право решать, где и как мы будем проводить время. Я не возражал и начал действовать.

На третий день добрались до границы с Грецией. Прогулялись по греческой земле, посмотрели, как местные лесорубы режут бревна, потом я купил у местного пастуха одного барашка. Точно посередине расстояния между двумя пограничными столбами, там, где когда-то была высокая проволочная ограда, англичане с большим трудом выкопали глубокую яму. Они долбали землю своими ножами, потом собрали дрова, и мы приготовили «ягненка по-гайдушки». Я дал денег пастуху, и пока ягненок запекался, он принес большую оплетенную бутылку густого вина из ежевики.

Мы разбавляли его кристально чистой ледяной водой из ручья. Это вино буквально околдовало всех нас. Мы достали из ямы уже запеченного ягненка. Мясо с косточек отделялось без малейших усилий. Я приправил его тимьяном и какими-то неизвестными местными травками, издававшими аромат, перед которым невозможно было устоять. Как голодные волки набросились мы на ягненка, съели все до последнего кусочка, а потом попадали прямо на траву и спали до наступления темноты.

На четвертый день мы были почетными гостями на свадьбе у болгар мусульманской веры.

На пятый участвовали в состязаниях с мулами.

На шестой сидели в жюри конкурса за самый вкусный родопский пирог – пирог с картошкой.

На седьмой добрались до Огняново, где мои рыбаки целый день отдыхали в бассейне с горячей минеральной водой.

На восьмой участвовали в соревновании «Кто больше выпьет ракии». От этого дня практически никаких воспоминаний не осталось.

На девятый прибыли в Триград. Увидели, что вода в речке уже спокойная, и отправились по ее течению. В одном омуте Джон поймал первую форель на искусственную муху, после чего великодушно отпустил ее обратно в воду. Все засняли великое событие и угостились по этому поводу, а через некоторое время мой джип затонул в мелководье реки.

Пока я буксовал, чтобы выбраться, сгорела прокладка головки двигателя. Немного позже сгорела и вторая лебедка. Поскольку двигатель постоянно выбрасывал антифриз, я заменил его водой. Температура неизменно стояла на красной отметке, и мы просто привязали один джип за другой и таким вот образом передвигались до конца нашего путешествия.

Больше рыбы никто не поймал. Чтобы добраться до столицы, нам нужно было два дня. Во время всего пути, когда приходилось останавливаться по малой нужде, англичане выстраивались как солдаты и по команде Лесли делали свое дело. Даже снимали все на камеры, но только сзади и со стороны, чтобы их мужское достоинство не попадало в кадр.

Во время одной остановки туристы взвесились, и оказалось, что каждый поправился как минимум на три килограмма. Все без исключения овладели по крайней мере тремя болгарскими матерными словами,

знали, как на болгарском языке закадрить девушку, и имели такой загар, как будто две недели провели на пляже. Где-то в Родопах они потеряли свою английскую изысканность и наконец-то стали похожи на полноценных мужчин.

На прощание англичане по-братски обняли нас и деликатно сунули по конверту в карманы мне и моему сыну. От имени всех Лесли благодарил нас за невероятный отдых. Сказал, что ни в одной другой стране он не проводил время так здорово, и будет помнить эту спортивную рыбалку до конца своей жизни.

Я совсем не сомневался в его словах. Несчастный должен был посетить более ста стран во всем мире, чтобы наконец-то пережить две самые ценные недели в своей жизни.

Англичане улетели с счастливыми лицами, но совсем не так выглядел представитель фирмы, где я нанял джипы. Увидев машины, он сначала схватился за голову, потом за сердце и в конце концов сполз на землю.

Почти то же самое случилось и с Вадимом, когда он выслушал мой подробный рассказ о наших приключениях.

– Мы разорены! Ты нас прикончишь своим безумством! – тревожился он целую неделю после моего возвращения, пока не получил заявку на отдых еще девятнадцати англичан по тому же маршруту и с тем же экскурсоводом. Группа состояла из родственников и приятелей спортивных рыбаков. Параллельно с этим в знак благодарности на счет фирмы дополнительно была переведена сумма в тысячу английских фунтов.

И представьте себе, эта славянская душа, этот русский человек-рубаха Вадим, глядя на меня одновременно с возмущением и восхищением, потерял свой небритый с тех пор как я вернулся подбородок и отрезал:

– А ты не получишь ни одного пенни! Ты должен радоваться, что у англичан есть чувство юмора, и только по этой причине мы не разорились! Одинадцать джентельменов – спортивных рыбаков возвращаются через две недели всего с одной пойманной рыбой!!! А в придачу к этому еще и довольны, и даже посылают деньги! Это настолько ненормально, что никто из нашего бизнеса, если кому расскажу, мне не поверит!

– А ты не рассказывай! – хмуро посоветовал я. – Если расскажешь, они поймут, какой необработанный алмаз ты имеешь в моем лице, и сделают мне предложение получше!

– Иди сюда, я тебя обработаю, алмаз! – двинулся на меня Вадим, но я решил не рисковать и вышел из офиса с высоко поднятой головой. Все-таки русский – не англичанин. Нельзя рассчитывать на хорошие манеры независимо от его доброй души. Даже если он не выпил и капли водки, русский навсегда останется для меня загадкой. Совсем другое дело англичанин – спортивный рыбак!

Минна КАРАГЕЗОВА

Перевод с болгарского Валерия Латынина

Улица проливных дождей

Дом прекрасен, он словно купается в розах,
но выносят покойника нынче из дома.
Две березки согнулись в молитвенных позах
и трепещут от боли под тихим балконом.

Тишина так густа, что ножом не разрезать.
Эта улица-призрак жильцами забыта,
в золотой лихорадке к ней нет интереса,
и закатом она будто в бронзе отлита.

Лаем псы оглашают гараж, что напротив,
фитнес-зал для собак в нем открыли цыгане.
У меня от волненья позывы на рвоту,
отрыгнуть бытие чужеродное тянет.

Стая толстых мужчин с золотыми цепями
возле псов суетится почетным эскортом.
Дело в шляпе у них с игровыми деньгами.
– Где бои? – вопрошают.
– Сегодня у корта...

А бойцовые псы кипятятся от злости,
впечатленье, что рвать и хозяина станут.
Зубы их разгрызают берцовые кости.
Псов пристрелят, когда доберутся к гортани.

«Проливные дожди» – путь в счастливое детство,
над тобою сегодня бесчинствуют грозы,
неужели ты псам достаешься в наследство,
а для нас не воскреснешь в бесчисленных розах?

Обетованная земля

Уехала в Америку сестра.
Мне за сестрой теперь не присмотреть.
Чтоб вместе ехать, я уже стара,
и молодая, чтобы умереть.

Мне доживать в ограбленной стране,
которая как будто бы вольна,
но варварским влиянием извне
до стадии руин доведена.

Вновь караваны нищие идут,
омытые слезами матерей,

им горсть земли родители дают
и молятся об участи детей:

«О Матерь Божья, от беды храни
и вороти живыми наших чад...»
Но дети смотрят в будущие дни,
на Родину больную не глядят.

К обетованной тянет их земле,
готовы все за рай земной отдать,
сжигают за собой мосты во мгле,
чтоб о пути обратном не страдать.

Их поглощает мир, что глух и слеп.
Чужое солнце светит им в лицо.
За океаном делят черный хлеб
и далеко от них земля отцов.

Земля отцов раздавлена нуждой,
ей варвары навязывают быт,
и дети едут к дальней и чужой,
когда своя не может прокормить.

Не говорите, что бессильны мы,
а мир глобальный детям шанс дает.
Поверьте – это силы сатаны
и к Минотавр у этот путь ведет...

Оптимистическое

Ангелине Матеевой

Ангелина, пасует твой ангел-хранитель –
слишком много страданий о смерти родных...
Чаша горя твою не обходит обитель
и судьба не смягчает ударов своих.

Не сквозь дом – через душу прошел перекресток
царства Света и ада, где властвует бес.
Выживать между жизнью и смертью непросто,
вознестись не дает очень тяжкий твой крест.

Эта страшная битва притихла немного,
отступил перед Светом воинственный ад,
ты узнала от Сына Всевышнего Бога,
что вернешься на землю – любить и страдать.
Принимаешь смиренно свое возвращенье,
видно, в рай и нирвану нам рано опять...
Будут новые чаши беды и мученья
нам безгрешные души сурово ваять.

Мы вернемся сюда, чтоб закончить ученье,
чтоб долги и грехи без остатка стереть,
чтоб любовью свое оправдать сотворенье...
Вот тогда и отступит, наверное, смерть!

Путь

*«Когда спросят – как пройти через жизнь?
Отвечайте – как по струне над бездной –
красиво, внимательно и стремительно».*
Учитель Мория

Взбираюсь трудно, медленно, с одышкой
к вершине, что сияет впереди.
Мои года уже мешают слишком
идти одной по сложному пути.

Друзья остались у подножья где-то,
а поначалу вроде шли за мной.
И только смерть моя ступает следом
по тропке, предначертанной судьбой.

Разряжен воздух, сердце обмирает,
устали ноги, в горле горький ком...
Но пик горы заманчиво сияет,
и я должна дойти к нему пешком.

Я выбрала сама вершину эту,
свободу от страстей и от услад.
И потому легко в душе поэта
над бездной струны вещице звенят!

Танец

Море. Август. Улетает лето.
Аисты – на первом терминале.
Я прошу их жалко – без ответа,
чтоб меня с собой в Египет взяли.

Некролог читаю у хозяев –
утонул их сын, детей спасая.
Боль моя своих краев не знает
о сердцах, что в скорби угасают.

Кофе пью в саду у водопада.
Вести – о дождях по всей Европе.
Я себя утешить мыслью рада:
«Этот город обойден потопом».

Что еще осталось мне по квоте
жизненных потерь и обретений,
Кроме как включиться в хороводе
в танец жизни с пестрой светотенью.

Над тоской, заботами и горем
я лечу, усталости не зная.
Вспышки света шлет маяк над морем,
краткие, как наша жизнь земная.

В последнее время

А может, в сегодняшние времена
мы думаем только о хлебе насущном?
Кому пригодятся мои письма
о нашем кошмаре, в забвенье текущем?

Когда мы разделим свой хлеб за столом,
пригубим вина, то есть крови Христовой,
припомним ли в грустной беседе о том,
что было в начале творения Слово?!

Подобно Христу не могу я сказать:
«Вино – это кровь моя, хлеб – это тело...»
Я только способна вам душу отдать,
но вряд ли она пригодится для дела.

Поэтому к Богу – молитва одна,
наивно, быть может, просить про такое:
«О Боже, пусть станут мои письма
как хлеб и вино для несчастных изгоев!»

Благодарение

Благодарю Тебя, Господь,
за то, что не пила из чаши
такой любви, что проведет
без испытаний жизнью нашей,
что отменил немало чаш
и превратил печаль в уроки,
в друзей – былых моих врагов,
чтоб видела свои пороки.
За чудеса в судьбе моей,
что вывели меня из мрака,
за смелость восходить к Тебе
по лестнице, что создал Яков;
за испытания Твои

и бесконечное терпенье,
за то, что мне была дана
Голгофа гнева и смиренья;
за всех спасителей моих,
что удержали от паденья,
за душу, полную любви,
за награждение прозреньем!
И даже – за стихотворенье!

Храни эмоции мои
до окончания юдоли,
и я прошу Тебя, Господь,
Твоя на все пусть будет воля!

Отец

Уменьшается мир твой привычный, отец,
все, кого ты любил, отошли понемногу,
отнимает судьба круг друзей под конец,
будто грустные старцы обещаны Богу.

В мире грусти быть гидом тебе не дано,
ты учил меня весело жить, вдохновенно.
Пронеслась твоя жизнь, будто кадры кино,
или отсветом молний мелькнула мгновенно.

Ты сидишь молчаливо среди старых вещей,
переживших свой век в быстротечности буден.
Мы – последние ниточки связи твоей
с этим светом. И помнить тебя лишь мы будем.

Был разгромлен отцами построенный мир,
и уходят отцы, как безгласные тени...
Бессердечность – сегодняшний их конвоир
на погост по дороге потерь и забвенья.

Где вам место найти, чтоб свободно дышать
в паутине разросшегося окаянства?
Задыхается ныне живая душа
в сотворенном вокруг безвоздушном пространстве.

Поднимаешься тихо по лестнице в рай,
все прозрачней свеченье усохшего тела...
Шорох крыльев послышался мне невзначай –
ты давно уже стал нашим ангелом белым.

Надя ПОПОВА

Междоцарствие Господне

Актеру Богдану Глишеву

Этот мир не похож на сцену –
слишком много в нем зла и боли.
Быть зверьками со шкуркой ценной –
нам такая досталась доля.

Этот мир – следопыт, охотник,
и умело ведет он травлю.
Нам спастись от облавы хоть бы –
не хую его, но и не славлю!
Его локти остры, как стрелы.
Как нужны мы для этого мира –
без гроша, без души, без цели,
без какого-то там Шекспира!

Честь опять не в чести. Отбросы
на плаву. И все воры – в своре...
Об Ахматовой и о Бродском
мы уж лучше с тобой поспорим.
И пока их пути и судьбы
мы с тобою опять обсудим,
Про постыдные наши будни
и про стадо свое забудем.

Нет, с единством места и времени
не совпасть нам. Ведь мы – не с ними!
Но что Бог дал своим твореньям,
то, что дал нам – лишь он отнимет!

Перевел Сергей Литвиненко

Я адресов своих не выбирала,
но так случилось, что всегда жила
среди домов, назначенных на слом,
а позже месяцами и годами
толпилась в суматохе новостроек.

Так и не поняла, что значит дом.

Я, арендаторша воздушных замков,
сегодня счастлива,
что явишься ты в гости.

Но только осмотрительней ступай,
ступай внимательно, поскольку в жизни
нет ничего
ужасней сотрясения,
чем при падении воздушной башни.

Дорогие мои, очевидному верьте с опаской!
И хрустальной воде, уносящей прозрачную гладь,
и блестящей, как уголь, ежевике, сравнимой со сказкой,
а сожми ее ягоды – примется кровь вытекать;
у убийцы за пазухой недослушанные сказанья;
у смиренных отточен для вырубки острый топор;
бессловесные рыбы не ведают землепризнанья;
человек богоравен, но пузом елозит простор;
опустевшие сельские избы скрипят половицами,
и прекрасные речи вылетают из жалкого рта;
и предсмертные вздохи, рожденные словно цевницами,
вылетают из уст, а уже на устах немота.

Я петле не поддамся и на жизненном переходе
цвет и форму труда своего
щедро выставлю на виду.
Но лишь воздухом горло мне сдавит
при внезапном налете,
не спрошу я: «Кто там?» –
уроню безголосо:
«Иду...»

Здесь теченье потише,
и ливады прохлада,
мне под этою крышей
чужого не надо.

И хоть голос прискорбный,
открыто признаюсь –
милый домик предгорный
взяла я под наим.

Я на лавку присяду
при последнем затишье,
удалюсь я по саду
в мир, откуда мы вышли...

Очень тайной дорогой –
вдоль реки одинокой,
в темь с травой высокой,
под водою глубокой.

От полнолуныя это, мой любимый,
приходит ощущение пустоты.

В такие ночи и такие зимы
безумие слетает с высоты.
Псы на ночных дорогах все свирепей,
снег, как начес овечий, меховой...

Мой этот час.
Мой этот жребий –
жить без тебя,
всецело быть с тобой.

Я с давних дней иду по узкой кромке,
а подо мной прохожих смутный рой,
как задним зеркалом осветит мне потемки
среди дорог бессонный разум мой.

У пропасти стою в жестоком мире
и не могу пред роковой чертой
все повторять,
что дважды два четыре,
что день мудрей, чем вечер и покой,
что не желай приятеля супругу
(и выверты, подобные сему),
они безвкусны, навевают скуку
и не дают прозрение уму.

А мне не страшны колдовские яды.
Кто от беды меня отгородил?
Меня стегали ветви без пощады,
сорвала плод, а он червив и гнил.

Я свыклась, что стенания и муки
улыбкой озаряю
в день святой.

Но только ты
не исчезай, как звуки
под черною беспамятной водой.

Росица КУНЕВА

Липы цветут, как в последний раз
над раскаленным асфальтом,
птицы в пылу необузданных ласк
звуки рождают вальса.

Тихо смывает мои грехи
Слезка солнечного ока,
Сходит в бескрайний свой мир стихий
сон, уходя неохотно.

Цветут на бульварах ли липы еще
с корнями в щелях тротуара?
В зеленые рифмы строки поглощен –
ритм слов нарушает порядок.

Солнце и птицы мне подмигнут
с небес под утра пророчество,
с Богом встречи в тот миг не жду –
блаженно мое одиночество...

Библейское

Тяжелое слово – словно распятые,
бессонница с болью в глазах,
слова осуждения верных приятелей
ночью тихо наводят страх.

Не прокричат петухи в звездном свете,
вечности гимн не споют,
как и за час до прихода рассвета
сами себя предают.

Не вижу ни ада, ни края вселенной,
ни Авеля, Каина, ни Петра,
самую собой на века обреченной,
покаяться наступила пора.

Безлунной тропой уйдут навсегда
ввысь на ощупь души гонимые.
Все едино, придут они куда –
только пусть назовут нас по имени!

Надвигаются Черные воды,
тучи влача,
берег, как край небосвода,
ивы грустят.

Надвигаются Мутные воды,
души в тоске.
Берег хранит свои сходы,
палач вдалеке.

Надвигаются Золотые воды,
И исчезает мрак.
Трогаю света разводы,
ищу божественный знак.

Ивы развесили своды
над плачущим палачом.
Надвигаются Белые воды.
Что в знаке этом благом?..

Родительская суббота

Умираем и уходим – друг за другом,
не по датам рождения, не по плану.
Крылья непокорные по кругу
сковываем, дух свой приземляем.

Руки наши издавна отсечены,
кается хмельной палач в пивной,
мы на жизнь с тобой обречены,
не в долгу ни перед кем давно.

Умираем или остаемся,
я не знаю. Не дано мне знать.

Но на карте тайной географии,
что открыла земли не на суше,
росчерком напишут эпитафию
уходящим в неизвестность душам.

И зажжется солнце непомеркшее
там над горизонтом в дымке тихой,
и споткнется рифмой о бессмертие
стих воскресший болью незабытой.

Коротко об авторах

АРКАНИНА Анна (Рокецкая Анна Леонидовна) – поэт, радиоведущая. Родилась в Сургуте Тюменской области, живет в Москве. Окончила МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения (кафедра сравнительного изучения литератур и культур). Автор и ведущая программы о поэтах на интернет-радио «МедиаМетрикс». Лауреат национальной премии «Поэт года», 2018 год (третья премия). Публиковалась в литературных журналах: «Плавучий мост», «Южная звезда», «Сетевая словесность». Автор сетевого поэтического альманаха «45-я параллель». Автор двух поэтических книг: «Воспитывать нельзя», 2015 год, и «Легче перышка», 2019 год. Издательство «Перо».

АНАШКИН Эдуард Константинович. Член Союза писателей России, прозаик и эссеист, литературный критик. Родился в 1946 году в Читинской области. Автор книг «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переplet», «Под крылом Пегаса», вышедших в Самаре и Москве. Печатался во многих московских, всероссийских и областных изданиях – «Роман-журнал-21 век» (Москва), «Русское эхо» (Самара), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Сура» (Пенза), «Балтика», «Наша улица» (Москва), «Парламентская газета» (Москва) и т.д. Лауреат Самарской региональной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат Всероссийской премии «Имперская культура». Живет в Самарской области.

АНТУФЬЕВА Надежда Леонидовна. Окончила Ленинградский институт культуры, долго жила в Кронштадте, где служил ее муж, 10 лет работала в Тюменской областной научной библиотеке главным библиографом краеведческого отдела. В настоящее время – ведущий специалист НИИ Истории науки и техники Зауралья Тюменского индустриального университета. Автор нескольких книг, монографий, сборника детских стихов. Живет в Тюмени.

АСИОВА БОЙКА. Родилась 16 декабря 1945 года в болгарском городе Разлоге. Инженер-химик по образованию, она более 30 лет проработала журналистом в различных национальных ежедневных газетах. Автор 13 книг. Ее роман «Яловая вдова», номинированный на премию «Хеликон», удостоен национальной премии в области литературы им. Николая Хайтова за 2007 год. В сентябре 2012 года в Германии он вышел в переводе на немецкий язык. В 2011 году ее произведение «Рецепт для колокола» удостоено ежегодной премии Союза болгарских писателей в разделе «За лучшую эссеистику». Асioва публикуется в литературных и публицистических печатных и электронных изданиях: «Съвременник», «Везни», в альманахах, в сайтах «Факел», «Площад Славейков», «Либерален преглед», «Чуйме». Вместе с дочерью они ведут блог: www.boikairina.com. Бойка Асioва является автором более 20-и документально-публицистических фильмов, выпущенных Болгарским национальным телевидением.

БАЧКОВ Красимир Иванов. Родился 18.08.1958 года в г. Добрич, Болгария.

Высшее образование получил в университете «Епископ Константин Преславски» г. Шумен, по профессии – учитель.

Изданные книги: «Долгий путь через туннель»/рассказы/; «Синий конь»/рассказы/; «Легион обреченных»/роман/; «Смелость в дар»/рассказы/; «В ожидании утра»/рассказы/; «Солнце на двоих»/рассказы/;

«Летние каникулы 2013 г.» /роман для детей/... Красимир Бачков – обладатель десяти национальных наград за прозу. Его произведения переведены на русский, украинский, словацкий и английский языки. Основатель и редактор журнала «Антимовски хан» – Добрич. Член правления Ассоциации писателей в г. Добрич. Член Союза болгарских писателей/СБП/ – София и Ассоциации писателей – Варна.

БЕЛОГЛАЗОВ Павел Калистратович. Родился 7 мая 1952 года в селе Упорово Тюменской области. Большую часть своей жизни прожил в Ялуторовске. После окончания Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. Максима Горького получил диплом по специальности «Журналистика» и работал литературным сотрудником редакции газеты «Ленинский путь», корреспондентом газеты «Тюменская правда». С декабря 2002-го по март 2017 года возглавлял Ялуторовский музейный комплекс. П.К. Белоглазов – член Союза журналистов РФ, в 2008 году ему вручен Почетный знак Союза журналистов РФ «За заслуги перед профессиональным сообществом». Председатель правления Благотворительного фонда содействия культуре им. С.И. Мамонтова.

БОГДАНОВА Вероника Владимировна. Родилась в 1971 году в Республике Казахстан, под Карагандой. Приехав в 1994 году на Ямал, в город Лабытнанги, обратилась в поисках работы в окружную газету «Красный Север», отправив туда стихи. Участвовала в создании сборников стихов лабытнангских поэтов «Под сиянием Севера» и «Душой рожденные слова», печаталась в журналах «Ямал – сокровищница России», «Ямальский меридиан», альманахе «Обская радуга». Стихи вошли в два тома сборника ямальских поэтесс – «Женщина талантлива от Бога» и антологию ямальской литературы. Автор сборников стихов «Полуночная душа», «Тайники женского сердца», «До шестнадцати и старше». Член Союза писателей России. Лауреат премии им. Мамина-Сибиряка. Живет в г. Лабытнанги.

БОНДАРЕВА Виктория Леонидовна. Родилась в Тобольске, окончила юридический факультет. Стихи начала писать в школьном возрасте.

В последнее время обратилась к темам наследия предков, истории родного края, ряд стихов посвящен городам Тобольску и Тюмени.

БОРОДКИНА Наталья Михайловна. Родилась в 1958 году в казачьей станице на Кубани. С 19 лет живет в Сибири. Стихи и сказки были опубликованы в литературно-художественном журнале «Смена» (г. Москва), сборнике современной поэзии «Краски жизни» (г. Москва), сборнике современной отечественной поэзии «Живое слово» (г. Тюмень), литературно-художественном журнале «Берега» (г. Калининград), литературно-художественном альманахе «Врата Сибири» (г. Тюмень), историко-краеведческом альманахе «Явлутур-городок» (г. Ялуторовск). Автор трех поэтических сборников: «Миру с любовью», «На тонкой грани двух миров» и «Звенит строкой душа моя». Член Союза писателей России. Живет в Ялуторовске.

ВИДЕВА Ели. Родилась в городе Хасково, Болгария. Окончила факультет математики в Пловдивском университете им. Паисия Хилендарского, менеджмент образования в Университете национального и мирового хозяйства в Софии и информатику во Фракийском университете в г. Стара Загора. Работала учителем математики и информационных технологий в г. Хасково. Председатель Клуба деятелей культуры города Хасково. Автор книг стихов: «Огонь под дождем», «Дом», «Версия Жизнь», «Небесный всадник», «Слова о дальнем», «По оси», «Оживляю», «Под грушей кривой», «Проекция сферической природы» и «Палимпсест». Лауреат

национальных наград и Большой европейской награды в г. Куртия де Арджеш, Румыния. Ее стихи переведены на многие языки. Член Союза болгарских писателей, Союза математиков Болгарии и Славянской литературной и художественной академии.

ГЕРАСИМОВ Владимир Иванович. Состоит в региональной ассоциации «Поэты Тюменской области. Дипломант международных конкурсов «Прикасаюсь сердцем к небу» (Астана, Казахстан), «Любви все возрасты покорны» (Москва – Тула). Финалист и победитель Второго Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы 2016 года», лауреат регионального конкурса «Книга года 2016, Тюмень». На его стихи написано более десятка песен. Печатается в коллективных сборниках и литературных журналах России. Живет в Тюмени.

ДЮКАЛОВ Сергей Викторович. Родился в Перми. Детские годы прошли в Башкирии. Закончил Тюменский индустриальный институт по специальности «Геология и разведка нефтяных и газовых месторождений». Увлечение поэзией сохранил с молодости, серьезно писать начал с 2006 года. Стихи публиковал в местной печати, в ряде коллективных сборников, в альманахах «Литературный факел» и «Поэт года» (Москва), в антологии сетевой поэзии (С.-Петербург). Автор двух поэтических сборников – «Сердце мое – река» и «Строгая нежность». В 2008 году стал лауреатом Всероссийского литературного конкурса «Факел», а в 2011 году – премии «Золотое перо Газпрома». Живет в Тюмени.

ЗАХАРОВ Аркадий Петрович. Неоднократно публиковался в альманахе «Врата Сибири», автор нескольких книг по краеведению, в том числе выпущенных в известных столичных издательствах. Член Всесоюзного Пушкинского общества, член Союза писателей России. Живет в Тюмени.

ИВАНОВ Леонид Кириллович. Родился в Вологодской области, с 17 лет в журналистике, в 1977 году стал участником семинара молодых писателей под руководством Василия Белова. Автор 20 книг, лауреат международных, всероссийских и региональных литературных премий. С 2014 года возглавляет Тюменское региональное отделение Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ, Почетный работник культуры и искусства Тюменской области.

ИВАНОВ Николай Николаевич. Родился на прииске, участке № 34 Башзолото, ныне город Сибай в Башкирии. После восьмого класса пошел работать на пилораму – катать бревна, перекидывать распил (доски, брус, горбыли). В шестнадцать лет стал учиться на слесаря, занялся спортом, служил в армии. С 1975 года – строитель трубопроводов в Каракумах, Кызылкумах, на Памире, в Карпатах, на Кавказе, в Молдавии (газификация), Прибалтике, на Крайнем Севере (с 1976 года), в степях Оренбурга и Казахстана. Пишет прозу, печатался в периодических изданиях. Живет в Ноябрьске.

КУЗНЕЦОВА Алевтина Васильевна (Алла Кузнецова). Родилась в деревне Кузнецовой Гольшмановского района Тюменской области в 1943 году. Много лет работала журналистом в различных районных газетах. Была некоторое время редактором альманаха «Иртыш» Омской писательской организации. Последние двадцать лет живет в родной деревне, занимается литературной работой, печатается в журналах «Сибирские огни», «Врата Сибири». Автор более сотни рассказов, трех романов, нескольких повестей, написала огромное количество отличных стихов. Член Союза писателей России.

КАРАГЕЗОВА Минна. Минна Борисова Карагезова родилась 21 ноября 1955 года в болгарском городе Хасково. Окончила Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского по специальностям «Русская филология» и «Английский язык и литература». Автор поэтических книг: «Постоянное место жительства»; «Струна над бездной»; «Танец». Автор книги публицистики, эссеистики и литературной критики «Раненые словом». Литературные награды: национальный поэтический конкурс в Благоевграде, Болгария; конкурс радио «Веселина»; областной поэтический конкурс – Димитровград, Болгария; приз Клуба деятелей культуры – Хасково; национальный поэтический конкурс – Сливен, Болгария; национальное поэтическое собрание «Доброслов»; национальный конкурс религиозной поэзии «Под монастырской лозой». Член Союза писателей Болгарии, Славянской литературной и художественной академии.

КИРАМОВА Халида Халидулловна. Учитель татарского языка и литературы, русского языка и литературы тюменской общеобразовательной школы № 52, кандидат филологических наук. Имеет множество грамот и благодарственных писем Министерства образования РФ, Республики Татарстан и Тюменской области. Живет в Тюмени.

КОЗЛОВА Валентина Леонтьевна. Родилась 11 января 1934 года в г.Тобольске Тюменской области. Окончила Пермский государственный университет им. Максима Горького. Три года работала в школе, с 1962 года – 20 лет – в Тобольском пединституте им. Д.И. Менделеева (от ассистента до завкафедрой русского языка). 12 лет преподавала в институте искусств и культуры, затем 10 лет – в нефтегазовом университете. Кандидат филологических наук. Доцент. Награждена знаком «Отличник народного просвещения РСФСР». Член Тюменского историко-родословного общества. Живет в Тюмени.

КУНЕВА Росица. Родилась 28 августа 1962 года. Живет и работает в Софии. Окончила факультет болгарской филологии в Софийском университете им. Св. Климента Охридского. Работала преподавателем болгарского языка и литературы. Пишет поэзию со школьного возраста, ее произведения печатаются в литературных газетах и журналах. Стихи Росицы Куневой переведены на сербский и русский языки. В 2018 году вышла из печати ее книга «Приют для бессонниц».

Росица Кунева переводит с сербского, русского и немецкого. Ее критические статьи и обзоры опубликованы в журналах и электронных изданиях в Болгарии и за рубежом. Работает переводчиком, консультантом и редактором в нескольких издательствах. Член Славянской академии. Закончила Монтессори-педагогику и терапию в Мюнхене, является первым специалистом в этой области в Болгарии. Многие ее научные статьи опубликованы в Болгарии и за рубежом.

ЛОМАКИН Станислав Константинович. Родился в 1941 году в селе Кыштовка Новосибирской области. После седьмого класса поступил в училище механизации сельского хозяйства, работал механизатором. Учился в летном училище. В 1966 году окончил Томский государственный университет, аспирантуру. Более сорока лет преподавал в вузах Тюмени. Литературным творчеством занимается с 1965 года, его рассказы печатались в журнале «Уральский следопыт», в местной периодике. Автор нескольких книг и многих научных работ по истории философии, по краеведению. Член Союза писателей России с 1997 года. Живет в Тюмени.

МИЩЕНКО Александр Петрович. Лауреат литературной премии им. Ивана Ермакова и лауреат Всероссийской литературной премии

им. Мамина-Сибиряка. Издал более сорока книг. В Екатеринбурге готовится к изданию его роман-эпопея «Байкал: новое измерение». Член Союза писателей России. Живет в Тюмени.

РАСТОРГУЕВ Андрей Петрович. Российский поэт, переводчик, журналист. Родился в 1964 году в г. Магнитогорске в семье медиков. С золотой медалью окончил среднюю школу № 56 г. Магнитогорска, затем Уральский государственный университет. Заведовал отделом редакции газеты «Молодежь Севера» (г. Сыктывкар), руководил пресс-службой Верховного, затем Государственного совета Республики Коми, был главным редактором информационного агентства «Коминформ», работал в коммерческих структурах, с 2008 года преподает в Уральском государственном университете. Первая книга стихов и поэм «Я родился в проклятой стране» вышла в 1991 году в Сыктывкаре, является постоянным автором журнала «Север» (Петрозаводск), публиковался в журналах «Наш современник» (Москва), «Литературная учеба» (Москва), «Урал» (Екатеринбург), «Южная звезда» (Ставрополь), «Простор» (Алма-Ата). Лауреат Государственной премии Республики Коми. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России.

САЗОНОВ Геннадий Алексеевич. Родился в 1950 году в Тверской области, окончил Ленинградский университет, более 40 лет отработал в местной и центральной печати. Автор 30 книг поэзии, прозы, публицистики, публиковался во многих альманахах и журналах. Лауреат ряда премий и конкурсов, награжден Почетной грамотой правления Союза писателей России, директор Вологодского областного отделения литфонда России, с 1987 года живет в Вологде.

СЕЗЕВА Наталья Ивановна. Доктор искусствоведения, член Союза художников РФ, председатель тюменского отделения ассоциации искусствоведов РФ, заведомо «Художественная культура и искусство края» Тюменского музея изобразительных искусств ГАУК ТО «Музейный комплекс им. И.Я. Словцова». Живет в Тюмени.

СИЗОВ Даниил Викторович. Родился в 1974 году в Тюмени. Выпускник исторического и филологического факультетов Тюменского госуниверситета. Публикации: в тюменских газетах и журналах («Врата Сибири», «Лукич»), в коллективном сборнике «Очертания основ» (Екатеринбург, 1998), в альманахах «Перекрестки» (№ 12-2015, Москва), «Между» (выпуск № 2-2017, Новосибирск), «День поэзии – XXI век» (Москва, 2017) и в журналах «Нижний Новгород» (№ 1-2018), «Звезда» (№ 2-2015, Санкт-Петербург).

В 2016 году в Тюмени вышел сборник «Буфет на полустанке», который получил диплом на областном конкурсе «Книга года – 2016» в номинации «Лучшая поэтическая книга».

НЯГОЛОВА Елка. Поэт, издатель, переводчик, беллетрист, антологист. Создатель и первый председатель Международного творческого объединения «Славянская литературная и художественная академия». Главный редактор журнала «Знаки». Директор для Балкан МАП – Международной ассоциации писателей. Член Болгарской академии наук и искусств. Директор Международного фестиваля поэзии «Славянское объятие». Действительный член Академии российской словесности, Академии поэзии и Академии российской литературы. Автор более 30 книг, среди которых 10 – за границей: в России, на Украине, в Сербии, во Франции, в Хорватии, Македонии, Польше, Греции и др. Ее стихи печатаются на многих языках.

Сама переводит с пяти славянских языков. Лауреат многих национальных и международных литературных конкурсов, в том числе – в России, Хорватии, Латвии, Польше, Сербии, Черногории, Великобритании.

ОМЕЛЬЧУК Анатолий Константинович. Известный русский писатель, журналист, краевед, автор десятков книг, документальных и телевизионных фильмов. Действительный член (академик) нескольких академий. Окончил Томский государственный университет, много лет работал на Тюменском Севере, более четверти века возглавлял ГТРК «Регион-Тюмень». Лауреат многих литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Почетный гражданин Тюменской области. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Живет в Тюмени.

ТОМСКИЙ Артур – литературный псевдоним автора. Один из победителей Всемирного литературного конкурса «День поэзии – 2018». Госслужащий, преподавал в высшей школе, большинству жителей Тюменской области, в которой живет уже 20 лет, известен под псевдонимом Артур Томский. Родом с Украины, занимается сочинительством около тридцати лет. Пишет на русском, но больше на украинском языке, печатался в коллективных сборниках и литературных альманахах в Киеве и Тюмени.

ЛУЦКИЙ Сергей Артемович. Сочинять начал в возрасте десяти-одиннадцати лет, печатался в разных газетах, в том числе в «Пионерской правде». После восьмилетки поступил в Черновицкий индустриальный техникум, отслужил в армии, работал на Черновицком машиностроительном заводе инженером-технологом. По окончании Литинститута им. Максима Горького до 1981 года работал в Государственном комитете по делам издательств, полиграфии и книжной торговли РСФСР (Госкомиздат РСФСР). Затем почти 11 лет – литконсультантом Союза писателей СССР, позже – в Министерстве печати РФ. С 1993 года живет в Нижневартовском районе. Печатался в журналах «Советский воин», «Крестьянка», «Октябрь», «Урал», «Наш современник», «Роман-газета», «Югра», «Мир Севера», «Сибирские огни», «Зарубежные записки», альманахах «Эринтур», «Врата Сибири», «Чаша круговая». Автор более десяти художественных книг. Член Союза писателей России. Заслуженный деятель культуры ХМАО – Югры.

ОЖГИБЕСОВА Ольга Адольфовна. Член Союза писателей России, Союза журналистов России, прозаик, краевед, поэт, кинодокументалист, победитель международных и всероссийских журналистских и литературных конкурсов. Редактор издательства Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И. Менделеева. Живет в Тюмени.

ПОПОВА Надя. Родилась 1 июня 1952 года в Болгарии, г. София. Старшие классы средней школы окончила в Москве, а затем училась в Литературном институте им. Максима Горького (1969 – 1974). Работала радиожурналистом в культурном отделе Болгарского национального радио, редактором в редакции «Поэзия и драматургия» издательства «Народна култура» и в журнале «Панорама» – издании для зарубежной литературы, теории и критики перевода. Сейчас она главный редактор газеты «Словото днес» («Слово сегодня») – органа Союза болгарских писателей. Автор ряда поэтических книг. Лауреат литературных премий, среди которых – премии им. Владимира Башева за лучшую дебютную книгу и премии «Источник Белоногий» за целостное творчество. Член Союза болгарских писателей и Союза переводчиков Болгарии.

СТРАНДЖЕВ Иван. Родился 12 мая 1953 г. в Пловдиве, учился на филологическом факультете Софийского университета им. Климента

Охридского до третьего курса, а после того окончил драматургию Высшего института театрального искусства им. Сарафова. Является членом Союза болгарских писателей и Славянской литературной и художественной академии. Его стихи переведены на английский, русский, словенский, чешский, немецкий, венгерский, бурятский, узбекский языки. Автор более десяти поэтических книг. По пьесам Ивана Странджева поставлено несколько спектаклей. Лауреат национальных наград за поэзию и драматургию.

ЧУПИНА Ирина Сергеевна. Родилась в Ишиме. Одновременно с общеобразовательной окончила художественную школу, затем получила специальность декоратора-оформителя. Член творческого союза профессиональных художников. Стихи пишет всего несколько лет, публиковалась в нескольких коллективных сборниках и литературных альманахах.

ШУГЛЯ Владимир Федорович. Автор многих поэтических сборников, Почетный генеральный консул Республики Беларусь в России, живет в Тюмени, но корнями связан с Беларусью. Его стихи опубликованы в журналах «Современник» и «Молодая гвардия», «Великороссь» и «Русский крест», «Неман» и «Немига литературная», «Невский альманах», «Югра» и других. Многие поэтические произведения стали песнями. Издан ряд книг лирики... Член Союза писателей Союзного государства России и Беларуси, Союза писателей Беларуси, Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, является лауреатом республиканской премии «Лучшая книга года» (2013, Беларусь), ряда литературных премий России, награжден орденом «Дружбы» (Россия), медалью и орденом Франциска Скорины.

ЯГАФАРОВ Роберт Аликович. Родился в 1970 году, окончил Тюменский индустриальный институт (горный инженер) и современный гуманитарный институт (менеджмент). Писать рассказы начал несколько лет назад, выкладывает их в интернет. В 2016 году учился в школе Татьяны Толстой и Марии Головановской «Хороший текст», участвовал в выездной литературной мастерской CWS Майи Кучерской «Город как текст» в Праге. Живет в Тюмени.

ЯНЕНАГОРСКИЙ Олег (Ширманов Игорь Александрович). Родился в 1959 году в г. Кургане, живет в Ханты-Мансийске. Член Союза писателей России, опубликовал пять печатных сборников, в том числе в США. Ответственный секретарь Ханты-Мансийского регионального отделения Союза писателей России. Живет в Ханты-Мансийске. Ответственный секретарь Ханты-Мансийского отделения СПР.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках: работы художника Юрия Антоновича Рыбьякова

На обложке:

картина «Лето. Дождь. Улица Ленина», 1982 г.

Художник: Юрий Антонович Рыбьяков

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу –
Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке правительства Тюменской области.
Выходит два раза в год. Издается с 1999 года.

Адрес редакции:

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, оф. 1108

тел./факс: (3452) 49-00-18

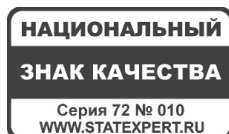
e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410

Директор-главный редактор Шестаков Сергей Александрович

тел. (3452) 49-00-18

Подписано в печать 15.05.2020 г.

Дата выхода номера в свет 15.06.2020 г.

Формат 70x108¹/₁₆. Бумага ВХИ.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.

Тираж 2 000 экз. Заказ № 1228. Цена свободная.

Журнал отпечатан в типографии АО «Тюменский издательский дом».

625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера: Павлова Александра Павловна.

Корректоры: Рыжкова Елена Александровна, Ишимцева Оксана Ивановна.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.